

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

167

АРХЕОЛОГИЯ СИБИРИ,
СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАВКАЗА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

167

АРХЕОЛОГИЯ СИБИРИ,
СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАВКАЗА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1981

Редакционная коллегия:

О. С. Гадзяцкая (ответственный секретарь),
Н. Н. Гурина, А. Н. Кирпичников (зам. ответственного редактора),
Ю. А. Краснов, В. В. Кропоткин,
И. Т. Кругликова (ответственный редактор),
В. П. Любин, В. М. Массон, Н. Я. Мерперт, Р. М. Мунчаев,
В. В. Седов (зам. ответственного редактора),
Д. Б. Шелов

СТАТЬИ

В. А. АЛЕКШИН

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД
КАК АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

С момента возникновения в эпоху мустье погребальные обряды подготавливали умершего члена общины для жизни в потустороннем мире. Различные общины в древности представляли себе погребальный обряд по-разному. Отсюда значительное разнообразие погребальных обрядов, которое археологи наблюдают при раскопках древних могильников.

Погребальный обряд состоит из двух взаимосвязанных компонентов. Первый из них характеризует ритуальную сторону и включает набор одобренных традицией ритуальных действий, происходящих до похорон, в момент похорон и после них. Эти действия необходимы для перевода в потусторонний мир умерших членов общины, составляющих ее основное ядро и связанных общим родством. Второй компонент характеризует общественное положение умершего и состоит из набора материальных элементов, присущих погребальному обряду: погребального сооружения, набора инвентаря, позы умершего.

Совокупность двух компонентов составляет стандартный (традиционный) погребальный обряд любой археологической культуры. Эти два основных компонента нельзя рассматривать изолированно друг от друга или противопоставлять друг другу, поскольку для извлечения любой информации необходимо детально анализировать погребальный обряд в целом.

В погребальном обряде как археологическом источнике потенциально заложена весьма разнообразная информация. А. Хойслер считает, что, исследуя погребальные обряды, можно установить половозрастную и социальную дифференциацию общества, а также осветить некоторые моменты, связанные с реконструкцией форм семьи и брака в эпоху первобытности¹. С моей точки зрения, А. Хойслер суживает объем информации, которую можно извлечь, изучая погребальные обряды.

Современная процедура исследования столь специфического источника, как погребальный комплекс, требует предварительной реконструкции погребального обряда. Только после этого захоронения можно использовать как источник для извлечения культурной, социологической и демографической информации.

Разумеется, археолог не может в полной мере реконструировать все детали погребального обряда. Из поля его зрения выпадают, например, весьма разнообразные ритуальные действия до момента похорон². Для наиболее полной реконструкции погребального обряда следует уделять особое внимание способу захоронения (ингумация или кремация), типу захоронения (одиночное, парное, коллективное), форме погребального сооружения, ритуальным действиям в момент похорон и после них, составу наборов погребального инвентаря, позе умершего.

Расчленяя при реконструктивных построениях погребальный обряд, можно отметить в нем шесть информационных блоков. Каждый из них

освещает определенную сторону жизни древних обществ. Для первых трех информационных блоков определяющее значение имеют в равной степени оба компонента погребального обряда, как ритуальный, так и материальный.

Первый информационный блок связан со спецификой данного археологического источника и отражает представления людей о путях и способах перехода умерших в потусторонний мир, о жизни в стране мертвых. Изучая погребальные обряды во времени и пространстве, можно выявить эволюцию представлений древних о потустороннем мире, уяснить отношение людей, живших в отдаленные исторические эпохи, к смерти и умершим. При изучении этого круга вопросов следует использовать письменные источники, если таковые имеются.

Второй информационный блок освещает проблемы культуругенеза. Изучая погребальные обряды, можно проследить становление археологической культуры, ее развитие и смену иной или иными археологическими культурами. При смене одной археологической культуры другой возможна полная или частичная смена погребального обряда. Полная смена одного стандартного погребального обряда другим свидетельствует о полном исчезновении носителей конкретной археологической культуры, что могло быть вызвано миграцией, военной катастрофой или эпидемиями. Частичная замена одного стандартного погребального обряда другим, т. е. кардинальное изменение большинства элементов, составляющих прежний стандартный погребальный обряд, и трансформация его в новый стандартный погребальный обряд, говорит о проникновении в среду носителей конкретной археологической культуры носителей пришлой археологической культуры. Это зачастую приводит к формированию третьей археологической культуры, отличающейся от двух первых. При этом внешнему воздействию может подвергнуться любой из традиционных элементов прежнего стандартного погребального обряда. Как правило, в этой ситуации могут измениться тип захоронения, ритуальные действия, состав наборов погребального инвентаря, иногда форма погребального сооружения.

Соотношение сохранившихся прежних традиционных черт в новом стандартном погребальном обряде и элементов, вновь возникших благодаря внешнему воздействию, должно ответить на вопрос, какой культурный компонент (местный или пришлый) стал ведущим при формировании новой археологической культуры.

Третий информационный блок позволяет охарактеризовать общественное положение различных половозрастных групп древних обществ, поскольку в погребальных обрядах, судя по данным этнографии, отражаются половозрастные различия умерших⁴⁾

Так как существуют закономерности распределения инвентаря в могилах, коррелирующие с полом и возрастом умершего, то желательно реконструировать половозрастную структуру коллектива, оставившего могильник. Решение этой задачи одними только антропологическими методами не всегда возможно из-за плохой сохранности костного материала. Некоторыми исследователями предложены комбинированные методы для воссоздания первоначальной картины. У. Фишер и В. Рюкдешель, установив на основе антропологических заключений закономерности распределения инвентаря в зависимости от пола и возраста умерших, перенесли их на другие могильники той же археологической культуры, производя там половозрастные определения с помощью наборов погребального инвентаря⁴⁾ Ошибочность такой методики показал Г. Галаи⁵⁾: в разных могильниках одной археологической культуры устанавливаются разные пропорции распределения инвентаря в захоронениях одних и тех же половозрастных групп. Метод Фишера—Рюкдешеля эффективен только в том случае, когда исследователи ограничиваются изучением одного могильника⁶⁾. Очевидно, существуют возможности, помимо антропологических методов, определить пол и возраст, но было бы ошибкой переносить полученные наблюдения на другой могильник той же культуры.

Реконструировав половозрастную структуру похороненных в могильнике, следует в отдельности рассмотреть три большие группы захоронений: мужчин, женщин и детей. Каждую из них необходимо по возможности разбить на возрастные подгруппы. Для каждой половозрастной подгруппы следует определить характерный или стандартный погребальный обряд (ритуалы, форма погребального сооружения, набор инвентаря). Именно эти характеристики необходимо использовать для определения общественного положения той или иной половозрастной группы эпохи первобытности на протяжении значительных отрезков времени. В том случае, когда для различных половозрастных групп характерен один и тот же стандартный погребальный обряд, следует признать, что половозрастные различия не отражаются в погребальном обряде конкретного могильника.

Четвертый информационный блок характеризует степень социального расслоения древних обществ, поскольку социальное положение умерших, судя по данным этнографии, как правило, отражается в погребальных обрядах⁷.

В советской археологической литературе подобная постановка проблемы никогда не ставилась под сомнение. Тезис, согласно которому имущественные ценности, найденные в могилах, отражают социальное положение умерших, наиболее четко изложен в одной из последних работ В. М. Массона⁸. В западной археологической литературе этой же точки зрения придерживаются Л. Бинфорд⁹ и С. Шинэн¹⁰.

Этнографические разработки позволяют опровергнуть мнение А. Кребера, согласно которому погребальные обряды как ритуальные действия нестабильны и не отражают социальную структуру общества¹¹.

Почти аналогичную позицию занимает П. Акко¹². Ссылаясь на данные этнографии, согласно которым не всегда можно провести корреляцию между погребальным обрядом и социальной структурой общества, он отрицает возможность разработать надежную методику для восстановления социальных процессов в эпоху первобытности. Социальная значимость археологических погребальных комплексов, по его мнению, утрачена и не восстанавливается.

В какой-то мере этот вывод П. Акко направлен против прямолинейных социологических реконструкций, которые периодически появляются в археологической литературе. Однако скептицизм английского археолога не оправдан.

Методике, которая, с моей точки зрения, позволяет избежать вульгарного социологизирования, посвящена одна из моих предшествующих работ¹³. Отмечу только основные моменты.

Для изучения социальной дифференциации первобытных обществ первенствующее значение имеет второй основной компонент погребального обряда. По возможности следует учитывать место захоронения в структуре могильника и ритуальные действия, которыми сопровождалась похороны.

Важнейшим признаком социального расслоения древнего общества служит наличие нескольких групп захоронений, характеризующихся наборами инвентаря, которые в имущественном отношении далеко не равноценны.

Для каждой половозрастной группы умерших следует установить стандартный набор погребального инвентаря, который является нормой для данной группы захоронений и сам по себе ни беден, ни богат. Если в захоронениях могильника встречены только стандартные наборы инвентаря, то социальная дифференциация общества либо не имела места, либо не отражена в погребальном обряде. Следует указать, что внутри каждой половозрастной группы может оказаться несколько типов стандартного погребального инвентаря.

Наличие безинвентарных захоронений наряду с захоронениями со стандартными погребальными наборами не свидетельствует о социальной

дифференциации древнего общества, как и наличие захоронений, инвентарь которых беднее стандартных наборов инвентаря. Это может быть обусловлено как плохой сохранностью вещей в могилах, так и причиной смерти человека, характер которой определил бедность погребального инвентаря.

Не всегда богатые захоронения свидетельствуют о социальной дифференциации в обществе. Богатые детские захоронения обусловлены особыми культовыми причинами и не имеют прямого отношения к социальному расслоению¹⁴. Богатые захоронения женщин могут отражать половозрастную дифференциацию обществ.

Социальное расслоение общества прежде всего проявляется в захоронениях мужчин. Поэтому о нем могут свидетельствовать мужские захоронения, инвентарь которых богаче стандартного набора. Подобные богатые захоронения, форма погребального сооружения которых отличается от общепринятой, бесспорно свидетельствуют о социальном расслоении данного общества.

Не всегда в захоронениях можно обнаружить стандартные наборы инвентаря. На ранних стадиях первобытного строя (палеолит) погребальный обряд был менее стандартизован, что связано, видимо, с большим влиянием идеологических воззрений на погребальный обряд и меньшим воздействием чисто социального фактора.

Критерии богатства погребального инвентаря являются переменной величиной, меняясь в зависимости от конкретных исторических ситуаций. Универсальных критериев, применимых для всех археологических эпох, нет.

Методы оценки богатства инвентаря могут и должны быть едиными и универсальными.

В первую очередь следует сравнивать по степени богатства захоронения с одинаковыми стандартными наборами инвентаря (например, с сосудами), во вторую очередь — захоронения с различными стандартными наборами инвентаря (например, с оружием и с орудиями труда).

Существует несколько методов оценки богатства погребального инвентаря. Первый из них учитывает число вещей, найденных в могиле: чем больше их найдено в захоронении, тем оно богаче¹⁵.

Второй метод учитывает число типов вещей в захоронении: чем больше типов вещей представлено в могиле, тем она богаче¹⁶.

Третий метод учитывает частоту встречаемости вещей в наборах погребального инвентаря: чем реже встречается набор погребального инвентаря, тем он ценнее¹⁷.

Все эти методы имеют один существенный недостаток. Они не учитывают материал, из которого сделаны вещи. На практике это может привести к тому, что захоронение с большим количеством кремневых и костяных орудий будет считаться богаче захоронения с металлическими изделиями, которых окажется меньше, чем вещей в первом захоронении (первый метод); захоронение с золотым сосудом будет считаться беднее захоронения с глиняным сосудом и бронзовой подвеской (второй метод); деревянное блюдо, найденное в единичном случае, будет дороже бронзовой посуды, которая встречается чаще (третий метод).

При помощи первых двух методов можно сравнивать только качественно однородные наборы инвентаря, которые в основном характерны для эпохи камня (палеолит, мезолит, неолит). Методы не применимы для более поздних археологических эпох, в которые инвентарь захоронений становится значительно разнообразнее.

Редкая частота встречаемости некоторых специфических изделий из недорогих материалов (навершие булавы, статуэтки, жезлы, печати) не означает их высокой стоимости, а служит индикатором особого статуса умершего.

Следующие два метода оценки богатства инвентаря учитывают степень его насыщенности металлическими изделиями в соответствии с их

количеством¹⁸ или весом¹⁹. Таким образом, оценивается количество и качество только определенной части инвентаря. Впрочем, самый последний метод вряд ли применим в широких масштабах. Так, например, хотя в эпоху энеолита женские захоронения за счет украшений содержат больше металла, чем мужские, это не значит, что женские захоронения богаче мужских. Подобное явление есть следствие половой дифференциации умерших.

Для эпох бронзы и железа более логично использовать метод оценки богатства инвентаря, который учитывает количество металлических изделий в захоронении. Необходимо внести два уточнения. Во-первых, следует учитывать весь набор погребального инвентаря. Во-вторых, необходимо обращать внимание на характер металлического сырья (медь, серебро, золото) и на определенные типы металлических изделий, которые более важны для сравнения: металлическое оружие, орудия труда, печати, посуда.

При этом захоронения, содержащие редкие вещи из золота, серебра, электра, бронзы (парадное оружие, посуда, символы власти), окажутся богаче захоронений, где металлические изделия представлены обычными, рядовыми изделиями. В свою очередь последние захоронения будут богаче могил, где металлические изделия отсутствуют. При помощи этого метода можно сравнивать качественные разнородные наборы погребального инвентаря эпох бронзы и железа.

Выделенные бедные, стандартные и богатые захоронения являются источником социологических реконструкций.

Пятый информационный блок позволяет проследить эволюцию форм семьи и брака в первобытных обществах. Для изучения истории семьи необходимо подвергнуть тщательному анализу двойные, тройные и коллективные захоронения. Особенно важно установить последовательность захоронений (т. е. горизонтальную и вертикальную стратиграфию) в таких сложных могильных комплексах, как курган или каменная ограда. Необходимо установить последовательность подхоронений или одновременность захоронений для двойных, тройных и коллективных захоронений. Их эволюция во времени дает возможность проследить основные тенденции развития форм семьи в первобытную эпоху. С моей точки зрения, счет родства внутри семьи (материнский или отцовский) не восстанавливается по данным погребального обряда.

Для исследования вопроса о формах брака в эпоху первобытности необходимо установить в обществе, оставившем тот или иной могильник, «чужаков», появление которых чаще всего объясняется брачными контактами с соседними общинами. При изучении этого вопроса определяющее значение имеет ритуальный компонент стандартного погребального обряда. Как указывалось выше, ритуальный компонент погребального обряда включает ряд одобренных традицией действий, необходимых для перевода в потусторонний мир умерших членов коллектива, связанных общим родством. Любые отклонения от этих традиционных ритуалов легко улавливаются на археологическом материале. Эти новшества следует связывать с обычаем захоронения в одном могильнике членов различных родов, т. е. с появлением общинных могильников, в которых члены основного ядра общины похоронены в соответствии со своими традициями, а «чужаки» (как мужчины, так и женщины) — в соответствии с обычаями, принятыми на их родине, однако, испытавшими влияние, иногда очень значительное, местных норм погребальной обрядности. Захоронение «чужаков» на общинном кладбище возможно только при постоянных контактах различных общин, что в первую очередь определялось необходимостью регулировать нормы семейно-брачных отношений в первобытных коллективах. Отсутствие захоронений «чужаков» свидетельствует о том, что перед нами родовой могильник.

Анализ половозрастных градаций захоронений «чужаков» на общинных кладбищах сможет пролить свет на существовавшие в эпоху первобытности формы брака.

Исходя из изложенного, можно установить родство по сватовству для погребенных в парных, тройных и коллективных захоронениях. Если при исследовании этих захоронений установлено смещение ритуальных черт двух стандартных погребальных обрядов, характерных для двух различных могильников, то скорее всего в этих могилах лежат люди из двух различных родов, связанные, вероятно, родством по сватовству. Если подобное смещение ритуальных черт отсутствует, то логичнее предположить обратное: захоронение в данной могиле кровных родственников, степень родства которых установить чаще всего не удается.

Следует указать еще на один аспект этого информационного блока. Изучая погребальный обряд какой-либо археологической культуры, можно, основываясь на вариациях в погребальном обряде (ритуалы, способы размещения инвентаря в могиле), выявить коллективы людей (роды или общины), имеющие сходные погребальные обряды, что, возможно, предполагает единство происхождения, общие исторические судьбы и в какой-то степени единство этноса.

Шестой информационный блок касается некоторых демографических аспектов жизни древних людей. Эта задача предусматривает суммирование данных о продолжительности жизни, причинах смерти, болезнях, изменении роста древних людей. Не следует забывать, что причина и обстоятельства смерти имели большое значение в древности, зачастую определяя даже характер погребального обряда²⁰. Что же касается возможности восстановления численности древних популяций, то я вслед за И. Швидетцкой²¹ считаю эту задачу невыполнимой, по крайней мере на уровне современных возможностей нашей науки.

Таков объем информации, который потенциально заложен в погребальных обрядах. Чтобы ее извлечь, захоронения должны быть раскопаны на уровне современной полевой методики с тщательной фиксацией всех нюансов погребального обряда. Для всех раскопанных могильников следует установить хронологию и культурную атрибуцию, вертикальную и горизонтальную стратиграфию. Костный материал должен быть определен антропологом.

Не следует игнорировать разрушенные и разграбленные захоронения, а также могильники, раскопанные много лет назад. Все эти материалы необходимо тщательно проанализировать, чтобы извлечь тот объем информации, который в них еще сохранился.

¹ Häusler A. Zur Problematik der Gräbersozioologie. — In: *Moderne Probleme der Archäologie*. Berlin, 1975, S. 83—94.

² Леонова Н. Б., Смирнов Ю. А. Погребение как объект формального анализа. — КСИА, 1977, 148, с. 18.

³ Bendan I. E. *Death Customs*. London, 1930, p. 268—272; Binford L. R. *Mortuary Practices: Their Study and Their Potential*. — MSAА, 1971, 25, p. 13—15.

⁴ Fischer U. *Die Gräber der Steinzeit im Saalegebiet*. Berlin, 1956, S. 15; Rückdeschel W. *Geschlechtsdifferenzierte Bestattungssitten in frühbronzezeitlichen Gräbern Südbayerns*. — BV, 1968, 33, S. 19—23.

⁵ Gallay G. *Begeben der Frühbronzezeit Süddeutschlands in ihrer Verteilung auf Männer- und Frauengräber*. — Homo, 1972, XXIII, 2, S. 50—73.

⁶ См., например: Сорокин В. С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I в Западном Казахстане. — МИА, 1962, 120, с. 49; Buchwaldek M., Koutecky D. *Interpretation des schnurkeramischen*

Gräberfeldes von Vicleice. — PA, 1974, LXIII, 1, S. 150—160.

⁷ Bendan I. E. *Death Customs*, p. 268—272.

⁸ Массон В. М. Древние гробницы вождей на Кавказе. — В кн.: *Кавказ и Восточная Европа в древности*. М., 1973, с. 102, 103.

⁹ Binford L. R. *Mortuary Practices*, p. 13—15.

¹⁰ Sheennan S. *The Social Organization at Branč*. — *Antiquity*, 1974, XLIX, 196, p. 280—286.

¹¹ Kroeber A. L. *Disposal of the Dead*. — *Am. An.*, 1927, 29, 3, p. 308—315.

¹² Ucko P. J. *Ethnography and archaeological Interpretation of funerary Remains*. — WA, 1969, 1, 2, p. 26—272.

¹³ Алексин В. А. К вопросу о методике реконструкции социальной структуры по данным погребального обряда. — В кн.: *Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований*. Л., 1975, с. 49—53.

¹⁴ Häusler A. *Zum Verhältnis von Männer, Frauen und Kinder in Gräbern der*

Steinzeit. — AFSB, 1966, 14/15, S. 38—42.

- ¹⁵ *Круглов А. П., Подгаецкий Г. В.* Родовое общество степей Восточной Европы. М.; Л., 1935, с. 40, 41, 157, 158.
- ¹⁶ *Renfrew C.* The Emergence of Civilisation. The Cyclades and the Aegean in the third Millenium B. C. London, 1972, p. 371.
- ¹⁷ *Курочкин Г. Н.* Богатство усопших. — ПТ, 1970, 1, с. 18—20.
- ¹⁸ *Otto K. H.* Die Sozialökonomische Ver-

hältnisse bei der Stämmen der Leubinger Kultur in Mitteldeutschland. — EAF, 1955, 3, 1, S. 61—63.

- ¹⁹ *Randsborg K.* Social Stratification in Early Bronze Age Denmark: A Study in the Regulation of Cultural Systems. — PZ, 1974, 49, 1, p. 45—47.
- ²⁰ *Schwidetzky I.* Sonderbestattungen und ihre paläodemographische Bedeutung. — Homo, 1965, XVI, 4, S. 230—247.
- ²¹ *Ibid.*, S. 244.

А. М. БЕЛЕНИЦКИЙ, В. И. РАСПОПОВА

К ВОПРОСУ ОБ УТОЧНЕНИИ ДАТИРОВОК СОГДИЙСКИХ МОНЕТ

Пенджикентская коллекция монет заняла в деле изучения преарабской и раннеарабской нумизматики Средней Азии весьма важное место. Как по общему количеству найденных монет, так и по очень большому количеству отдельных типов пенджикентская коллекция не имеет себе равных. Подавляющее большинство монетных находок принадлежит ко времени от середины VII до третьей четверти VIII в. Собственно, на основе находок согдийских монет в Пенджикенте О. И. Смирновой и создана новая отрасль нумизматики Средней Азии — согдийская. Опубликованный ею в 1963 г. «Каталог монет с городища Пенджикент» является первой сводной работой в этой области нумизматики. Несмотря на то что в каталог включены находки только первых лет раскопок (1949—1956 гг.), они отражают состав монет, обращавшихся в Пенджикенте, весьма полно. Новые типы монет встречаются крайне редко.

В состав пенджикентской коллекции среднеазиатских монет входят монеты с надписью согдийским шрифтом, двуязычные, т. е. с согдийско-арабской легендой, и монеты с арабскими легендами. Датировка последних определяется вполне точно благодаря обозначению на монетах года выпуска или имени правителя, при котором монеты чеканились. Имена правителей в большинстве случаев хорошо известны по письменным источникам. Значительно сложнее обстоит дело с определением точного времени выпуска согдоязычных монет, поскольку на них дата выпуска никогда не обозначалась.

Относительно ряда типов О. И. Смирнова установила время выпуска для тех монет, имена на которых удалось отождествить с именами согдийских правителей, фигурирующих в китайских исторических хрониках или в арабских сочинениях.

В настоящее время вскрыта почти четверть городища древнего Пенджикента, исследованы крупные жилые комплексы, торгово-ремесленные постройки, базары. Почти все они относятся к периоду конца VII — третьей четверти VIII в., в котором теперь четко выделяются три стратиграфических этапа: 1) конец VII—первая четверть VIII в.; 2) 40—50-е годы VIII в.; 3) 60—70-е годы VIII в. Кроме того, на городище вскрыты значительные участки, относящиеся ко времени от V до середины VII в.

Сейчас мы уже обладаем достаточным количеством данных, которые позволяют поставить вопрос о датировке, правда только приближительной, целого ряда недатированных типов монет.

Монета неизвестного ихшида с двустрочной надписью согдийским полукурсивом (MLK'tnwkk (типа № 298—300)¹ была найдена в Пенджикенте при раскопках нижнего здания объекта XII в слое, относящемся

к середине VII в. (Т-П-63/МХII-5). Дата слоя устанавливается на основании его стратиграфии, комплекса керамики и находки фрагмента хума с оттиском пряжки византийского типа².

Из этого же слоя происходят три монеты в виде тонкого кружка с большим отверстием без надписей — деградировавшего типа у-шу (Т-П-63/МХII-6-8). Монеты деградировавшего типа у-шу были найдены на полу помещения 35 верхнего здания объекта XII. Это помещение по керамике, найденной на полу, и стратиграфии датируется VII в.

При раскопках городища Чилек монета деградировавшего типа у-шу была найдена ниже уровня пола здания, которое датируется второй половиной VII в., и выше пола здания конца VI—начала VII в. В Китае выпуск монет достоинством в 5 шу небольшого размера и без надписей, так как «иероглифы не могли поместиться в узких сегментах по сторонам квадратного отверстия», приходится на начало III в.³

В Согде в слоях старше VII в. бронзовые монеты с отверстием не обнаружены, кроме монеты «у-шу цян», типа у-ди похожей на образец 118 г. до н. э.» (Т-П-6/МХII-1)⁴. Монета найдена при раскопках нижнего здания объекта XII Пенджикента в слое с керамикой V в.

Интересные данные о совместном обращении монет в VII в. получены при раскопках третьего здания в Чилеке, где была найдена небольшая серия медных монет: четыре монеты Вархумана (вторая половина VII в.): одна — в завале, вторая — на полу, третья — в переулке, четвертая — под перегнившей базой деревянной колонны; одна монета MLK'tpwkk (?) (VIII в.) — в позднем перекопе; одна монета «Мастан-Навйана» (до 700 г.?) — в кладке стены, пристроенной при ремонте третьего здания; монета «Укара»⁵ — в слое плотного завала или забутовки; монета «деградирующего типа у-шу» — ниже уровня пола; обломок монеты правителя в крылатой короне (новый тип) — в переулке⁶. Керамика из этого здания характерна для слоев VII в. В конце VII—первой четверти VIII в. в Согде, в том числе и в самом Чилеке, распространяется керамика другого стиля⁷.

Находка монеты Укара (типа № 301—341) в этом комплексе и ее облик заставляют считать, что такие монеты отливались не позже второй половины VII в. Отметим находку небольшого клада (пять) таких монет (Т-П-68/МХХI-2/5) при раскопках помещения 10 объекта XXI Пенджикента, которое стратиграфически датируется рубежом VII—VIII вв.

Слой конца VII—первой четверти VIII в. прослежен на всех участках городища. Он богат монетными находками. Точные данные о залегании части монет опубликованы⁸. Приведем здесь те из них, которые относятся к монетам Бидяна. О. И. Смирнова рассматривает два возможных отождествления «Бидяна» — с Деваштичем или с его предшественником, упоминаемым в документе В-8 с горы Муг. В помещении 27 верхнего здания объекта XII монета Бидяна была найдена ниже пола, который относится ко времени не позднее первой четверти VIII в. Находка монеты Бидяна на объекте VI в слое, перекрытом постройками четвертого комплекса, который относится к VIII в., также скорее свидетельствует в пользу отождествления Бидяна с предшественником Деваштича. Таким образом, монеты Бидяна, вероятно, относятся ко времени не позже, чем рубеж VII—VIII вв. Вместо Бидяна предложено и другое чтение. Чтение $\text{вудк}'$ вместо $\text{вуду}'\text{н}$ на монетах позволяет отождествить правителя, выпускавшего их, с упоминаемым в документе В-8 $\text{ск}'\text{упсвг вулк}'$, правившим до Деваштича⁹.

Монеты Бидяна находились в обращении еще в 60—70-е годы VIII в. вместе с появившимися в то время фельсами.

О. Г. Большаков в результате раскопок объекта III установил, что «монеты с именем Гурек и изображением квадратного отверстия по стратиграфическим данным определенно относятся ко времени до Тургара, совпадая, таким образом, с правлением Гурека», и предположил, что они являются монетами самого Гурека¹⁰. Находки таких монет при раскопках на Афрасиабе (6 экз.)¹¹ и Кафыркале близ Самарканда (4 экз.)¹² пока-

зывают, что эти монеты широко обращались в самаркандском Согде при Гуреке.

Раскопки последних лет Пенджикента дали новые материалы, характеризующие обращение разменной монеты в первой четверти VIII в. Наиболее ценны в этом отношении клады и комплекс монет торгово-ремесленного центра, расположенного вдоль улицы, ведущей от южных ворот города к площади перед храмами. Поверх мастерских и лавок, которые погибли от пожара, на отдельных участках проходят горизонты с монетами Тургара. На полах мастерских и лавок базара, а также мастерских, находящихся к югу от базара, было найдено 106 бронзовых монет, не считая тех, которые не могут быть определены из-за плохой сохранности. Состав их следующий: одна монета — деградировавшего типа у-шу; четыре — Вархумана; одна — Укара; пять — Тархуна; 19 — Бидйана; 27 — пенджикентской царицы; 43 — Гурека типа II; одна — анэпиграфная типа № 741; одна — с изображением коня на аверсе типа № 734; одна — Сатачари; одна — вариант типа № 777—781; одна — нового типа с согдийскими надписями на обеих сторонах. Монет, имеющих твердую дату VII в., всего шесть, т. е. 5,5% от общего числа. Таким образом, в первой четверти VIII в. основу денежного обращения составляли монеты недавних выпусков, среди которых примерно поровну пенджикентских и самаркандских монет. Интересно отметить, что монеты одного правителя Гурека составляют 40% от общего числа всех определенных монет, причем это монеты только одного типа — чеканенные с изображением квадратного отверстия. Эти монеты отличаются от монет других самаркандских правителей техникой (чеканенные, а не литые), почерком и одним из знаков. Монеты Гурека другого (I) типа близки как к монетам его предшественника Тархуна, так и к монетам его преемника Тургара. Видимо, монеты Гурека типов I и II выпускались разными монетными дворами. Отсутствие монет Гурека типа I в названном комплексе едва ли случайно. В Кафыркале при раскопках наусов и квартала гончаров, синхронных пенджикентскому базару, также были найдены монеты Гурека только типа II.

Монеты Гурека типа I в Пенджикенте чрезвычайно редки, причем находки их в четких стратиграфических условиях как будто свидетельствуют о том, что этот тип поступил в обращение уже после восстановления города около 740 г.¹³ Отметим, что при раскопках цитадели были найдены монеты Гурека обоих типов, причем монеты типа II — в слое первой четверти VIII в., а монета типа I — в слое вместе с монетами Тургара.

Наличие двух типов монет с именем Гурека, весьма существенно различающихся между собой, естественно обратило на себя внимание О. И. Смирновой, которая объясняет этот факт тем, что второй тип монет с именем Гурека является поздним подражанием монетам Гурека, и предлагает следующие даты: третья (?) четверть VIII в.¹⁴; синхронны монетам Тургара¹⁵; первая четверть VIII в.¹⁶; середина VIII в. (вторая четверть?)¹⁷. Их выпуск приписывается неизвестному правителю, а местом выпуска предположительно называются то Самарканд¹⁸, то Пенджикент¹⁹. Правда, О. И. Смирнова допускает и возможность выпуска этих монет самим Гуреком²⁰. Такая неопределенность суждений об этом типе заставляет с особым вниманием отнестись к стратиграфии и топографии находок. Необходимо пересмотреть вопрос о времени, месте и последовательности выпуска монет Гурека обоих типов.

Для того чтобы разобраться в этом вопросе, надо проследить за карьерой самого Гурека. Источники, учтенные в литературе, позволяют наметить некоторые основные этапы его царствования²¹.

Гурек пришел к власти в Самарканде после самоубийства или убийства своего предшественника Тархуна в 710 или 711 г. В 712 г. Гуреку в качестве царя Согда пришлось выдержать тяжелую борьбу с арабами во главе с Кутейбой. Война закончилась поражением Гурека. Согласно заключенному договору, о котором имеются сейчас бесспорные свидетельства источников — до нас дошел полный текст договора Кутейбы с Гуре-

ком, Гурек был оставлен в качестве царя Согда под покровительством арабов. Однако со своей столицей Самаркандом Гурек должен был распрощаться. Арабы, вероломно нарушив условия договора, предусматривавшего оставление города в руках Гурека, заняли его своим гарнизоном. Как установил еще в конце прошлого века В. В. Бартольд, Гурек вынужден был перенести место своего пребывания в Иштихан или в заново им отстроенную резиденцию, названную Фаренкент. Дальнейшие известия о Гуреке разрозненны. Как отмечают исследователи, Гурек то примыкал к арабам, то выступал против них.

В 713 г. произошло восстание против арабов в Самарканде и одновременно развернулись военные действия арабов с тюрками в его окрестностях, окончившиеся неудачей для тюрков. В том же и в следующих годах Кутейба совершил поход в Фергану.

В 715 г. Кутейба оставляет семью в Самарканде во время повторного похода в Фергану. По сообщениям источников, не подлежит сомнению, что Гурек в это время находился вне Самарканда.

В том же году был убит сам Кутейба в результате мятежа в его собственном войске в результате смены халифов в Дамаске. В связи с этим важным для истории арабского завоевания Средней Азии событием историки отмечают, что согдийцы (знать) были на стороне Кутейбы, но о позиции самого Гурека ничего не известно.

После убийства Кутейбы политика арабов в Хорасане в целом и в Согде, в частности, претерпевала значительные колебания от «кнута к прянику» и наоборот.

До 717 г. в Самарканде начальствуют сыновья наместника Хорасана Иезида — Муавия и Мухаллад. Но в том же году или в начале следующего был назначен Джеррах — сторонник политики «меча и кнута». В Дамаске халифом стал Омар II, с именем которого связана общая «либерализация» арабской политики в Хорасане. Джеррах был отозван. Но сразу после прибытия следующего наместника происходит восстание согдийцев. Именно к этому времени в источниках снова всплывает имя Гурека. В 718—719 гг. он послал письмо китайскому императору, «крайне характерное для всей его политики», по словам И. Ю. Крачковского, и имевшее целью просьбу о помощи. В последующие годы (720—721) происходит крупнейшее восстание согдийцев, в котором участвовал Деваштич — правитель Пенджикента. И тут обнаружился сугубо эгоистический характер политики Гурека. Он к восстанию не примкнул. Движение потерпело поражение, и арабам удалось стабилизировать положение. До 728 г. Гурек, очевидно, был лоялен к арабской власти.

В 728—729 гг. согдийцы снова восстали в связи с изменившейся политикой арабских наместников по вопросу об обращении местного населения в ислам. В руках арабов остались только Самарканд и Дабусия. В 730—731 гг. в антиарабскую борьбу снова включились тюрки, к которым примкнул Гурек. Одновременно шли мятежи среди самих арабов. Под 735 (?) г. имеется сообщение о том, что Самарканд находится в руках неверных. В том же году в Хорасан был назначен наместником известный полководец Асад Ибн-Абдаллах, с именем которого и особенно с именем его преемника Наср Ибн-Сеййара, назначенного в 738 г., связан поворот в политике арабов в сторону к примирению со среднеазиатской знатью. В 738 г. Гурек умер.

На основании всего сказанного можно предположить, что монеты с изображением квадратного отверстия Гурек выпускал во время своего вынужденного пребывания в Иштихане или Ференкете. Эти монеты ходили по всему Согду. Как показывают находки в Пенджикенте, именно они являлись основной эмиссией Гурека по крайней мере до 720-х годов.

Монеты Гурека с квадратным отверстием весьма близки, как это уже отмечалось, к монетам Тархуна — предыдущего самаркандского царя. Несомненно, эти монеты Гурека выпускались в Самарканде.

В районе базарчика и прилегающих к нему мастерских было найдено три клада бронзовых монет — XVI/62, XVI/41, XVI/41 (табл.). Два из

Таблица

Распределение монет вкладах

Тип монет	XXI/10 *	XIV/11	XVI/72	XVI/72	XVI/62	XIV/5	XX/11	VII/41	XVII/41	II/5	XVI/44	XVI/41	XXIII/1	XX/7	Всего
Вархуман	5		1				5	1							7
Укар		2	1			1	3	1							13
Мастан-Навйан		6	1			2	1	1							9
Тукасладак			12				5			1					18
Тархун					1	2	2								5
Гурек (тип II)					20	3	1		5						21
Пенджикентское литье															8
Амог'ян				16		14	9	1	73	125	49	30			1
Биджан				8		1	6	6	139	1	23	41			292
Пенджикентская царца						2	1	10							229
«у-пу»						1	11								2
Рамчтак				12		1	4	1	1			2			24
Самитан				1		2	4	1	4			1			11
Типа № 689								2							5
Сатачари								2							2
Типов № 747—774								2							2
Новый тип								2	7		1				10
Серебро									3		1				4
Самарканд, 761—762 гг.														7	9
Балх, 766—767 гг.														2	2
Бухара, 768 г.														2	2
Самарканд, 770 г.														7	7
Новый тип фельсов														7	1
Неопределенные согдийские с квадратным отверстием				4		15	13	3	7	2	2	12	1		58
Неопределенные фельсы															2
Всего монет в кладе	5	8	31	24	21	47	70	25	231	129	44	86	7	16	744

* Римской цифрой обозначен номер объекта, арабской — помещения.

них обнаружены под полом мастерских (помещение 41 объекта XVI), неподалеку один от другого. Они, вероятно, были спрятаны кузнецом, который здесь работал. Оба клада состоят в основном из монет пенджикентских правителей.

Напротив базарчика, на другой стороне улицы, в помещении 62 объекта XVI, которое, видимо, было мастерской, в юго-западном углу, на полу, неподалеку от нишки в западной стене, были найдены 20 монет Гурека с изображением квадратного отверстия и одна монета Тархуна. Видимо, эти монеты входили в один клад, который вывалился из нишки. Пол, на котором найдены монеты, стратиграфически соответствует полу базара и прилегающих к нему мастерских.

Найденные в Пенджикенте клады бронзовых монет хронологически делятся на три группы: второй половины VII в. — два (I, II); первой четверти VIII в. — восемь (III—X); фельсов — третья четверть VIII в. — два (XI, XII).

По составу клады согдийских монет делятся на пенджикентские — четыре (VII—X), самаркандские — три (I—III), смешанные — три (IV, V). Почти во все клады входят в небольшом количестве монеты редких типов. Необходимо отметить, что клады фельсов — без примеси согдийских монет. Состав кладов как будто свидетельствует о том, что монеты в них специально подбирались. Серебро в кладах бронзовых монет было только в двух случаях. В большом кладе пенджикентских монет (XVII/11) встретилась одна монета бухархудатов (типа № 7—8). Интересно отметить, что этот клад был найден в глиняном водоносном кувшине. Все остальные были, вероятно, завернуты в тряпочки, следы которых в некоторых случаях отмечены. В другом кладе, большом по количеству монет и очень разнообразном по составу (XX/11), найдены три серебряные драхмы: Пероза — последнего периода его правления, Хосрова I и монета, относящаяся к эмиссии 295 г. по Р. Геблю²².

Приведенные данные показывают, что монеты Рамчитака, Самитана, неизвестного правителя (типа № 689), Сатачари, типов № 747—774, анэпиграфные, с изображением коня (типа № 734), с трезубцем на одной стороне и надписью — на другой, монеты с портретом правителя на аверсе и лирообразным знаком и надписью на реверсе найдены в кладах и слоях с четкой стратиграфией, относящихся к первой четверти VIII в. Таким образом, выпуск всех этих монет не может быть отнесен ко времени позже этой даты.

В кладах первой четверти VIII в. монеты ранних самаркандских правителей (до Тукаспадака) и пенджикентского правителя Амогяна очень редки. Таких монет в этих кладах не более 19, тогда как монет Бидяна, пенджикентской царицы, Тукаспадака, Тархуна и Гурека — 564. Это показывает, что пенджикентские и самаркандские монеты, которые составляли основу обращения мелкой монеты в Пенджикенте, почти полностью выходили из обращения через несколько десятилетий после их выпуска. Поэтому нам кажется маловероятным, чтобы сравнительно редкие монеты более отдаленных центров сохранялись в обращении дольше, чем местные, т. е. пенджикентские и самаркандские. Таким образом, перечисленные выше монеты Рамчитака, Самитана и т. д. скорее всего были выпущены во второй половине VII — начале VIII в.

Надо отметить, что в шести кладах согдийских монет из 12 наблюдается небольшая примесь «самитанских» монет. Видимо, эти монеты территориально имели широкое хождение, так как пять таких монет найдено в Вахшской долине²³, а две — в Чилеке²⁴.

Археологи обычно датируют слой по монетам. Однако далеко не всегда сами монеты датированы. Отдельные типы монет приходится датировать на основании стратиграфии наслоений. В последнее время такая работа была начата исследователями раннесредневековых памятников Средней Азии²⁵. Древний Пенджикент — памятник этого периода, открывающий широкие возможности для установления дат различных типов монет. В этой статье мы затронули лишь часть вопросов, для решения

которых важны стратиграфия и совместная встречаемость монет. Пенджикентские нумизматические находки важны и для решения многих других вопросов, связанных с денежным обращением и вообще с экономической жизнью Средней Азии в раннем средневековье.

- ¹ Здесь и далее номера приводятся по книге: *Смирнова О. И.* Каталог монет с городища Пенджикент. М., 1963.
- ² *Маршак Б. И.* Керамика Согда V—VII вв. как историко-культурный памятник. Автореф. канд. дис. Л., 1965, с. 20; *Распопова В. И.* Византийские поясные пряжки в Согде. — КСИА, 1968, 114, с. 34—36.
- ³ *Быков А. А.* Монеты Китая. Л., 1969, с. 15, 60, табл. X, 60.
- ⁴ Определение М. В. Воробьева.
- ⁵ Чтения имен правителей на многих согдийских монетах постоянно подвергаются пересмотру в работах согдологов. Мы приводим для удобства пользования чтения, предложенные О. И. Смирновой в каталоге, кроме имени Укара, которое в такой форме вошло в опубликованные отчеты о раскопках в Пенджикенте.
- ⁶ *Маршак Б. И., Крикис Я. К.* Чилекские чаши. — Труды ГЭ, 1969, X, с. 58.
- ⁷ *Маршак Б. И., Крикис Я. К.* Чилекские чаши, с. 58, 59.
- ⁸ *Большаков О. Г.* Отчет о раскопках северо-восточной части объекта III (комплексы I и II, раскопки 1952—1956 гг.). — МИА, 1964, 124, с. 116 сл.; *Зеймаль Е. В.* Раскопки объекта XIV на Пенджикентском городище (1956 и 1957 гг.). — Там же, с. 27 сл.; *Станиславский Б. Я.* Раскопки квартала жилищ знати в юго-восточной части Пенджикентского городища (объект VI) 1951—1959 гг. — Там же, с. 176 сл.; *Распопова В. И.* Квартал жилищ рядовых горожан Пенджикента VII—VIII вв. — СА, 1969, № 1, с. 175.
- ⁹ *Livshitz V. A.* A Sogdian Alphabet from Panjikant. — In: W. B. Henning, Memorial volume. London, 1960, p. 257, note 5.
- ¹⁰ *Большаков О. Г.* Отчет..., с. 118.
- ¹¹ *Ерназарова Т. С.* О монетных находках на Афрасиабе в 1965 г. — В кн.: Афрасиаб. Ташкент, 1969, вып. 1, с. 323, 324.
- ¹² *Смирнова О. И.* Материалы к сводному каталогу согдийских монет. — ЭВ, 1952, VI, с. 34.
- ¹³ *Тереножкин А. И.* Раскопки в кухендизе Пенджикента. — МИА, 1950, 15, с. 83, табл. 40; *Большаков О. Г., Нагмагов Н. Н.* Раскопки в пригороде древнего Пенджикента. — МИА, 1958, 66, с. 166.
- ¹⁴ *Смирнова О. И.* Монеты древнего Пенджикента. — МИА, 1958, 66, с. 221.
- ¹⁵ Там же, с. 273.
- ¹⁶ Там же, с. 275.
- ¹⁷ *Смирнова О. И.* Каталог..., с. 123.
- ¹⁸ Там же, с. 221.
- ¹⁹ Там же, с. 123.
- ²⁰ Там же, с. 43.
- ²¹ О Гуреке см.: *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского завоевания. — В кн.: В. В. Бартольд. Соч., М., 1963, т. I, с. 243 сл.; *Он же.* Древнетюркские надписи и арабские источники. — Там же, 1968, т. V, с. 284—311; *Крачковская В. А., Крачковский И. Ю.* Древнейший арабский документ из Средней Азии. — В кн.: Согдийский сборник. Л., 1934, с. 50 сл.
- ²² Эту миссию Р. Гебль относит к Восточному Сигстану (?) или к Западной Арахозии (?) и датирует второй половиной VII в. См.: *Gabl R.* Documente zur Geschichte der iranischen Hunnen in Baktrien und Indien. Wiesbaden, 1967, Bd I, S. 203—205; Bd II, S. 95, 96; Bd III, Taf. 81, Em 295, 1, 12; 82, Em 295, 13—16.
- ²³ *Зеймаль Т. И.* Вахшская долина в древности и раннем средневековье. Автореф. канд. дис. Л., 1969, с. 5.
- ²⁴ *Смирнова О. И.* Нумизматические заметки. — ЭВ, 1967, XVII, с. 36, 37.
- ²⁵ *Кабанов С. К.* Нахшабские монеты в V—VI вв. — ВДИ, 1961, № 1, с. 137—144.

ЖЕНСКИЕ ТЕРРАКОТОВЫЕ СТАТУЭТКИ С АЛТЫНДЕПЕ

В 1969 г. на городище Алтындепе близ селения Меана в южной Туркмении был заложен раскоп 9, работы на котором ведутся с тех пор ежегодно. Площадь, на которой здесь вскрыты слои эпохи бронзы (время Намазга V), достигла половины гектара¹. Среди находок на раскопе 9 особое место принадлежит терракотовым статуэткам. Многочисленность фигурок, их разнообразие, сочетание относительно реалистически переданных деталей с набором геометрических символов — все это превращает статуэтки в один из важнейших источников знаний о культуре древних обитателей Туркмении. В ходе работ на раскопе 9 найдено 95 плоских в сечении женских статуэток и их фрагментов, что составляет половину всех соответствующих находок с Алтындепе, включая сборы на поверхности памятника.

Новонайденные материалы в основном подтверждают иконографическую классификацию статуэток, предложенную В. М. Массоном и В. И. Сарияниди, и вместе с тем позволяют несколько уточнить и дополнить ее. В книге «Среднеазиатская терракота эпохи бронзы» ориентировочно выделено семь иконографических типов южнотуркменских женских плоских в сечении фигурок, соответствующих, по мнению авторов, отдельным божествам²: шесть — для восточных памятников (Алтындепе и Хапуздепе) и один — для западных (Намазгадепе), хотя статуэтки намазгинского типа встречаются и на Алтындепе.

На Алтындепе, по мнению В. М. Массона и В. И. Сарияниди, фигуркам каждой из шести богинь соответствовал особый процарапанный на них знак: 1) «треугольник с ресничками» (рис. 1, 1); 2) звезда или крест в разных начертаниях (рис. 2, 4, 6; 3, 15); 3) «рельсообразный знак», как мы будем называть сочетание ограниченных штрихами короткой и длинной линий, соединенных посередине вертикальной чертой; 4) знак «растительности» (в виде «елочки» с центральной линией или без нее, либо в виде пересекающихся косых насечек (рис. 1, 2, 5; 2, 8; 3, 16); 5) зигзаг или шевроны (рис. 3, 15); 6) ряд косых насечек (рис. 1, 3; 2, 10). Сейчас дополнительно выявлен еще один знак: «точки» (рис. 2, 12). Статуэтки с «треугольником с ресничками» выделяются особенно четко, прочие типы — менее явно. Намазгинские статуэтки отличаются длинные (ниже груди) косы, отверстия в основаниях кос³, «низкий» головной убор, большое количество поясных линий на бедрах, обычно пересеченных посередине вертикальной чертой (рис. 2, 11). Знаков на фигурках этого типа нет. Добавим, что у всех намазгинских статуэток к нижней из поясных линий примыкает не большой, а маленький процарапанный или выделенный наколами треугольник.

Теперь, когда наша коллекция статуэток значительно возросла и, главное, когда в нашем распоряжении оказалось довольно много целых или почти целых фигурок, можно отметить ряд дополнительных обстоятельств, имеющих отношение к классификации плоских в сечении женских статуэток эпохи бронзы. Прежде всего хотелось бы обратить внимание на такой признак, как угол наклона нижней части статуэтки к туловищу, определяющий ее общие пропорции и позу. Изыскания Е. В. Антоновой в области мелкой пластики Ближнего и Среднего Востока заставляла предполагать, что именно поза фигурки существенно влияет на ее семантику⁴.

В алтындепинской коллекции выделяются две группы статуэток. Одна из них состоит из фигурок с перегибом нижней части под углом 70—90°. Их руки (плечи) и особенно бедра относительно широкие. На спину в большинстве случаев спускается налепная коса, реже коса сзади

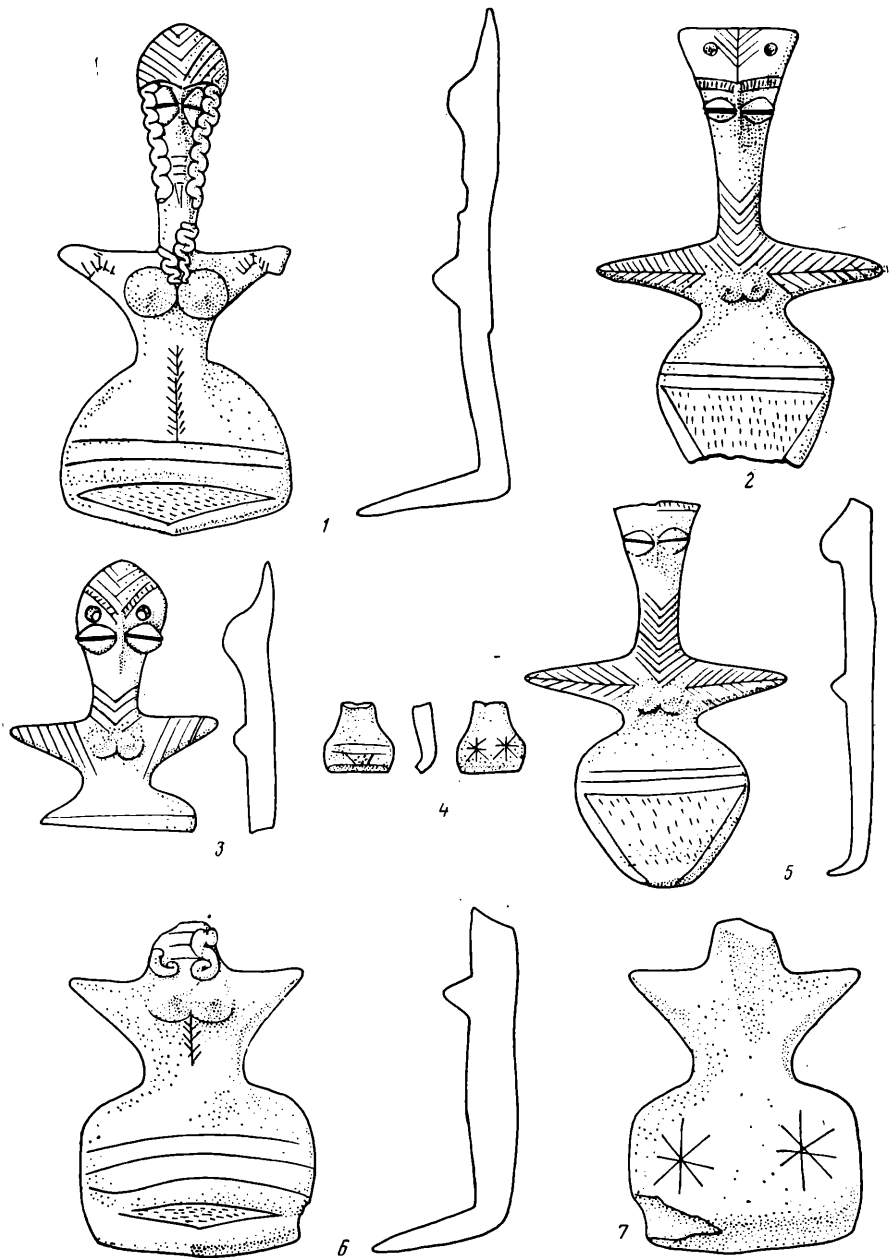

Рис. 1. Статуэтки с Алтындепе

1 — Р9, помещение 10, обводной коридор погребальной камеры, у входа в камеру; 2 — Р9, двор Б, клад в заполнении; 3 — Р9, поверхностный слой; 4 — Р9, помещение 155; 5 — Р9, двор Б, клад в заполнении; 6 — Р9, помещение 51

выделяется только расходящимися или пересекающимися косыми насечками. Налепные (чаще всего вьющиеся, реже вылепленные кольцами, спиралями или прямыми) косы спускаются на грудь. Головной убор — «высокий», «низкий», «веночек». Ожерелья или нет, или оно передано горизонтальными и вертикальными линиями («ожерелье с подвесками»). На торсе часто нанесен рисунок — узкое дерево ветвями вверх (редко — вниз). Никогда не встречаются головные уборы типа «шапочка» и «корона», ожерелье «узлом», рисунок широкого дерева на

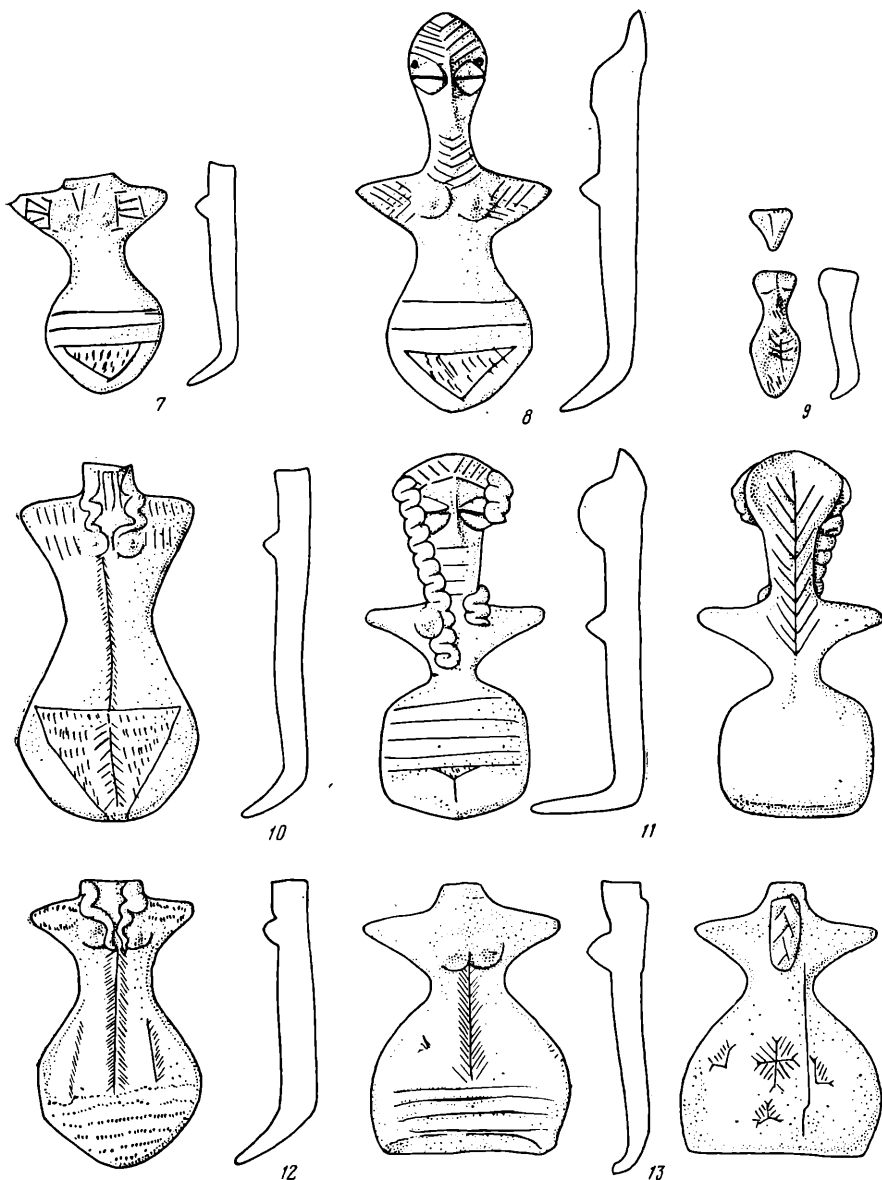

Рис. 2. Статуэтки с Алтындепе

7 — Р9, помещение 148; 8 — Р9, поверхностный слой; 9 — Р9, улица Имдугуд; 10 — Р9, помещение 210; 11 — Р9, помещение 124, внутри погребальной камеры; 12 — Р9, помещение 72; 13 — Р9, двор II

торсе. Определяющая особенность всех статуэток этой группы — сравнительно устойчивое сидячее положение.

В пределах фигурок первой группы выделяется не менее четырех типов. Один из них назван нами «нулевым»: по пропорциям и характеру оформления головы он близок типу I, однако соответствующие статуэтки лишены знаков и по крайней мере в некоторых случаях (если не всегда) — поясных линий⁵. Лучшее всего представлен в нашем собрании тип I (рис. 1, 1; 2, 12).

Тип 1 — фигурки со знаком «треугольник с ресничками» (в одном случае в сопровождении знака звезды). Знак на рис. 2, 13 представляет собой комбинацию «треугольника с ресничками» и звезды. К типу 1 принадлежит самая большая из целых статуэток (высота почти 20 см)

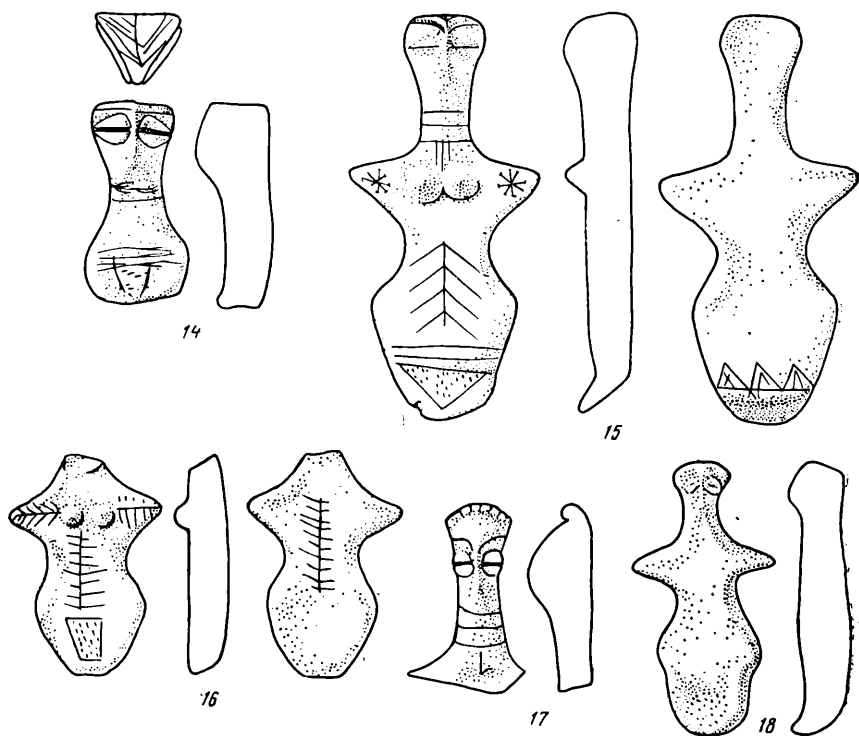

Рис. 3. Статуэтки с Алтындыпе

14 — Р9, помещение 209; 15 — Р5, слой 2; 16 — Р9, поверхностный слой; 17 — Р9, помещение 180; 18 — Р9, помещение 78

в головном уборе в виде «венка»⁶. В пределах типа 1 выделяются иконографические варианты с наклепной или процарапанной косой на спине.

Тип 2 — статуэтки с расположенными сзади попарно знаками звезды (рис. 1, 6). Найден обломок такой миниатюрной статуэтки (рис. 1, 4). Создается впечатление, что существенно именно парность расположения знаков на бедрах⁷, в то время как одиночно знак звезды (креста) встречается и на статуэтках других типов: типа 1 — между знаками «треугольник с ресничками»; типа 3 — наряду с «рельсообразными» знаками (целая статуэтка с раскопа 10); вероятно, типа 4 — знак звезды на лбу фигурки с отверстиями в головном уборе⁸. Знак звезды на плечах статуэтки типа 3 (с раскопа 5) сочетается со знаком «шевроны—зигзаг», нанесенным у нее на бедрах (рис. 3, 15).

Среди фигурок типов 1 и 2 встречаются экземпляры с опущенными концами расставленных в стороны рук (рис. 1, 1)⁹.

К первой группе относятся намазгинские (по типу) статуэтки — в устойчивой сидячей позе, без знаков, со спускающимися ниже груди косами (рис. 2, 11). В среднем они меньше, чем статуэтки типа 1, но моделированы очень тщательно.

Статуэтки второй группы имеют более вытянутые пропорции за счет более узких бедер. Нижняя, отогнутая, часть или невелика по отношению к торсу и наклонена к нему примерно под углом 45° (рис. 2, 7, 8, 10, 12), или вообще не выделена, лобок же намечен простым вдавлением (рис. 2, 9; 3, 14—16, 18). Встречаются, наконец, статуэтки, выделенные фактически в стоячем положении, у них загнут лишь самый кончик нижней части (рис. 1, 5). Различные типы фигурок, входящих во вторую группу, часто имеют на шее ожерелье «углом», хотя известны и ожерелья иных видов. Представлены все виды знаков, кроме «треугольника с ресничками». Ни разу не встречена наклепная коса на спине, но есть экземпляры с косой, процарапанной сзади.

Вторая группа, как и первая, представлена несколькими типами. Статуэтки нашей коллекции главным образом соответствуют типам 3 и 4 по классификации В. М. Массона и В. И. Сарияниди¹⁰. В пределах этих типов есть варианты. В частности, специфичны миниатюрные фигурки, большинство которых мы все же склонны рассматривать вместе с типом 3.

Тип 3 — в подавляющем большинстве голова плоская, почти треугольная в плане, часто с линией, прочерченной от переносицы к затылку (т. е. головной убор — «шапочка»). Опубликован экземпляр с «высоким» головным убором¹¹. Сквозных отверстий в уборе не бывает. Характерны «рельсообразные» знаки в различном начертании, не встречающиеся у статуэток других типов (рис. 1, 7). Возможно, что только на фигурках данного типа встречаются: а) оформление низа простым вдавлением (рис. 2, 9; 3, 14—16, 18); б) рисунок широкого дерева на торсе (рис. 3, 15); в) такой рисунок узкого дерева, на котором веточки перпендикулярны стволу и несимметричны справа и слева относительно ствола (рис. 3, 16). Хотелось бы, однако, проверить эти заключения на более обширном материале. На шее рассматриваемых статуэток показаны ожерелья разных видов, но «углом» реже, чем «с подвесками».

Мы причисляем к типу 3 и миниатюрные статуэтки без груди, иногда без рук: у них, как и у обычных фигурок типа 3 (и, видимо, только у них) встречаются вмятина на лобке вместо треугольной нижней части и головной убор «шапочка» без сквозных отверстий (рис. 2, 9; 3, 14, 16, 18).

Тип 4 — исключительно этим статуэткам свойствен головной убор «корона» (иногда со знаками на ней). Встречаются также уборы «высокий» и «шапочка», но во всех случаях в уборе есть пара сквозных отверстий (рис. 1, 2, 3; 3, 8). Эти отверстия не имеют потертостей, которые появились бы, если бы статуэтки подвешивались. О нефункциональном значении отверстий свидетельствует и одна из фигурок, у которой дырочки в головном уборе еще до обжига заплыли глиной, однако не были восстановлены (экземпляр не принадлежит к числу бракованных).

На плечах статуэток типа 4 изображены знаки «растительности» в двух вариантах. В первом случае это частично пересекающиеся косяе насечки или «елочка» (рис. 2, 8). Эти разновидности знака встречаются вместе на одной статуэтке, и различия между ними, возможно, объясняются лишь разной тщательностью исполнения. Во втором случае речь идет о дереве с центральной чертой и расходящимися ветвями (рис. 1, 2, 5). Этот вариант ни с «елочкой», ни с пересекающимися насечками одновременно не встречается. Закономерности в сочетаемости двух вариантов знака «растительности» с другими признаками пока не выявлены. Этот знак нанесен также на плечи миниатюрной статуэтки (голова отбита), предположительно относимой к типу 3 (рис. 3, 16).

Для статуэток типа 4 очень характерно (хотя и не обязательно) ожерелье «углом». Не исключено, что оно мыслилось как еще один знак «растительности» или рисунок дерева, поскольку соответствующие знаки на плечах иногда непосредственно переходят в рисунок ожерелья. Рисунок узкого дерева на торсе не встречен ни разу, но в одном случае имеется знак или рисунок¹² дерева на короне. По аналогии с экземпляром, опубликованным В. М. Массоном и В. И. Сарияниди¹³, вероятнее, что это именно знак, а не рисунок. Что касается нижней части статуэток рассматриваемого типа, то либо она наклонена под углом 45° по отношению к торсу, либо загнут лишь самый ее кончик (рис. 1, 5).

Таким образом, пока ведущими признаками типа 3 могут считаться «рельсообразный» знак, убор «шапочка» без отверстий и, может быть, оформление низа простым вдавлением; типа 4 — отверстия в головном уборе, убор «корона» и, может быть, знаки «растительности». Статуэтки

со знаками «косые насечки», «шевроны—зигзаг» и «точки» скорее всего все принадлежат ко второй группе; знаки эти сочетаются с признаками, характерными для типов 3 и 4 (рис. 1, 3; 2, 10, 12), хотя при подсчетах соответствующие фигурки брались отдельно. Для классификации фигурок с этими знаками, да и вообще статуэток второй группы данных еще явно недостаточно.

Сравнивая распределение статуэток разных типов и групп в среднем по Алтындепе и по раскопу 9, можно убедиться в существовании некоторых закономерностей. На раскопе 9 более распространены статуэтки намазгинского типа и типа 1. Из 71 фигурки (достаточно хорошей сохранности, чтобы делать соответствующие выводы) на первую группу здесь приходится 64,4%, на тип 1 — не менее 19,7%, на намазгинский тип — 14,1%. Кроме того, есть фрагменты, явно принадлежавшие фигуркам первой группы, которые, однако, могут относиться как к типу 1, так и к нулевому. По каталогу В. М. Массона и В. И. Сарияниди можно заключить, что в среднем по Алтындепе из 88 статуэток и их определяемых фрагментов на первую группу падает 51,2%, на тип 1 — 15,5%, на намазгинский тип — лишь 4,5% фигурок. Действительные различия в распределении могли быть даже более резкими, так как среди старых сборов, данные по которым суммированы В. М. Массоном и В. И. Сарияниди, часть образцов наверняка найдена на том же участке, который позднее был занят раскопом 9.

Статуэтки типов 3 и 4 на раскопе 9 и в среднем на памятнике представлены в одной и той же пропорции: тип 3 — 15,5% и 14,8% соответственно, тип 4 — 14,1% и 15,9%. Статуэтки типа 2 повсюду слишком немногочисленны, чтобы можно было судить о различиях в распределении (найденно соответственно два и пять экземпляров). Статуэтки со знаками «косые насечки», «зигзаг—шеvron», «точки» на раскопе 9 встречаются явно реже (7% в совокупности против 18,2% в среднем на городище).

Пока еще неясно, чем объясняются указанные различия, — неодинаковой встречаемостью статуэток некоторых типов в разных частях поселения или преобладанием тех или иных типов в отдельные периоды (большая часть фигурок в каталоге В. М. Массона и В. И. Сарияниди найдена на поверхности памятника и, видимо, изготовлена в финальный период его заселения). Небольшое число статуэток и их фрагментов, которые найдены в слоях Намазга V на других раскопах, заложенных на Алтындепе, не позволяет сравнивать встречаемость фигурок отдельных типов на этих раскопах и на раскопе 9. С другой стороны, сравнение встречаемости фигурок разных типов на раскопе 9 по слоям пока не выявило каких-либо закономерностей в распределении.

Несколько слов о семантике статуэток. Прежде всего подчеркнем, что из анализа иконографии фигурок, вероятно, в принципе невозможно извлечь информацию касательно того, изображали ли здесь древние земледельцы Туркмении одного, двух или несколько мифологических персонажей из своего пантеона. Одно и то же божество, связанное с исполнением разных функций, покровительствующее разным объектам и явлениям, могло иметь различную иконографию, и наоборот, разные божества, наделенные одинаковыми функциями, могли иконографически сближаться. Изобразительный код, посредством которого происходит объективация мифологических представлений, соотносится непосредственно только с самими этими представлениями и лишь через них — со словесным кодом, к которому имеет отношение такой признак божества, как его имя. Что же касается представлений, то в них божества не рассматриваются как дискретные единицы — они различаются или оказываются тождественными лишь в той мере, в какой различаются или совпадают их функции.

Задачей иконографического анализа (при отсутствии, конечно, данных письменных источников, освещающих материал с совершенно иной

стороны) могут быть лишь формальное описание статуэток, поиск таких признаков, которые позволили бы судить о функциях персонажей, и классификация в зависимости от этих функций. В этом смысле не подлежит сомнению, что среди южнотуркменских плоских в сечении женских статуэток времени Намазга V выделяются изображения двух групп существ, соответствующие двум статуарным типам. Фигурки обеих иконографических групп демонстрируют связь с идеей плодородия (выделенные женские органы, рисунки и знаки «растительности»), однако в ее разных аспектах. Семантика фигурок первой группы кажется более явной и однозначной. В этой богине (в ее соответствующей ипостаси или, напротив, в нескольких божествах) можно, вероятно, видеть прародительницу, покровительницу рода и города, связанную в то же время с небесной сферой. В пользу такого вывода свидетельствуют 1) устойчивое *сидячее* положение фигурок; 2) преимущественное (хотя и не исключительное) распространение на статуэтках этой группы знаков звезды; 3) ассоциация статуэток с коллективными захоронениями и с печатями, несущими изображения с небесно-астральной символикой.

На последнем обстоятельстве следует остановиться подробнее. В настоящее время на раскопе 9 обнаружены четыре погребальные камеры, сконцентрированные на участке 25×15 м. Скорее всего камеры служили семейными или родовыми усыпальницами, так как они периодически вскрывались для новых захоронений (положение всех костяков нарушено, кроме последнего, лежащего в анатомическом порядке). В этих камерах или в непосредственной связи с ними (обводной коридор вокруг одной из камер) найдено шесть целых статуэток. Еще одна обнаружена в слое, перекрывавшем камеру, но, возможно, также связана с ней. Все статуэтки принадлежат к первой группе: пять (или шесть, считая экземпляр из крошащего слоя) — к типу 1 и одна — к намазгинскому типу. Одна из статуэток типа 1, найденная в погребальной камере, имеет сзади на бедрах между двумя знаками «треугольник с ресничками» знак звезды.

Вместе со статуэтками в погребальных камерах были обнаружены бронзовые печати. Изображения на всех них более или менее явно связаны с небесной сферой, солнцем, луной (крест, полукрест, звезда, крест с полумесяцем, летящая птица).

Статуэтки второй группы не встречаются в погребальных камерах, но, по крайней мере в одном случае, связаны с погребением принципиально иного рода. В 1966 г. на раскопе 5, на краю поселения, было вскрыто захоронение женщины (так называемой жрицы). В руках она держала две глиняные фигурки, относящиеся ко второй группе (со знаками «рельсообразный» и «косые насечки») ¹⁴. Здесь же найдена печать, но не с крестом или птицей, а в виде трехглавого чудовища, т. е. существа, несомненно, хтонического (изображение многократно публиковалось). Основываясь на этих фактах, можно в порядке рабочей гипотезы предположить, что статуэтки второй группы изображают богиню (ее ипостась, или, напротив, несколько богинь), связанную с идеей плодородия в ее не только положительных, но и негативных аспектах (ассоциация с землей и подземным миром, с чередованием рождения и смерти и пр.).

В заключение повторим, что статуэтки второй группы более разнообразны. Многие сочетания признаков здесь представлены лишь единственным экземпляром. Это не позволяет подробно классифицировать фигурки (выделение типов 3 и 4 — не более чем вынужденное упрощение сложной реальной картины). Кроме того, это свидетельствует, что новые сочетания признаков будут скорее всего еще обнаружены при раскопках.

- ¹ О работах на раскопе 9 см.: *Березкин Ю. Е., Скаун Н. Н.* Городскому кварталу 4000 лет. — ПТ, 1978, 1; со-общения В. М. Массона в АО за 1969—1978 гг. М., 1970—1979.
- ² *Массон В. М., Сарияниди В. И.* Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. М., 1973. В нашей статье используются условные обозначения элементов декора, выработанные авторами книги.
- ³ У прочих статуэток встречаются отверстия в головных уборах, но не в косах.
- ⁴ *Антонова Е. В.* Антропоморфная скульптура древних земледельцев Передней и Средней Азии. М., 1977; *Она же.* К вопросу о значении поз антропоморфных изображений дописьменной эпохи (Передняя и Средняя Азия). — В кн.: Древность и средневековые народы Средней Азии. М., 1978, с. 5—16.
- ⁵ *Массон В. М., Сарияниди В. И.* Среднеазиатская терракота. ..., табл. I, 1.
- ⁶ *Березкин Ю. Е., Скаун Н. Н.* Городскому кварталу 4000 лет. Возможно, что статуэтки в венке должны быть выделены в отдельный тип. На раскопе 9 найден обломок еще одной фигурки в венке. Судя по сохранившейся головке, статуэтка была не-
- большой. Сохранность ее не позволяет судить о наличии кос, что существенно для определения статуарного типа.
- ⁷ У одной из фигурок, отнесенных нами к этому типу (*Массон В. М., Сарияниди В. И.* Среднеазиатская терракота. ..., табл. XXXII, 2), звезды сохранились лишь на плечах. Скорее всего они были и на бедрах, но часть статуэтки ниже талии отбита.
- ⁸ *Массон В. М., Сарияниди В. И.* Среднеазиатская терракота. ..., табл. XLIII, 1.
- ⁹ Там же, табл. II, 1; XXXI, 5.
- ¹⁰ Там же, с. 93—96.
- ¹¹ Там же, табл. XXII, 1.
- ¹² «Знак» и «рисунок» дерева или растительности различаются как иконографически, так и по месту на поверхности статуэтки, на котором они нанесены. См.: *Массон В. М., Сарияниди В. И.* Среднеазиатская терракота. ..., с. 37—40.
- ¹³ Там же, табл. XLIII, 1.
- ¹⁴ Там же, табл. I, 2; III, 4. В ПТ, 1967, 3 была опубликована статуэтка первого типа с ошибочным указанием, что она происходит из погребения «жрицы». В действительности эта фигурка найдена в помещении 13 на раскопе 5.

Ю. А. ЗАДНЕПРОВСКИЙ

К ИСТОРИИ ОАЗИСНОГО РАССЕЛЕНИЯ В ПЕРВОБЫТНОЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ

На территории Ферганской долины ныне известно 76 памятников древнеземледельческой чустской культуры периода поздней бронзы (рис.)¹.

Поселения располагаются здесь группами, гнездами, на значительном расстоянии друг от друга. Естественно предположить, что такое размещение сложилось в ходе земледельческого освоения отдельных участков, которые выделялись оазисами среди обширных неосвоенных пространств. Топография поселений лучше изучена в Узгенском и Карасуйском оазисах, которые представляют два основных варианта типа заселения. В первом из них все девять поселений размещаются по берегам Яссы и Карадарьи. На самом краю (на мысе) берега Яссы располагается Кзыл-Октябрьское поселение. Большинство поселений находится на краю берега и значительно удалено от русла реки, так как Карадарья образует здесь широкую пойму. Яссы возле поселения Боз-Тепе (западнее Кзыл-Октября) имеет также довольно широкую пойму. Направлением русла Карадарьи определяется расположение поселений — вытянуто в одну линию с юго-востока на северо-запад.

В Карасуйском оазисе поселения связаны с несколькими протоками древней дельты р. Талдыксу. Протоки вытянуты в меридиональном направлении с отклонением к западу. Они разделены увалами, на которых располагаются поселения. Совокупность их в плане имеет веерообразную форму. Поселения вытянуты вдоль русел (протоков) цепочкой, как и в Узгенском оазисе, но здесь имеется несколько рядов (т. е. более усложненный тип заселения). Топография памятников оазиса находится в пря-

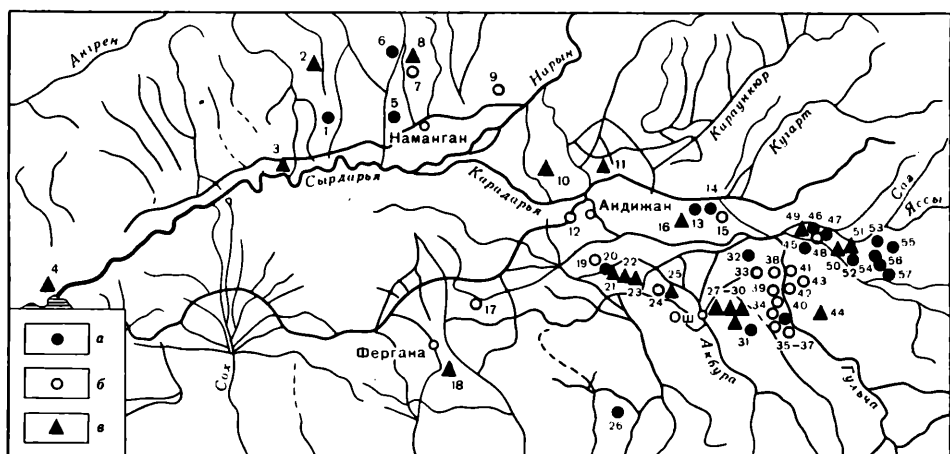

Рис. Памятники чустской культуры Ферганы
 а — исследованное поселение; б — поселение; в — находки керамики

мой зависимости от конфигурации древней дельты р. Талдыксу. Аналогичная связь с реками заметна в расположении остальных памятников. В долине р. Кассансай размещаются поселения Тергаучи и Тюря-Курган, на берегу небольшого сая находится Чустское поселение.

Географически поселения на территории Ферганы распределены следующим образом. В Гава-Кассансайской группе (северная Фергана) на обширном участке размерами с запада на восток от Чуста до Яздепе 50 км и с севера на юг от Тергаучи до Тюря-Курган — 20 км (площадь 1000 кв. км) известны восемь поселений и находки керамики в четырех пунктах. Все эти поселения малых размеров, за исключением Чуста, который мог служить центром северной группы памятников. Узгенский оазис (девять поселений и находки керамики в трех пунктах) имеет длину примерно 25 км (от места слияния Яссы с Карадарьей, где находится Кулунчакское поселение), и до излучины берега на востоке у Чимбая) ширина его не более 10 км, а площадь — около 250 кв. км. В эпоху бронзы были освоены только пойма и надпойменная терраса, т. е. лишь небольшая часть территории. Для установления того, какая именно площадь была освоена в чустский период, у нас нет конкретных данных. Центральным поселением группы являлось, по всей вероятности, Дехканское, выделяющееся размерами. Поселения на берегу Карадарьи находились приблизительно на равном расстоянии друг от друга — около 5 км. Кстати, Дунбулак, где также найдена чустская керамика, лежит в 5 км к востоку от Узгена и примерно на таком же расстоянии к северо-востоку от Дехкана. Поселение Кзыл-Октябрь располагается в 4 км от Боз-Тепе в долине Яссы, а последнее — в 3—4 км от Кулунчака, от которого до Кашка-Терека тоже около 5 км. Иные расстояния разделяли поселения в Карадарьинском оазисе. Каракочкорское поселение находится в 3 км к югу от Чимбая, поселение 82 — в 1 км к северу от него, а поселение 33 — в 2 км к северо-востоку. Поселение Дехкан располагается почти точно в центре оазиса на правобережье Карадарьи. На противоположном берегу Карадарьи чустских поселений нет.

Совсем иная картина в Карасуйском оазисе, на массиве Отуз-Адыр. Древние протоки вытянуты веерообразно. Участок, на котором находятся 24 чустских поселения, имеет размеры с севера на юг около 15 км, с запада на восток — около 20 км (площадь 300 кв. км). В восточной части оазиса выявлено девять поселений, в том числе Хожамбаг, по всей вероятности, служившее центром всего оазиса в чустский период.

Можно назвать Ходжибадскую группу поселений в конусе выноса Акбуры и Аравана (три поселения и находки керамики в четырех пунктах). Между ней и Карасуйским оазисом располагается Ош с поселением на горе Тахти-Сулейман и находками чустской керамики в трех пунктах.

В расположении упомянутых оазисов и групп, если рассматривать их в совокупности, проступает определенная закономерность. Они образуют взаимосвязанную систему, и в ней важную роль играют одиночные памятники, которые как бы соединяют отдельные части (поселение Язде и находки в междуречье Нарына и Карадарьи представляют связующее звено между памятниками северной и восточной Ферганы). Все сказанное позволяет охарактеризовать в первом приближении тип расселения чустских племен.

Расстояния между отдельными оазисами и группами в среднем составляют 20—30 км. Это расстояние равно дневному переходу на верблюдах (18—25 и более верст в день)² и дневному перегону на лошади.

Указанное расположение чустских поселений, очевидно, наиболее соответствовало начальному этапу освоения пришельцами новой территории. Об этом можно судить по этнографическим данным. Характеризуя поселения каракалпаков Ферганы в начале их переселения, этнографы отмечают, что они «не образовывали больших кишлаков. Им свойствен был разбросанный тип расселения, т. е. группы, состоящие обычно из нескольких кепе (каркасных построек. — Ю. З.), населенных близкими родственниками (и уж во всяком случае членами одного родового подразделения), отстояли на значительном расстоянии друг от друга. Впоследствии кепе сменились домами, но расселение отдельно стоящими усадьбами еще продолжало некоторое время бытовать»³.

В свете этнографических данных пространственное размещение групп поселений можно с известным основанием рассматривать как отражение родственного — родового — принципа расселения чустских племен. Естественно поэтому полагать, что каждая группа или оазис в основном были заселены одной общиной, одним родовым подразделением. Каждый из оазисов представлял собой замкнутую, экономически (хозяйственно) обособленную совокупность поселений и усадеб отдельной общины. Но, разумеется, нельзя исключить возможность вхождения в ее состав и представителей иных общин. Система оазисов бронзового века Ферганы в целом, следовательно, отражает целостную систему земледельческих общин. Конечно, состояние изученности не позволяет представить в полном объеме социальную структуру населения Ферганы этого периода. Однако уже сейчас можно определить минимальное число оазисов-общин и их примерный количественный состав, установить, что поселения-общины не были однородными, и пр. В этом отношении существенное значение имеет трехступенчатая дифференциация поселений по размерам. Сравним плотность заселения, исходя из количества поселений на территории трех оазисов: Узгенского, Карасуйского и Гава-Кассансайского. В каждом из них преобладали поселения малых размеров (площадь менее 1 га) и в каждом имелось по одному поселению средних размеров — 4—5 га. Поэтому при расчетах можно не учитывать общую площадь поселений, а оперировать только цифровыми данными о количестве памятников.

Степень изученности рассматриваемых районов разная. Можно полагать, что в Узгенском оазисе при сплошном и детальном обследовании практически выявлены все сохранившиеся чустские поселения. Для полноты картины во всех случаях условно принимаем пункты находок чустской керамики за поселения. Обследование Карасуйского оазиса не завершено, и количество памятников здесь, очевидно, больше того, что известно в настоящее время. Это относится и к третьему району. Все приводимые далее расчеты носят, разумеется, условный характер и имеют цель показать лишь относительную плотность поселений.

В Узгенском оазисе одно поселение приходится на 20 кв. км (250 кв. км — 12 поселений), в Карасуйском — одно поселение на

12,5 кв. км (300 кв. км — 24 поселения), а в Гава-Кассансайском — одно поселение на 85 кв. км (1000 кв. км — 12 поселений). Различие между первыми двумя оазисами незначительно, и даже при увеличении количества памятников в Карасуйском оазисе можно считать, что плотность населения была здесь практически одинакова. В несколько раз меньше плотность в третьем районе, что резко отличает его от двух первых районов. Это обстоятельство невозможно отнести только за счет слабой изученности. Насколько это различие отражает действительность, будет определено в дальнейшем, после проведения специальных работ по выявлению здесь чувстских памятников. Однако и по имеющимся сейчас данным различие плотности поселений не вызывает сомнения. Обратимся к сравнительному изучению.

В южных районах Средней Азии истоки оазисного расположения восходят к неолиту. Группу из трех джейтунских поселений на небольшом участке возле Геокдепе можно считать древнейшим земледельческим оазисом в южной Туркмении⁴. Оазис эпохи энеолита наиболее полно изучен в районе Геокюра. Группа состоит из девяти памятников, которые расположены по протокам древней дельты. Поселения находятся на расстоянии 4—5—7 км друг от друга. Общая площадь оазиса равна 400 кв. км.

Сравнительное изучение в социологическом аспекте разновременных оазисов — Геокюрского (IV тысячелетия до н. э.) и Узгенского (начало I тысячелетия до н. э.) — позволяет выявить некоторые особенности социально-экономической структуры общества и их принципиальное различие. Количество известных поселений в этих оазисах почти одинаково. Совпадает и характер их гнездового расположения. Важно также, что эти поселения относятся к начальному этапу земледелия в обоих районах. В каждом оазисе выделяется размерами по одному поселению. В Геокюрском оазисе это Геокюр I, который на первых двух этапах имел площадь 5—6 га. На последнем этапе его площадь удвоилась и составляла уже 12 га. Большинство поселений Геокюра по величине в несколько раз превышает чувстские памятники (табл.). Только самое небольшое из них — Дашлыджидепе — сходно с узгенскими. Общая площадь поселений Геокюра почти в три раза больше площади памятников Узгенского оазиса. Это соотношение остается в силе и при сравнении площади одновременно существовавших поселений в Геокюре. Основываясь на основных оценках численности населения, можно полагать, что в Геокюрском оазисе в IV тысячелетии до н. э. плотность населения была, очевидно, несколько выше, чем в более позднее время в Фергане. Население концентрировалось в небольшом количестве поселков, особенно на позднем этапе. По основным показателям рассматриваемые оазисы резко отличаются. Из сопоставления можно сделать общий вывод о том, что энеолитические поселения юга Туркмении (и соответственно общины) были более крупными, нежели поселения периода поздней бронзы Ферганы.

Резкие изменения в характере расселения происходят в южной полосе Средней Азии в период поздней бронзы и раннего железа. Оазисная система распространена на территории архаической Бактрии, Парфии и Маргианы⁵. Наиболее выразительны данные по культуре архаического Дахистана, особенно в Бенгуванском оазисе (табл.). Приведенные сведения указывают на общее уменьшение размеров поселений и на увеличение их количества. Плотность заселения в этот период значительно возрастает. Так, если в Геокюре на площади 400 кв. км одновременно существовало от трех-шести до восьми поселений, т. е. одно поселение на 66 и 50 кв. км (при одновременном существовании всех девяти поселков — одно поселение на 44 кв. км), то в Бенгуване одно поселение приходилось на 0,5 кв. км. При этом общая плотность всех поселений и соответственно в известной мере и численность населения в этих оазисах различаются незначительно.

Если полагать, что не все поселения в Бенгуване одновременны, и

Т а б л и ц а

Сравнение основных показателей древнеземледельческих оазисов
энеолита и поздней бронзы

Группа поселений (оазисы)	Территория оазиса (кв. км)	Количество поселений	Площадь посе- лений	Типы поселений (по размерам в га)				
				крупные	средние	малые	дома- усады	дома
Геоксюрская (IV тысячелетие до н. э.)	400	9	18,46— —19,46	5—6—12 (одно)	1,65 (два)	0,65—0,90 (пять)	0,18 (одно)	—
Бенгуванская (II—I тысячелетия до н. э.)	15	34 *	11,66	2—3 (одно)	1,1—1,4 (два)	0,60—0,80 (четыре)	0,10—0,42 (20)	0,043— —0,080 (пять)
Узгенская (II—I тысячелетия до н. э.)	250	9 **	5,72	5 (одно)	—	—	0,10—0,23 (три)	0,02—0,07 (четыре)

* Размеры двух поселений не определены.

** Размеры одного поселения не определены.

Данные о Геоксюрской группе см.: Хлопик И. Н. Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита. М.; Л., 1964; о Бенгуванской группе см.: Костюченко В. П., Лисицына Г. Н., Прищепенко Л. В. Бенгуванский оазис поселений времени архаического Дахистана — КД, 1972, 4.

считать, что только половина из них была заселена в одно и то же время, то и тогда общее количество их будет больше, чем в Геоксюре. Следовательно, различие типа расселения и основных типов поселений в этих двух оазисах не вызывает сомнения. Оно указывает на существенные изменения: вместо концентрации населения в немногих населенных пунктах происходит рассредоточение его. Именно в период поздней бронзы появляются поселения, состоящие из нескольких домов, расположенных друг от друга на значительном расстоянии. Подобный тип расселения можно определить как мелкогнездовой (мелкокишлачный). Имеющиеся материалы пока не позволяют установить, когда этот тип появляется в Южной Туркмении впервые, но приведенные факты указывают на его распространение по крайней мере в период поздней бронзы.

Перечисленные особенности и прежде всего характер расселения с преобладанием мелких поселений и отдельных домов сближает синхронные оазисы Ферганы и Дахистана (табл.). Они свидетельствуют о сходстве социально-экономических процессов, происходящих в этих отдаленных друг от друга областях и приведших к тому, что основной хозяйственной единицей общества стала семья. Таким образом, можно считать традицию расположения поселений группами — гнездами — оазисами восходящей к эпохе энеолита. Мелкогнездовое расселение в виде оазисов — совокупности отдельных домов — появляется лишь на рубеже II—I тысячелетий до н. э. почти одновременно в южной Туркмении и в Фергане.

Исследованную систему оазисов чустских поселений Ферганы в целом можно рассматривать как определенное отражение существовавшей в прошлом целостной системы общин древних земледельцев.

⁴ Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы. — МИА, 1962, 118; Спришевский В. И. Чуст-

ское поселение (к истории Ферганы в эпоху бронзы). Автореф. канд. дис. Ташкент, 1963; Заднепровский Ю. А.

Чустская культура Ферганы и памятники раннежелезного века Средней Азии. Автореф. докт. дис. М., 1978.

² *Массон М. Е.* Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и в Мавераннахр. — ТЮТАКЭ, 1966, XIII, с. 10.

³ *Толстова Л. С.* Каракалпаки Ферганской долины. Нукус, 1959, с. 42.

⁴ *Массон В. М.* Поселение Джейтун. — МИА, 1971, 180, с. 105.

⁵ *Щегенко А. Я.* Раскопки поселения эпохи бронзы Тайчанак-депе. — КД, 1968, 2.

Л. Б. КИРЧО

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД И КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ

(по материалам
южнотуркменистанских погребений
периода ранней бронзы)

Погребальный обряд является одним из наиболее устойчивых показателей, отражающих культурные особенности и социальные отношения древнего общества.

Погребения периода позднего энеолита южной Туркмении наиболее полно изучены на Карадепе у Артыка¹, на Алтындепе у Меана² и на Геоксюр I в бассейне р. Теджен³. Они характеризуются рядом устойчивых признаков, на основании которых выделяются три типа захоронений.

Первый тип представлен безынвентарными захоронениями младенцев и маленьких детей в ямах под полами жилищ в пределах функционирующей жилой застройки; как вариант выделяются безынвентарные захоронения младенцев в сосудах.

Второй тип представлен стандартными захоронениями взрослых и подростков в ямах вне пределов функционирующей жилой застройки — в мусорных слоях на краю поселения и в заполнении незастроенных участков и дворов. В захоронениях второго типа покойный обычно завернут в циновку и положен на бок в скорченном положении⁴. Ориентировка разнообразная, но преимущественно южная, юго-западная и юго-восточная. Захоронения второго типа сопровождаются сосудами с заупокойной пищей, изготовленными из глины, камня или органических материалов⁵. Покойных, видимо, хоронили в одеждах, иногда расшитых бусами; на шею и запястьях большинства погребенных женщин имелись ожерелья и браслеты из бус, изготовленных из полудрагоценных камней или пасты.

Третий тип захоронений — коллективные, видимо семейные, захоронения в сырцовых погребальных камерах. Камеры Геоксюр I и Алтындепе имели круглую или прямоугольную в плане форму и по крайней мере в ряде случаев — ложносводчатое перекрытие; камеры Карадепе — прямоугольные, характер перекрытия неизвестен. Расположены погребальные камеры на специальных участках на краю холма или на незастроенных участках на самом поселении. В ряде случаев на Геоксюр I прослежены стены, отделяющие группы погребальных камер от жилой застройки⁶. Внутри камер похоронено от одного до 12 человек, в основном три—семь человек. Обряд погребения — последовательный: кости или недо конца разложившийся труп сдвигали в противоположную от входа часть камеры, а на освободившееся место клали следующего покойного. В случае заполнения камеры часть костей, особенно черепа, могли быть перезахоронены в другой камере, а остальные кости либо закапывали в яму, вырытую внутри камеры, либо просто выбрасывали из камеры, рядом с ней⁷. Иногда заполненную камеру забутовывали, обрушивая свод и утрамбовывая, и на этом же месте строили новую⁸.

Положение и ориентировка костяков в захоронениях третьего типа такие же, как в захоронениях второго типа: покойный положен на бок с подогнутыми ногами, преимущественно головой на юг. Инвентарь коллективных захоронений аналогичен инвентарю индивидуальных захоронений. Обычно это сосуды с заупокойной пищей и немногочисленные украшения из бус. Кроме того, в ряде камер Геоксюр I и на Алтындепе найдены медные предметы — стержни с утолщением на конце, очень редко — ножи и зеркала⁹.

За последние два десятилетия получена значительная серия материалов, характеризующих погребения периода ранней бронзы, непосредственно следующего за периодом позднего энеолита на территории Южного Туркменистана. Наиболее широкие исследования проводились на Хапузде¹⁰, Улугдепе у Душака¹¹ и Алтындепе. К сожалению, результаты исследования погребений Улугдепе остаются практически неопубликованными, а в материалах Хапузде погребения представлены слабо. Поэтому основой для характеристики погребений того времени являются материалы Алтындепе.

В настоящее время на Алтындепе изучено около 150 захоронений периода ранней бронзы: 102 захоронения — Каракумской экспедицией под руководством В. М. Массона и около 50 — при работах отряда Института истории АН Туркменской ССР¹².

Для периода ранней бронзы, как и для позднего энеолита, характерно совмещение на одном памятнике поселения и могильника. Захоронения Алтындепе совершены в погребальных сооружениях двух видов: в ямах, вырытых в культурном слое поселения, и сырцовых погребальных камерах прямоугольной в плане формы.

Все захоронения в ямах найдены в заполнении помещений или дворов и на краю поселения в мусорных слоях. В ряде случаев могильная яма повредила стены строений того горизонта, в который была вгнута. На раскопе 5 в пределах застройки строительных горизонтов 4—6 выделялось несколько мест, где погребения, особенно младенцев, группируются по два—четыре. Над всеми этими участками в вышележащем горизонте находились междудомные пространства или незастроенные участки, с уровня которых и совершалось захоронение. Абсолютное большинство этих захоронений совершено не прямо посреди двора или помещения, а в углу или у стены.

Т а б л и ц а 1
Количественное распределение погребенных по типам захоронений

Вид сооружения	Вид погребения	Возраст покойного	Тип захоронения	С инвентарем	Без инвентаря	Всего
Яма	Индивидуальное	Младенец	1	—	41	41
То же	То же	Взрослый или подросток	2	10	9	19
»	Двойное	То же	3	6	—	6
Камера	Коллективное	»	4	52	9	61

Среди захоронений в ямах количественно преобладают захоронения младенцев в небольших овальных в плане ямах (табл. 1). Погребенные в основном скорчены на боку, причем не выявляется никакой связи между ориентировкой и положением костяка на правом или левом боку (табл. 2). Обычно покойный положен вдоль стены помещения. По-видимому, ориентировка тела определялась именно местом захоронения — направлением стены.

Таблица 2

Соотношение ориентировки и положения тела погребенного

Ориентировка	Индивидуальное или двойное захоронение в яме			Коллективное захоронение в камере				
	младенец			взрослый или подросток				
	на правом боку	на левом боку	прочие	на правом боку	на левом боку	прочие	на правом боку	на левом боку
Север	3	1	1	9	—	1	—	1
Северо-запад	—	2	1	4	—	—	3	—
Северо-восток	1	2	1	2	—	—	3	—
Запад	3	2	—	1	1	—	2	—
Восток	—	—	1	—	—	—	—	—
Юг	2	1	2	3	—	1	—	—
Юго-запад	—	—	2	—	—	—	—	—
Юго-восток	—	1	—	—	—	—	—	—

Среди захоронений взрослых и подростков в ямах, найденных в основном на краю холма, выделяются индивидуальные и двойные захоронения¹³. Двойные захоронения неодновременны, однако совершались они через весьма короткий промежуток времени, так как первый костяк обычно почти не потревожен и сохраняет в основном анатомический порядок. Костяки, найденные в индивидуальных и двойных захоронениях взрослых, имеют устойчивую северную ориентировку и лежат обычно на правом боку (табл. 2). Инвентарь в этих захоронениях, как и в период позднего энеолита, представлен сосудами для заупокойной пищи и личными украшениями из бус.

Кроме захоронений в ямах, на Алтындепе изучено десять погребальных камер периода ранней бронзы, содержащих 61 захоронение. Еще о двух камерах упоминает В. И. Сариниди, не приводя о них никаких данных¹⁴. Две прямоугольные погребальные камеры и погребальный комплекс из шести помещений исследованы в 1959—1961 гг. на краю «холма стены» в восточной части Алтындепе¹⁵. В погребальных камерах найдено по два и три безынварных захоронения. Погребальный комплекс представлял собой два ряда помещений, существовавших в течение двух строительных горизонтов и содержавших от двух до четырех захоронений в каждом горизонте. Инвентарь представлен каменными и керамическими сосудами, бусами и каменным светильником в виде усеченного конуса. Такой же светильник найден и в камере, расчищенной на западном склоне поселения и содержавшей семь скелетов¹⁶.

Две погребальные камеры были изучены в 1965 г. на склоне «холма погребальных камер» на раскопе 4. В одной из камер найдены четыре скелета без инвентаря, в другой — семь скелетов в перемешанном состоянии в сопровождении 32 керамических и каменных сосудов и каменного светильника¹⁷.

В 1975 г. при изучении основного въезда на поселение на раскопе 8 было найдено перезахоронение десяти черепов в сопровождении одного расписного сосуда¹⁸.

Сильно разрушенная погребальная камера изучена в 1967 г. на раскопе 1 в северо-восточной части поселения. В камере найдены четыре черепа и несколько длинных костей в сопровождении нерасписного сосуда, кремневого наконечника стрелы и нескольких бусин. К югу от камеры еще один, видимо, выброшенный из нее череп и завал длинных костей найдены вместе с тремя расписными сосудами и каменным светильником¹⁹.

Наконец, в 1977—1978 гг. нами исследованы две погребальные камеры²⁰. Камера, изученная в строительном горизонте 5, располагалась на

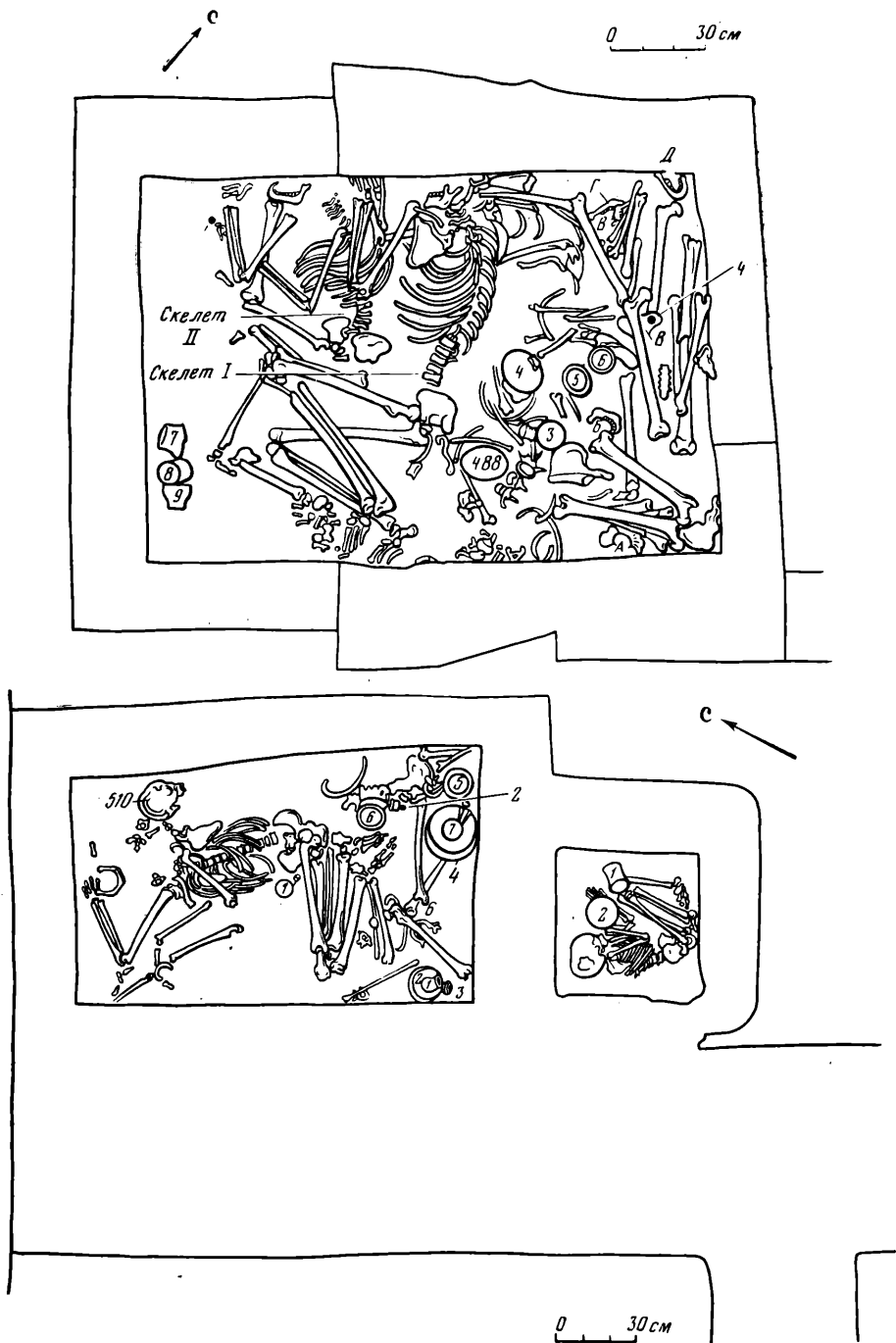

Рис. 1. Коллективные захоронения в погребальных камерах

1 — камера горизонта 5 раскопа 5 Алтындепе, погребения в помещениях 15 и 16; 2 — камера горизонта 4 раскопа 5 Алтындепе, погребения в помещении 47

Цифрами и буквами на плане обозначены находки вещей и костей скелета

краю холма и была пристроена к восточной стене жилых комплексов, выходящих на край поселения. Это прямоугольное помещение (1,9×1,2 м), пол которого выстлан циновкой. Здесь было совершено последовательное захоронение двух человек (рис. 1, 1). Кости первого погребенного (череп отсутствует) сдвинули к южной стене и вдоль длинной оси ка-

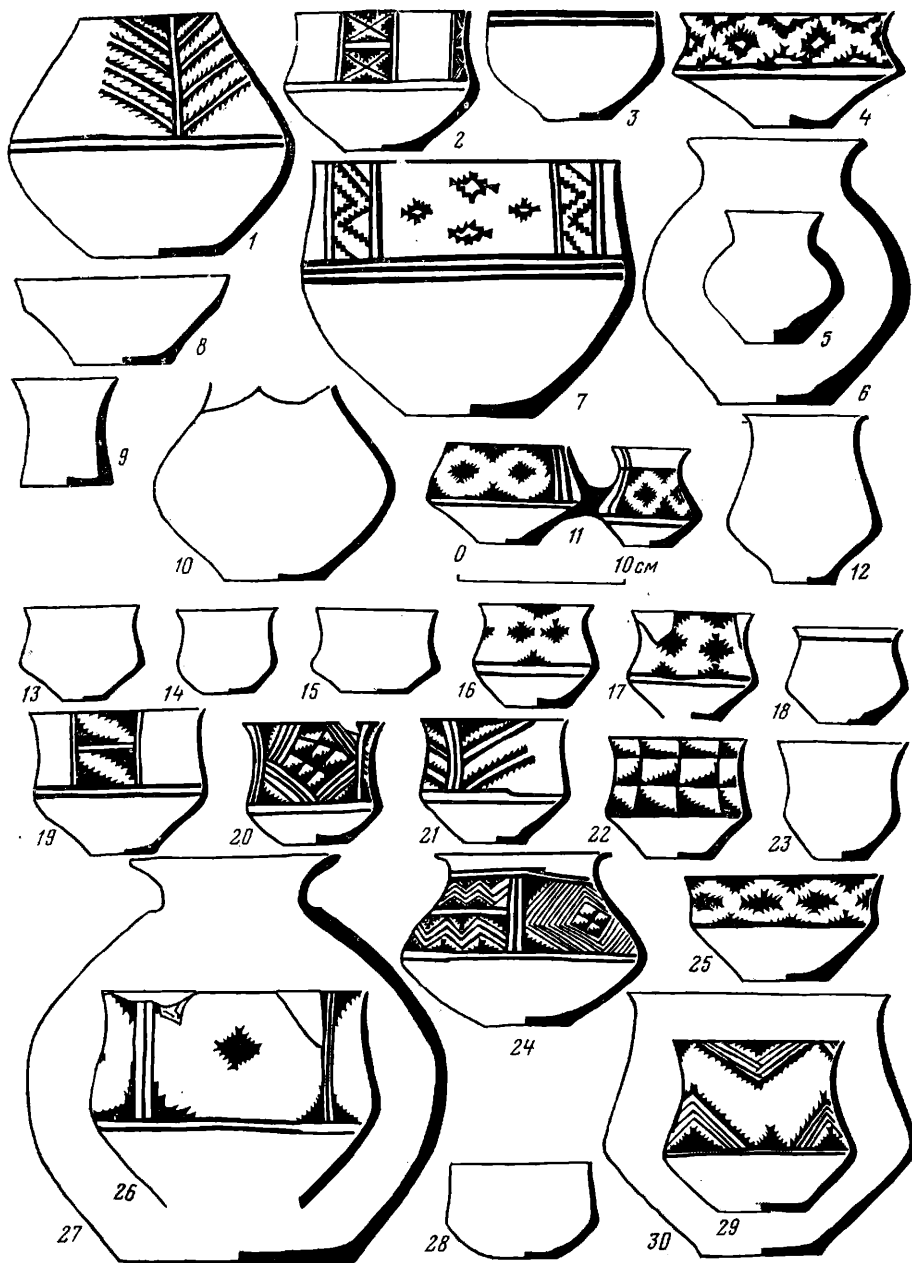

Рис. 2. Керамика из погребений периода ранней бронзы Алтындече (1—30)

меры положили второго покойного на правый бок, головой на север — северо-запад. Инвентарь, относящийся к обоим захоронениям, располагался вдоль южной и западной стен. Здесь найдено семь сосудов, в том числе два — из мраморовидного известняка и пять — керамических (рис. 2, 3—7). Из мраморовидного известняка изготовлены и найденные среди костей биконическая бусина и коническое навершие.

К южной стене камеры пристроена еще одна округлая камера, где было совершенно захоронение ребенка (рис. 1, 1). Покойный положен го-

ловой на север в скорченной позе на левом боку. На шее найдена халце-доновая бусина, а на запястье левой руки — агатовая. Перед лицом стояли два неровно обожженных нерасписных красноангобированных сосуда (рис. 2, 8, 9).

В строительном горизонте 4 раскопа 5 также была изучена погребальная камера. Камера расположена в северо-восточной части холма во дворе Б, отделенном глухими стенами от других строений этой части поселения. Камера имела размеры 2,2×1,7 м (рис. 1, 2). Вход в камеру располагался с западной стороны, так как перемешанные кости скелетов сдвинуты к восточной и частично к южной стенам. Поверх костей в восточной половине камеры найдены семь сосудов, в том числе две чаши — из мраморовидного известняка и пять — керамических (рис. 2, 19, 23—25, 28). Здесь же найдены крупная биконическая бусина из серого камня и медная округлая серьга с несомкнутыми концами. В западной половине камеры расчищены два скелета — взрослого и подростка, лежавшие параллельно друг другу и частично сдвинутые. Покойные были первоначально положены на правый бок в скорченной позе, головами на северо-запад. Череп отсутствуют. На запястье правой руки подростка найдена биконическая сердоликовая бусина. Вдоль западной стены стояли три расписных кубка (рис. 2, 20—22). Часть инвентаря находилась снаружи, у южной стены камеры. Здесь найдены шесть кубков (рис. 2, 13—18), крышечка из мраморовидного известняка и удлиненный квадратный в сечении светильник с округлой крышечкой.

Южнее камеры была вырыта яма, в которой перезахоронены шесть черепов, нижняя челюсть и разрозненные кости от разных скелетов. По всей видимости, эти кости принадлежали покойным, первоначально захороненным в погребальной камере. Причиной перезахоронения послужили, видимо, переполненность погребальной камеры или близость жилых строений. Во всяком случае, камера раннего этапа была забутована кирпичом, и на ее месте, частично используя южную и северную стены, возвели новую камеру позднего этапа. Перестройка коснулась не только погребальной камеры. В 3,7 м к западу от нее было возведена стена толщиной 0,5 м. Эта стена была построена специально для большей изоляции погребальной камеры, так как далее к западу имеется еще одна стена, которая традиционно ограничивала двор Б. Погребальная камера позднего этапа послужила только для одного погребения — перезахоронения. Кости скелета были сложены на циновке в определенном порядке — внизу находились кости ног, затем — рук и таза, а сверху был положен череп. Среди костей найдена медная серьга с несомкнутыми концами, парная к ней обнаружена в камере раннего этапа, где, видимо, был первоначально погребен покойный. Всего в камере горизонта 4, считая и перезахоронения, было погребено не менее 14 человек.

В литературе выделяют два вида сырцовых погребальных сооружений — погребальные камеры и погребальные комплексы²¹. Представляется, что на уровне наших знаний мы не можем выделять эти виды сооружений. Детальные исследования коллективных захоронений показали, что погребальные камеры связаны с окружающим их участком. И конструктивно, и по вещевому материалу к коллективному погребению относится не только сама погребальная камера, но и прилегающий к ней участок, где частично размещался инвентарь и совершались перезахоронения.

Все погребальные камеры, изученные на Алтындепе, расположены в непосредственной близости от края холма. В тех случаях, где это удалось проследить, камеры полностью изолированы от жилых строений специальным участком и глухими стенами толщиной 0,5—1,5 м. Все эти особенности расположения аналогичны особенностям расположения погребальных камер Геоксюр I. Полностью аналогичен позднэнеолитическому последовательный обряд захоронения и перезахоронения скелетов и в особенности черепов. Количественный и возрастной состав погребенных в ка-

мерах также чрезвычайно близок энеолитическому. В камерах Алтындепе периода ранней бронзы захоронено от одного до 14 человек взрослых и подростков.

В трех случаях в камере не обнаружено погребального инвентаря. Среди остальных камер выделяется перезахоронение десяти черепов на раскопе 8, вместе с которыми найден только один сосуд. В перезахоронении костей из камеры горизонта 4 раскопа 5 инвентарь вообще отсутствовал. Видимо, при перезахоронении инвентарь не переносили. В шести погребальных камерах или около них найдены каменные светильники, по одному на камеру. Аналогичные светильники найдены на Хапуздепе и Улугдепе в погребальных камерах или даже индивидуальных захоронениях. Вероятно, эти светильники играли важную роль в погребальном обряде, они явно связаны с культом огня и характерны только для погребений периода ранней бронзы. В пяти камерах, где найдены светильники, обнаружены каменные и керамические сосуды, в среднем по одному — три на каждого погребенного, что также близко к количеству сосудов на одного человека в погребениях энеолитического времени. Немногочисленные личные украшения — серьги и украшения из бус — имелись только у некоторых из погребенных.

Несколько особняком стоит погребальная камера горизонта 5 раскопа 5. Здесь нет светильника, довольно много сосудов (по три на человека) и встречены бусы или наперстки. Захоронение же ребенка в пристройке, сопровождающееся инвентарем, вообще не имеет аналогий в погребениях периода ранней бронзы. Возможно, что здесь мы имеем дело с захоронением семьи (?) особого положения.

Таким образом, среди погребений периода ранней бронзы выделяются четыре основных типа захоронений: 1 — безынвентарные захоронения младенцев в ямах под полами и стенами жилищ; 2 — индивидуальные захоронения в ямах взрослых и подростков, сопровождающиеся сосудами и украшениями; 3 — двойные неодновременные захоронения взрослых и подростков в ямах, сопровождающиеся сосудами; 4 — коллективные захоронения в сырцовых погребальных камерах, сопровождающиеся сосудами и украшениями. Внутри каждого из типов имеются варианты в устройстве могил, количестве и качестве инвентаря.

Погребения типов 1, 2 и 4 прямо продолжают позднеэнеолитическую традицию и отличаются только преобладанием северной ориентировки костяков в захоронениях типов 2 и 4 по сравнению с преимущественно южной в период позднего энеолита. Новым по сравнению с периодом позднего энеолита можно считать двойные захоронения в ямах, полное исчезновение круглопланых погребальных камер и, видимо, какие-то обряды при захоронении, в которых важную роль играл огонь светильника. Появление двойных неодновременных захоронений указывает, вероятно, на усиление значения малой семьи в обществе, однако отсутствие антропологических определений для двойных погребений заставляет пока воздержаться от окончательных выводов.

Таким образом, в период ранней бронзы сохраняются основные традиции погребального обряда позднего энеолита. Инновации были вызваны, по-видимому, социальными причинами и свидетельствуют о намечавшихся изменениях общества, приведших к появлению цивилизации раннегородского типа на территории южной Туркмении.

¹ Массон В. М. Кара-депе у Артыка. — ТЮТАКЭ, 1961, X.

² Массон В. М. Алтын-депе в эпоху энеолита. — СА, 1977, № 3.

³ Сариянди В. И. Памятники позднего энеолита юго-восточной Туркмении, IV. — САИ, 1965, вып. БЗ-8, с. 14—19; *Он же*. Геокюрский некрополь. —

В кп.: Новое в советской археологии (МИА, 130). М., 1965, с. 102—105.

⁴ Алексин Б. А. Некоторые аспекты социологической интерпретации погребений земледельцев энеолита Южной Туркмении. — СА, 1976, № 2, с. 12.

⁵ Там же.

⁶ Сариянди В. И. Памятники позднего энеолита. . . , с. 15, рис. 10, 1.

- ⁷ Сарианиди В. И. Геоксюрский некрополь, с. 102.
- ⁸ Там же, с. 103.
- ⁹ Сарианиди В. И. Памятники позднего энеолита. . ., с. 15, 16, рис. 11.
- ¹⁰ Сарианиди В. И. Хапуз-депе как памятник эпохи бронзы. — КСИА, 1964, 98, с. 63, 64; *Он же*. Новые раскопки на Хапуз-депе. — КСИА, 1969, 115, с. 120.
- ¹¹ Сарианиди В. И., Качурис К. А. Раскопки на Улуг-депе. — АО 1967 г. М., 1968, с. 342—345; Сарианиди В. И. Продолжение работ на Улуг-депе. — АО 1968 г. М., 1969, с. 434, 435.
- ¹² Ганялин А. Ф. Раскопки в 1959—1961 гг. на Алтын-депе. — СА, 1967, № 4, с. 209—211, рис. 1, 2.
- ¹³ Там же, с. 209 (погребение 2); Щегленко А. Я. Работы Артыкского отряда Каракумской экспедиции. — АО 1969 г. М., 1970.
- ¹⁴ Сарианиди В. И. Раскопки могильников на Геоксюре и Алтын-депе. — АО 1965 г. М., 1966, с. 72.
- ¹⁵ Ганялин А. Ф. Раскопки в 1959—1961 гг. . . ., с. 209—211.
- ¹⁶ Там же, с. 210, рис. 2, 3.
- ¹⁷ Сарианиди В. И. Раскопки могильников. . ., с. 72.
- ¹⁸ Массон В. М. Раскопки жилых кварталов и оборонительных сооружений Алтын-депе. — АО 1975 г. М., 1976, с. 552.
- ¹⁹ Массон В. М. Монументальная архитектура Алтын-депе. — АО 1967 г. М., 1968, с. 345.
- ²⁰ Кирчо Л. Б. Алтын-депе в эпоху бронзы. — ИАН ТССР, СОН, 1979, 5.
- ²¹ Ганялин А. Ф. Раскопки в 1959—1961 гг. . . ., с. 209.

Г. Ф. КОРОБКОВА

К ПРОБЛЕМЕ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ КЕЛЬТЕМИНАРСКИХ ПЛЕМЕН

Неолитические памятники кельтеминарской культурной общности являются в настоящее время наиболее представительными и относительно хорошо изученными среди других синхронных комплексов Средней Азии и Казахстана. Об этом свидетельствуют как огромное количество открытых здесь стоянок (свыше 500, в числе которых имеются четко стратифицированные объекты — Джанбаскала 4, 31, Кават 7, Учащи 131, Лявлякан 26, Дарбазакыр 1 и 2 и др.), так и опубликованные работы, широко отражающие проблематику новых исследований.

Памятники кельтеминарской культуры были впервые выделены С. П. Толстовым¹. Ему принадлежит разработка основной проблематики, связанной с изучением этой культуры². Дальнейшие исследования позволили выявить локальные варианты Кельтеминара³ и определить его хронологические и территориальные границы⁴. Археологические работы последних лет, развернувшиеся в районах Акчадарьи, Внутренних Кызылкумов, низовьев Зеравшана, позволили А. В. Виноградову пересмотреть вопросы территориальных границ кельтеминарской культуры, ее локальных вариантов, хронологии и периодизации⁵. В настоящее время кельтеминарская культурная общность объединяет памятники Центральных и Северных Кызылкумов, Присарыкамьшской впадины и Узбоя, Акчадарьи, северо-восточного Приаралья и низовьев Зеравшана, относящиеся к группе родственных культур. По мнению А. В. Виноградова, здесь выделяются три культуры: собственно кельтеминарская (правобережный Хорезм), к которой условно отнесены верхнеузбойские стоянки⁶, лявляканская (Внутренние Кызылкумы) и нижнезеравшанская (Дарьясай, Аякагитма, Махандарья), существовавшие в рамках одной культурной общности⁷. К сожалению, характеристика выделенной общности отсутствует. Гипотеза А. В. Виноградова была принята М. А. Итиной⁸. Первое определение кельтеминарской культурной общности принадлежит В. М. Массону⁹, который позднее обратил особое внимание на то, что для определения культуры или общности необходимо применение строгой методики, основанной на использовании четко разработанной понятийной сетки. Отсутствие таксономической системы, предполагающей

строгую фиксацию соответствующих понятий, отрицательно сказалось на трактовке Кельтеминара¹⁰. Статистические данные для большинства памятников кельтеминарского типа неизвестны, что затрудняет проведение их жесткой сравнительной характеристики. Поэтому при решении многих проблемных вопросов приходится довольствоваться традиционным сопоставлением отдельных культурных элементов.

Учитывая большое сходство разных видов артефактов, нам представляется, что рассматриваемые комплексы Кельтеминара больше всего соответствуют культуре с несколькими локальными вариантами, в число которых следует включать и западноказахстанский. Однако отсутствие данных их статистической обработки не позволяет высказаться по этому вопросу более определенно. Принимая во внимание огромную территорию распространения памятников кельтеминарского типа, вероятнее всего, следует говорить о кельтеминарской культурной общности. Под ней нужно понимать совокупность следующих устойчиво повторяющихся признаков: два типа поселений кратковременного и долговременного обитания; два типа наземных жилищ овальной и прямоугольной формы, каркасно-столбовой конструкции, крупных и малых размеров; специфический погребальный обряд, предполагающий захоронение покойных в специальных грунтовых ямах в вытянутом положении на спине. Для керамического комплекса типичны сосуды вертикально-вытянутых пропорций, шаровидной и ладьевидной формы, полусферические чаши, украшенные прочерченным орнаментом, косыми насечками, вдавлениями, оттисками зубчатого штампа, качалки, образующими горизонтальные и вертикальные пояса, «елку», зигзаг, геометрические фигуры и другие узоры. Для кремневого инвентаря характерна пластинчатая техника расщепления микролитовидного облика с соответствующим набором орудий: наконечников стрел кельтеминарского типа, микропластин с притупленным краем разных вариантов, со скошенным концом, выемчатым пластин, концевых скребков на коротких пластинах и отщепах, единичных двустороннеобработанных наконечников стрел и копий, геометрических микролитов, плитчатых скребков, плитованных рубящих инструментов. Для набора украшений специфичны бусы из раковин *Dentalium*, а для некоторых районов — подвески из бирюзы или камня.

Вопросы хронологии памятников кельтеминарской культурной общности остаются дискуссионными. Особые разногласия вызывает абсолютная хронология, датировка отдельных стоянок и этапов. Согласно одной точке зрения, ранние комплексы следует датировать концом¹¹ или началом¹² IV тысячелетия до н. э.; другой — V или даже концом VI тысячелетия до н. э.¹³ В последние годы появились первые радиоуглеродные датировки для неолита Кызылкумов (дарьясайских комплексов)¹⁴, подтверждающие достоверность второй точки зрения. Проблема датировки поздних памятников кельтеминарской культурной общности возражений не вызывает. По единодушному мнению, верхняя граница Кельтеминара отнесена к III тысячелетию до н. э.¹⁵ Таким образом, абсолютный возраст кельтеминарской культурной общности определяется концом VI — началом III тысячелетия до н. э.

Несмотря на многочисленность памятников Кельтеминара, данные об общественном строе оставившего их населения незначительны. Это объясняется тем, что культурный слой на подавляющем большинстве стоянок развеян, и лишь редко удается установить характер существовавших на них жилищ. Пока известен только один могильник этого времени — Тумеккичиджик, но о нем имеются лишь предварительные сведения¹⁶.

На основе изучения жилища из Джанбаскала 4 С. П. Толстов сделал заключение, что это было обиталище родовой общины, для которой характерны дислокальный брак или очень неустойчивая парная семья¹⁷. В последние годы в Кавате 7, Лявлякане 26, Джанбаскала 31 и 32 удалось также установить наличие наземных жилищ с остатками столбов и сторевшей кровли, сконструированной из камыша и коры¹⁸. Их общей чертой можно считать значительную жилую площадь и большое

число очагов и хозяйственных ям. Так, площадь овально-вытянутого жилища Джанбас 4 составляла около 320 кв. м¹⁹. Такой же формы и несколько большей площади (360—380 кв. м) было жилище на стоянке Кават 7²⁰. В Лявлякане 26/1 удалось приблизительно установить лишь ширину жилого помещения, которая равнялась 7—9 м²¹. Это заставляет предполагать, что его общая площадь была несколько меньше. Жилище имело вытянутые очертания по линии юго-восток—северо-запад и вмещало около 15 очагов. Открыто жилище на Джанбас 31, названной позднее стоянкой Толстова. Здесь расчищено наземное сооружение прямоугольной очертаний размерами 12—13×8—9 м²². Близко по размеру жилище, вскрытое на стоянке Дарбазакыр 1 в низовьях Зеравшана, общая площадь которого достигает 81 кв. м. В плане оно тоже прямоугольное²³.

Среди специфических особенностей крупных кельтеминарских жилищ следует назвать наличие в них функционировавшего длительное время центрального очага. Об этом достаточно ярко писал еще С. П. Толстов, видя в нем своего рода неугасимый огонь и главный общинный очаг²⁴. На плане каватского жилища, опубликованном А. В. Виноградовым, в центре также отмечена прокаленная супесь²⁵, видимо, соответствующая местоположению такого очага. Приблизительно в центре жилой постройки, открытой на стоянке Лявлякан 26, зафиксировано пятно красного прокаленного песка²⁶. Весьма странно отсутствие каких-либо очагов в жилище Дарбазакыр 1, если оно вообще правильно выделено исследователями²⁷.

Наличие одного центрального, постоянно действующего очага, безусловно, подчеркивает хозяйственное, а возможно, как предполагал С. П. Толстов, и культовое единство обитавшего здесь коллектива. Ориентировочно число обитателей большого дома Джанбас 4 было оценено в 100—125 человек²⁸, что скорее всего несколько преувеличено. Однако уже сейчас ясно, что перед нами жилище крупной общины, а сам дом, в котором она обитала, как бы совпадал с собственно поселением²⁹. Огромные землянки (площадь до 600 кв. м) известны в неолите Западной Сибири и трактуются изучавшими их исследователями как общинно-родовые жилища³⁰. Аналогичные крупные жилища встречены и в других областях³¹.

Труднее судить о внутренней структуре обитавших в этих огромных строениях охотничье-рыболовецких общин. С. П. Толстов, исходя из факта, что помимо центрального очага в джанбасском доме имелся также ряд кострищ, неоднократно перемещавшихся, сделал вывод, что в пределах таких общин еще не произошло хозяйственно-бытового обособления отдельных семей³². В настоящее время это поселение полностью раскопано, опубликован его сводный план. Однако детальный анализ организации внутреннего пространства в сочетании с распределением находок пока еще не произведен. То же можно сказать и в отношении жилища на стоянке Кават 7. А. В. Виноградов выделяет внутри жилой постройки многочисленные ямы, из которых одни рассматриваются как остатки кострищ, другие — как хозяйственные³³. Но какой-либо системы в их локализации не наблюдается.

Кельтеминарские материалы встречаются в переотложенном состоянии и рассеяны на территории до 1—3 га. Пока нет оснований считать, что вся эта площадь обживалась одновременно. Возможно, на некоторых стоянках, в отличие от Кавата 7 и Джанбас 4, существовало несколько жилищ, меньших по размерам. Так, на Лявлякане 26 было отмечено шесть скоплений находок, одно из которых оказалось соответствующим жилищу³⁴. Не исключено, что другие скопления могли быть также остатками жилых домов, ныне полностью разваленных. На стоянке Толстова в нескольких десятках метров от вскрытого жилища отмечен культурный слой, соответствующий, возможно, остаткам другого дома³⁵.

Таким образом, в кельтеминарской культурной общности как будто намечаются два типа поселений: с одним огромным жилищем овально-

вытянутых очертаний (Джанбас 4, Кават 7) и с несколькими менее крупными строениями прямоугольной формы (Лявлякан 26, стоянка Толстова и предположительно Дарбазакыр 1).

По-видимому, хозяйственной и общественной жизнью обитателей кельтеминарских стоянок руководили представители родоплеменной верхушки, но данные об этом весьма скудны. Показательны результаты раскопок могильника Тумеккичиджик, где на определенной территории сконцентрировано до 30 погребений. Сам могильник был окружен рвом, подчеркивающим взаимную связь и близость погребенных лиц. В целом инвентарь покойных беден. Лишь в одном погребении найдено около 500 бус из раковин и кости, видимо, нашитых на нижнюю часть одежды, и шейная подвеска из клыка кабана³⁶. Богато украшенная одежда свидетельствует скорее всего об особом положении усопшего при жизни. Однако до полного завершения антропологических определений неизвестно, мужчина ли это или женщина (хранитель или хранительница священного очага). Возможно, подобные некрополи существовали и возле других кельтеминарских поселений (известно одиночное погребение в песке между стоянками Джанбас 4 и 5)³⁷. Богато украшенная одежда отличала также одно из неолитических погребений у с. Железинка в Казахстане (палеоантропологические определения пока отсутствуют)³⁸.

Возможно, что отмеченные выше локальные подразделения памятников кельтеминарского типа, в которых одновременно существовало по меньшей мере несколько десятков древних стойбищ, по занимаемой ими территории могут быть рассматриваемы как поселки, оставленные союзом родственных племен. Однако этот вопрос нуждается в дополнительном исследовании. Сейчас можно говорить, что основной ячейкой кельтеминарского общества была община, состоявшая из нескольких малых семей и не функционировавшая вне рамок этого коллектива.

¹ Толстов С. П. Древности Верхнего Хорезма (основные итоги работ Хорезмской экспедиции ИИМК 1939 г.). — ВДИ, 1941, 1, с. 156—159.

² Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948; *Он же*. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948; *Он же*. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.

³ Виноградов А. В. К вопросу о южных связях кельтеминарской культуры. — СЭ, 1957, № 1, с. 34; *Он же*. Кельтеминарская культура. Автореф. канд. дис. М., 1957, с. 9; *Формозов А. А.* Кельтеминарская культура в Западном Казахстане. — КСИИМК, 1949, XXV, с. 57; *Массон В. М.* Средняя Азия и Древний Восток. М.; Л., 1964, с. 180; *Коробкова Г. Ф.* Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. — МИА, 1969, 158, с. 124.

⁴ Толстов С. П. Древний Хорезм, с. 61; Виноградов А. В. Кельтеминарская культура, с. 7; *Итина М. А.* Памятники первобытной культуры верхнего Узоя. — ТХЭ, 1958, II, с. 306; *Исламов У. И.* Неолитическая культура в низовьях Зеравшана. Автореф. канд. дис. Л., 1963, с. 12; *Коробкова Г. Ф.* Орудия труда и хозяйство..., с. 125, 126.

⁵ Виноградов А. В. Неолитические памятники Хорезма. — МХЭ, 1968, 8; *Он же*. О локальных вариантах неолитической культуры Кызылкумов. — КСИА, 1970, 122.

⁶ Виноградов А. В. Неолитические памятники..., с. 156.

⁷ Виноградов А. В. Неолит Кызылкумов (к проблеме выделения локальных вариантов в неолите пустынь Средней Азии). — В кн.: Проблемы археологии Средней Азии. Тезисы докладов и сообщений к совещанию по археологии Средней Азии (1—7 апреля 1968 г.). Л., 1968, с. 12, 13; *Он же*. О локальных вариантах..., с. 35; Виноградов А. В., Мамедов Э. Д. Первобытный Лявлякан. Этапы древнейшего заселения и освоения Внутренних Кызылкумов. — МХЭ, 1975, 10, с. 263—274.

⁸ Итина М. А. История степных племен Южного Приаралья (II—начало I тысячелетия до н. э.). — ТХЭ, 1977, X, с. 21, 22.

⁹ Массон В. М. Кельтеминарская культура. — В кн.: Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.; Л., 1966, с. 133.

¹⁰ Массон В. М. Каменный век Средней Азии и понятие археологической культуры. — ИМКУ, 1974, 11, с. 20, 21.

¹¹ Толстов С. П. Древний Хорезм, с. 61; *Он же*. По следам..., с. 65—72.

¹² Виноградов А. В. Неолитические памятники..., с. 148, 152; Виноградов А. В., Мамедов Э. Д. Первобытный Лявлякан..., с. 224; Итина М. А. История степных племен..., с. 229, 230; *Формозов А. А.* Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории европейской части СССР. М., 1977, с. 119.

¹³ Коробкова Г. Ф. Орудия труда и хо-

- зайство... с. 125; *Она же*. К вопросу о хронологии кельтеминарской культуры. — ИМКУ, 1969, 8, с. 46—51; *Коробкова Г. Ф., Массон В. М.* Понятие неолит и вопросы хронологии неолита Средней Азии. — КСИА, 1978, 153, с. 107.
- ¹⁴ *Виноградов А. В., Мамедов Э. Д., Сулержицкий Л. Д.* Первые радиоуглеродные даты для неолита Кызылкумов. — СА, 1977, № 4, с. 267.
- ¹⁵ *Виноградов А. В.* Неолитические памятники..., с. 152; *Коробкова Г. Ф.* Орудия труда и хозяйство..., с. 126; *Коробкова Г. Ф., Массон В. М.* Понятие неолит..., с. 107.
- ¹⁶ *Вайнберг Б. И.* Могильник Тумеккичиджик в северной Туркмении. — АО 1972 г. М., 1973, с. 476; *Виноградов А. В.* Работы на могильнике Тумеккичиджик в северной Туркмении. — АО 1973 г. М., 1974, с. 500; *Он же.* Могильник Тумеккичиджик в северной Туркмении. — АО 1974 г. М., 1975, с. 520, 521.
- ¹⁷ *Толстов С. П.* Новые материалы по истории культуры древнего Хорезма (предварительные итоги работ Хорезмской археологической экспедиции Института истории материальной культуры АН СССР 1940 г.). — ВДИ, 1946, 1, с. 61, 62.
- ¹⁸ *Виноградов А. В.* Неолитические памятники..., с. 31, 70; *Он же.* Раскопки стоянки Джанбас 31. — АО 1976 г. М., 1977, с. 525, 526; *Он же.* Раскопки стоянки Толстова. — АО 1977 г. М., 1978, с. 521, 522; *Виноградов А. В., Мамедов Э. Д.* Первобытный Лявлякан..., с. 37.
- ¹⁹ *Толстов С. П.* Древний Хорезм, с. 61.
- ²⁰ *Виноградов А. В.* Неолитические памятники..., с. 70.
- ²¹ *Виноградов А. В., Мамедов Э. Д.* Первобытный Лявлякан..., с. 37.
- ²² *Виноградов А. В.* Раскопки стоянки Толстова, с. 521.
- ²³ *Гулямов Я. Г., Исламов У. И., Аскарров А. А.* Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зеравшана. Ташкент, 1966, с. 26.
- ²⁴ *Толстов С. П.* Древний Хорезм, с. 61.
- ²⁵ *Виноградов А. В.* Неолитические памятники..., рис. 25.
- ²⁶ *Виноградов А. В., Мамедов Э. Д.* Первобытный Лявлякан..., рис. 3.
- ²⁷ *Гулямов Я. Г., Исламов У. И., Аскарров А. А.* Первобытная культура..., с. 29, рис. 9.
- ²⁸ *Толстов С. П.* Древний Хорезм, с. 62.
- ²⁹ *Массон В. М.* Эволюция первобытных поселений Средней Азии. — УСА, 1972, 1, с. 7.
- ³⁰ История Сибири. Новосибирск, 1968, т. I, с. 97.
- ³¹ *Хлобыстин Л. П.* Проблемы социологии неолита Северной Евразии. — В кн.: Охотники, собиратели, рыболовы. Л., 1972, с. 29—33.
- ³² *Толстов С. П.* Древний Хорезм, с. 62; *Он же.* По следам..., с. 69.
- ³³ *Виноградов А. В.* Неолитические памятники..., с. 72.
- ³⁴ *Виноградов А. В., Мамедов Э. Д.* Первобытный Лявлякан..., с. 33.
- ³⁵ *Виноградов А. В.* Раскопки стоянки Толстова, с. 522.
- ³⁶ *Виноградов А. В.* Могильник Тумеккичиджик..., с. 521.
- ³⁷ *Виноградов А. В.* Раскопки стоянки Толстова, с. 525.
- ³⁸ История Казахской ССР. Алма-Ата, 1977, т. I, с. 98.

С. С. МИНЯЕВ

БРОНЗОВЫЕ ИЗДЕЛИЯ НОИН-УЛЫ (по результатам спектрального анализа)

Могильник сюнну (хунну) в горах Ноин-Ула (МНР) имеет мировую известность. Погребения сюннуской знати, раскопанные экспедицией П. К. Козлова в 1924—1925 гг., привлекли внимание многих исследователей, которые детально описали находки из ноинулинских курганов и дали им историческую оценку¹. Раскопки этого могильника продолжают в настоящее время монгольские археологи².

Княжеские погребения Ноин-Улы отличаются богатством и разнообразием найденных в них предметов. Шерстяные и шелковые ткани, деревянные и металлические изделия имеют большую научную и художественную ценность. Изучив эти находки, А. Н. Бернштам пришел к выводу, что большинство из них было «иноземным элементом» в культуре сюнну и попало к ним в качестве дани со стороны ханьского двора³. Но С. И. Руденко, не отрицая импортного характера ноинулин-

ских богатств, в том числе и бронз, считал, однако, что «бронзовые вещи как из ноинулинских курганов, так и из хуннских курганов Забайкалья весьма однородны по химическому составу» и что «нет пока оснований для выделения по химическому составу среди найденных в хуннских погребениях бронзовых вещей импортных...»⁴. Но выводы С. И. Руденко основаны, во-первых, на крайне незначительных данных (из нескольких сот бронзовых предметов проанализировано было лишь 16); во-вторых, серийные анализы сюннских бронз в то время не производились, поэтому делать какие-либо сопоставления было просто невозможно.

Массовые анализы бронзовых изделий из Ноин-Улы и других сюннских памятников стали производиться с 1969 г. по инициативе М. П. Грязнова в спектральной лаборатории ЛОИА. В результате этой работы получена новая информация для решения вопросов, связанных с медно-бронзовым производством в Забайкалье и соседних регионах.

Из курганов Ноин-Улы проанализированы все предметы из раскопок экспедиций П. К. Козлова 1924—1925 гг. и Г. И. Боровки 1926 г., хранящиеся в Государственном Эрмитаже (кроме нескольких, переданных в Монголию). Подверглись анализу 180 изделий. Среди них — шестилепестковые наверхия (33 экз.), четырехлепестковые наверхия (31), шаровидные наверхия (9), обломки котлов и сосудов (29), сбруйные пряжки (19), короткие плоские стержни (12), кольца (8), фигурки лошадей (6), втулки (7), «лировидные» пряжки (4), конские «палобники» (4), наосьники колесниц (3), жезлы — «палицы» (4) и несколько других предметов, назначение которых пока неясно. Рисунки и фотографии ноинулинских бронз опубликованы С. И. Руденко⁵.

Результаты анализов оказались следующими (рис. 1). Основное содержание важнейших примесей (в %): олово — 0,16—5, свинец — 0,61—20, мышьяк — 0,08—1,2, сурьма — 0,08—0,6, висмут — 0,02—0,15, никель — 0,02—0,15, кобальт — 0,005—0,019, железо — 0,005—2,5, серебро — 0,08—0,31, золото — 0,0025—0,039. Как видно, бронзы Ноин-Улы содержат в значительных количествах олово и свинец, в основном в целых процентах и даже десятках процентов. Очевидно, олово и свинец были легирующими, искусственно внесенными в сплавы элементами. Низкое содержание мышьяка (в 90% случаев его концентрация менее 1%) не позволяет считать его легирующим элементом. Видимо, он попал в сплавы непосредственно из руды.

Корреляционные графики показали отсутствие какой-либо связи между легирующими элементами и остальными примесями. Можно поэтому предположить, что набор примесей к меди Ноин-Улы отражает в значительной степени набор примесей к исходной руде (с поправкой на изменение концентраций микропримесей в процессе выплавки меди из руд). Поскольку распределение важнейших примесей (висмут, сурьма, никель, кобальт, серебро, золото) близко к нормальным, можно предположить, что сырье для выплавки ноинулинских изделий добывалось в одном источнике или группе геохимически единых источников.

Олово и свинец содержатся в сплавах в широких пределах. В связи с этим необходимо определить границу естественного и искусственного содержания этих элементов в сплавах. Исходя из характера распределения олова, можно предположить, что для этого элемента такая граница находится в интервале 0,61—1,2%. Характер распределения свинца не дает возможности установить искомую границу столь же определенно. На основании косвенных данных (корреляционные графики) эта граница определена также в интервале 0,61—1,2%. Таким образом, за границу естественного и искусственного содержания олова и свинца в сплавах Ноин-Улы принимается начало названного интервала, т. е. 0,61%. Пользуясь этим критерием, в рассматриваемых изделиях можно выделить четыре типа сплавов: 1) «чистая» (нелегированная) медь; 2) оловянистая бронза; 3) свинцовистая бронза; 4) оловянисто-свин-

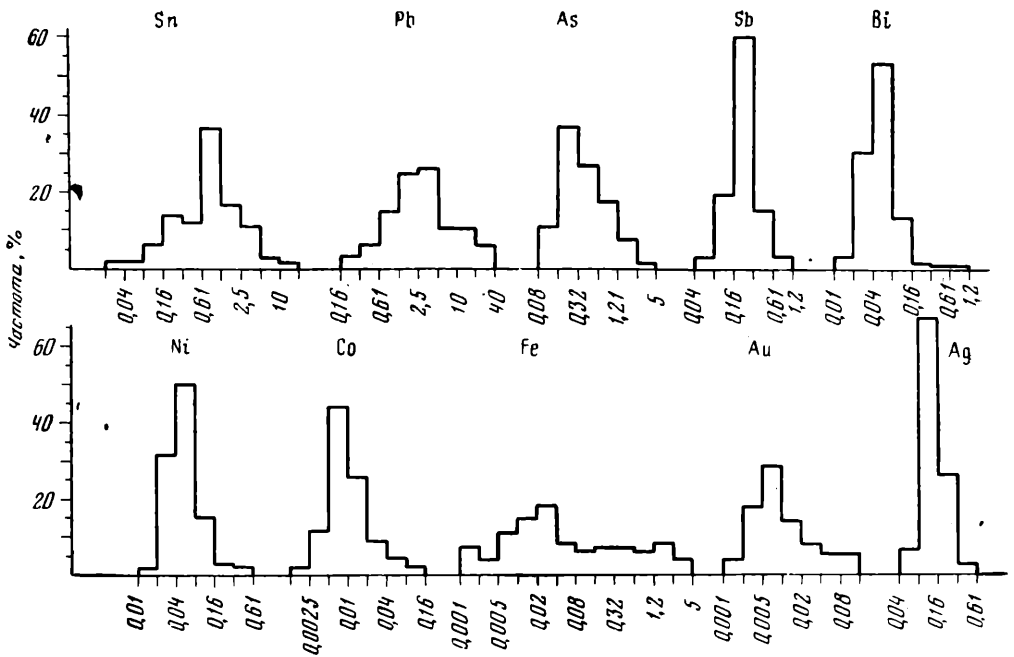

Рис. 1. Распределение концентраций микропримесей в бронзовых изделиях Ноин-Улы

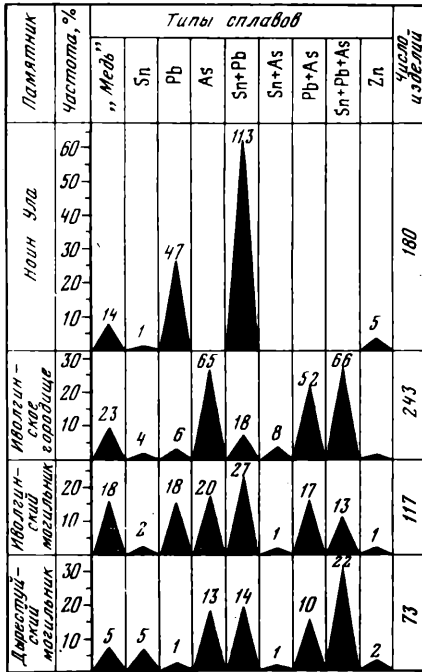

Рис. 2. Распределение бронзовых изделий по типам сплавов в Ноин-Уле и других сюннских памятниках

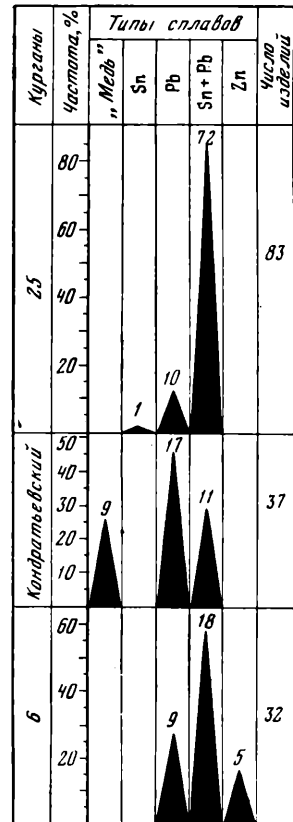

Рис. 3. Распределение бронзовых изделий по типам сплавов в курганах Ноин-Улы

Дано распределение в трех курганах, где найдено большинство изделий

цовистая бронза. Отдельно выделяется еще пять предметов, для которых основным легирующим компонентом является цинк.

На рис. 2 хорошо видно, что подавляющее большинство изделий (113, или 62,8%) изготовлено из оловянисто-свинцовой бронзы. К свинцовой бронзе отнесено 47 изделий (26%), остальные сплавы представлены единичными предметами. Естественно, большинство изделий, найденных в каждом кургане, также относится к оловянисто-свинцовым бронзам. По этой причине нет необходимости сопоставлять типы изделий и типы сплавов, так как большинство предметов независимо от их типа попадет в ту же категорию оловянисто-свинцовых бронз (рис. 3).

Использование стандартного металлургического рецепта при изготовлении ноинулинских изделий и предполагаемый единый источник руды позволяют считать, что большинство этих изделий изготовлено в одном металлургическом очаге.

Насколько химический состав ноинулинских бронз характерен для сюннских памятников Забайкалья и северной Монголии? Чтобы ответить на этот вопрос, привлекаются данные анализов бронз из хорошо известных памятников сюнну — Иволгинского городища и могильника и Дырестуйского могильника⁶. Эти памятники дают наиболее представительную выборку бронзовых изделий. Кроме того, остатки медно-бронзового производства, обнаруженные в жилищах Иволгинского городища, и своеобразие набора микропримесей к меди Дырестуйского могильника⁷ позволяют считать бронзовые изделия этих памятников продукцией местных, сюннских, металлургических центров.

Частотный анализ спектроаналитических данных показал, что легирующими элементами для бронзовых изделий названных выше памятников являются олово, свинец и мышьяк, и позволил определить границы искусственного ввода этих элементов в сплавы. Основываясь на этих данных, иволгинские и дырестуйские бронзы разделены на несколько типов сплавов, среди которых три основных: 1) мышьяковистые бронзы; 2) свинцово-мышьяковистые бронзы; 3) многокомпонентный сплав медь—олово—свинец—мышьяк. Эти типы сплавов отсутствуют среди бронз Ноин-Улы. В целом картина распределения изделий по типам сплавов принципиально различна для ноинулинских бронз и бронз из других сюннских памятников (рис. 2). Вероятность такого вывода, определенная с помощью критерия Пирсона (хи-квадрат), превышает 99%. Можно считать установленным, что химический состав бронз Ноин-Улы абсолютно не типичен по крайней мере для тех комплексов, где найдены бронзы собственно сюннского изготовления. Учитывая отличие химического состава ноинулинских бронз от сюннских и те аналогии бронзам Ноин-Улы, которые имеются в ханьских погребениях⁸, можно предположить, что бронзовые изделия, найденные в Ноин-Уле и отличные по своему типу от сюннских, изготовлены в одной из ханьских литейных мастерских. Затем вместе с другими предметами они попали к сюнну в качестве дани. Причины, обусловившие подношение такой дани, детально рассмотрел А. Н. Бернштам⁹. Необходимо подчеркнуть, что сделанный вывод относится только к богатым, княжеским захоронениям этого могильника. Состав бронз из рядовых ноинулинских погребений пока неизвестен.

Принципиальная разница в химическом составе импортных ноинулинских и собственно сюннских бронз еще раз показывает, что сюнну имели собственное независимое бронзолитейное производство. Это обстоятельство подтверждает необходимость пересмотреть вопрос об экономической структуре такого типично кочевого общества, каким долгое время считали общество сюнну¹⁰.

В сюннских памятниках найдены изделия и других металлургических центров. В пяти ноинулинских изделиях в качестве основного легирующего компонента отмечен цинк. Эти четыре лировидные пряжки и язычок одной из них найдены в шестом кургане Ноин-Улы¹¹. Тип

этих пряжек не имеет аналогий в других сюннуских памятниках. Такие пряжки хорошо известны в погребениях кочевников кушанского времени в северной Бактрии¹². Большинство изделий, найденных в этих погребениях, в том числе и лировидные пряжки, изготовлены из латуни и различных сплавов на медной основе, где ведущим легирующим компонентом является цинк. Латунь была одним из самых распространенных сплавов в Бактрии кушанского времени¹³. Очевидно, лировидные пряжки, обнаруженные в Ноин-Уле, изготовлены в одном из металлургических очагов на территории северной Бактрии. Единичные экземпляры бактрийских латуней обнаружены и в других сюннуских памятниках (рис. 2)¹⁴. Эти находки указывают на определенные связи между Забайкальем и северной Бактрией в кушанское время, однако характер и степень связей пока трудно установить ввиду недостатка материала.

¹ Бернштам А. Н. Гуннский могильник Ноин-Ула и его историко-археологическое значение. — Известия ООН, 1937, 4, с. 947; Руденко С. И. Культура хуннов и ноин-улинские курганы. М., 1962. В этих же работах см. сводку литературы по Ноин-Уле.

² Доржсурэн Ц. Раскопки могил хунну в горах Ноин-Ула на реке Хуни-Гол. — В кн.: Монгольский археологический сборник. М., 1962, с. 36—44.

³ Бернштам А. Н. Гуннский могильник... , с. 968.

⁴ Руденко С. И. Культура хуннов... , с. 60—62, 114.

⁵ Там же.

⁶ Давыдова А. В. Иволгинское городище — памятник хунну в Забайкалье. Автореф. канд. дис. Л., 1965; Сосновский Г. П. Дырестуйский могильник. — ПИДО, 1935, 1-2, с. 168—177.

⁷ Давыдова А. В. Иволгинское городище... , с. 15; Миняев С. С. Данные

анализов бронз из Дырестуйского могильника. — В кн.: Новейшие открытия советских археологов. Тезисы конференции. Киев, 1975, ч. II, с. 41, 42.

⁸ Trésors d'art chinois. Paris, 1973.

⁹ Бернштам А. Н. Гуннский могильник...

¹⁰ Давыдова А. В. Иволгинское городище... , с. 16.

¹¹ Руденко С. И. Культура хуннов... , табл. L, 2, 3.

¹² Мандельштам А. М. Кочевники на пути в Индию. М.; Л., 1966, табл. 44; Он же. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. Л., 1975, табл. 15, 33, 36.

¹³ Мандельштам А. М. Памятники кочевников... , с. 129.

¹⁴ Миняев С. С. Бактрийские латуни в сюннуских памятниках Забайкалья. — В кн.: Бактрийские древности. Л., 1976, с. 109, 110.

Э. В. САЙКО

РЕЖИМ ОБЖИГА В ПРАКТИКЕ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОНЧАРОВ ВОСТОКА

Режим обжига в реконструкции условий, выражающих уровень и характер технической организации древних производств, связанных с тепловой обработкой материала, является важнейшим моментом в изучении их исторического развития. Это прежде всего относится к металлообрабатывающему и керамическому производствам, играющим важную роль в силу их технического потенциала и практической значимости в экономической жизни древнего общества.

Разработка технологии использования огня в них представляет собой сложный процесс освоения специальных режимов и специализированных средств производства в тесной взаимосвязи и взаимообусловленности.

Разработка, освоение режима тепловой обработки материала с учетом его физико-химических свойств связаны с расширением и усложнением опыта мастеров и определялись в каждом конкретном случае производственными потребностями.

Особое значение в разработке технических условий и всей технологии обжига керамики имеет температурный режим в целом. Собственно

температура обжига при этом, хотя и не является единственным решающим фактором режима тепловой обработки (большое значение имеет временная выдержка наивысшей температуры, скорость ее подъема, среда и т. д.), тем не менее показательна для характеристики обжига и технической базы производства.

В настоящее время уже накоплен определенный объем знаний об особенностях обжига древних изделий, в частности и прежде всего о его температуре. При изучении организации обжига, выявлении возможной его температуры образцы древней керамики подвергались анализу на основе применения различных специальных методов исследования: петрографического, дифференциально-термического¹, измерения теплового расширения образца², рентгеновского дифракционного³, массбауэрской спектроскопии⁴ и т. д.

К сожалению, каждый из указанных методов обладает не только достоинствами, но и недостатками. Поэтому при изучении условий обжига древней и средневековой керамики Средней Азии нами была предпринята определенная попытка использования метода комплексного перекрестного анализа материала. В качестве главных выступили петрографический, дифференциально-термический, технические испытания (механической прочности, водопоглощения и реакции на повышение температуры, изменение среды и т. д.), экспериментальное моделирование. Для некоторых образцов дополнительно производился рентгеновский дифракционный анализ.

В основе всех используемых методов лежит исследование характера и степени физико-химических преобразований глиняной массы изделий. Известно, что при нагревании различного рода глиняных масс происходит процесс превращения их в искусственный силикат, сопровождающийся сложными преобразованиями минералов глиняной массы. Характер этих преобразований зависит от типа глин и условий их тепловой обработки, в частности температуры обжига.

При нагревании глиняных образцов происходит удаление гидратной и конституционной воды, выгорание органики, изменяется характер глинистой массы, происходит ее аморфизация, значительно изменяются минеральные примеси, преобразуются внешний вид, структура, механические свойства материала.

При визуальном наблюдении древней керамики наиболее показателен цвет черепка. В археологической практике при установлении и определении характера и степени обжига ровность окраски и красновато-оранжевый цвет черепка означает хороший его прожог. Однако окраска черепка обуславливается не только температурой, но и всем режимом обжига (выдержка, среда и т. д.), и химическим составом глиняной массы. Поэтому при использовании цвета в качестве показателя в характеристике обжига необходима в каждом случае конкретная специальная отработка методики так называемого цветового анализа, предполагающая исследование не только химического состава возможных в качестве древнего сырья глин и физико-химических свойств образцового черепка, но всех особенностей поведения их при различных режимах обжига. Показательны в плане характеристики степени обжига керамики ее прочность, водопоглощение. Однако в глиняной массе происходят и другие, более сложные преобразования, фиксируемые лишь специальными петрографическими, рентгеновскими и другого рода исследованиями. Так, значительные изменения претерпевает карбонат, который к температуре 850° в основном разлагается.

Изменяется слюдистый материал. В процессе обжига нарушается первичная структура слюды в результате потери гидроксильной группы. При температуре 970° образуется шпинель. В температурных пределах 1000—1100° претерпевает определенные изменения и кварцевый материал — зерна кварца пелитизируются, в ряде случаев появляется трещиноватость. В результате термических преобразований изменяется фа-

зовый состав глинистого материала. При температуре 800—840° появляется геленит, в температурном интервале 850—1000° образуется волластонит, около 1000° — муллит, 1000—1050° — анортит и т. д. Преобразуется и связующая глиняная масса. Глинистые частицы при обжиге частично перекристаллизуются в виде мелко столбчатых и чешуйчатых кристалликов. В массе черепка появляется стекловидная фаза. Многие из термических преобразований, происходящих в глиняной массе изделий, хорошо видны при исследовании прозрачного шлифа древней керамики под микроскопом (петрографический метод). Так, например, петрографическое исследование изменений в глиняной массе образца неполивного кувшинообразного сосуда из Хульбука (КП-140 1254А), изготовленного из лёссовидного суглинка, свидетельствует о том, что он был обожжен при довольно высокой температуре, не менее 1000—1100°. Карбонат здесь полностью обожжен, слюда нацело превращена в гидрослюда. Некоторые зерна плагиоклаза покрыты тонкой пленкой глинистых вторичных продуктов в виде пелита. В массе черепка отмечены субмикроскопические новообразования, хорошо фиксируются при большом увеличении кристаллы муллита.

Довольно высока, судя по данным петрографического анализа, температура обжига и другого изделия из Хульбука (КП-140/60), изготовленного также из лёссовидного суглинка. Как и в первом случае, карбонат здесь полностью обожжен, значительно изменен слюдястый материал, имеющий вид спутанных волокон. Биотит превращен во вторичный мусковит. Неокатанные зерна кварца сильно деформированы и имеют следы пелитизации. Предполагаемая температура обжига около 1000°.

Сравнительный анализ изменений глиняной массы при термической обработке, фиксируемых при петрографическом исследовании образцов керамики разных памятников разного времени, дает определенное представление о возможных температурах обжига конкретных образцов, температурном разбросе и наиболее характерных температурных интервалах его для разных изделий. Одновременно такой анализ позволяет представить картину изменения температурного режима во времени.

В настоящее время уже накоплены сведения о степени и характере обжига древних образцов на базе петрографического анализа, которые могут служить своего рода началом таких исследований.

Не менее эффективным средством исследования характера термических преобразований глиняной массы, происходящих при обжиге древних изделий, является дифференциальный термический анализ. Как уже отмечалось, при температурных нагрузках в глиняной массе изделий происходят значительные изменения. Превращения и новообразования сопровождаются поглощением (эндотермический — например, при удалении гидратной воды кристаллогидратов, диссоциации с выделением газообразной фазы и т. д.) или выделением (экзотермический — переход вещества из аморфного в кристаллическое состояние, реакции окисления) тепла, так называемыми термическими эффектами.

В практике технологов термический анализ широко используется как один из методов при определении минерального состава глин по характерным для тех или иных минералов термическим эффектам.

Группы глинообразующих минералов различаются по термограммам. И в глинах выделяются наиболее характерные по термическим эффектам группы минералов. Так, например, выраженный термический эффект имеют слюды, гидрослюды — 600—810°. Изменение в процессе термической нагрузки слюдястого материала сопровождается эффектами при температурах 530°, 950°, 1125°. Природа такого экзоэффекта, например в иллите, в пределах 920—950° объясняется образованием шпинели. В интервале 900 и 1000° крутой подъем линии указывает на происходящую внутри массы экзотермическую реакцию. Происходит две реакции: 1) превращение глинозема, 2) соединение глинозема с кремнеземом с образованием силлиманита или муллита.

Исходя из того, что при термической нагрузке в образце происходят превращения, многие из которых необратимы, было предположено, что пройденные при первоначальном обжиге образца термические реакции и термоэффекты при повторном нагревании образца в принципе не повторяются. Отсутствие таких эффектов при соответствующей температуре — свидетельство того, что эта температура была уже пройдена образцом. С другой стороны, новые эффекты — показатель непройденной температуры. В результате представляется возможным выделить температурный интервал обжига. Но здесь много осложняющих факторов, связанных прежде всего с условиями хранения образцов в земле, в результате чего происходят карбонизация образца, засорение пор органикой и другие превращения. Поэтому необходим строгий подход к оценке характера и условий появления таких эффектов. Так, нельзя, например, принимать во внимание термические эффекты, связанные с выделением влаги. Осторожности требуют эффекты, связанные с преобразованием карбоната, вторичного карбоната. Наличие такого карбоната определяется не только соответствующими термическими эффектами, но и петрографически. Такие вторичные карбонаты-наросы в виде игл чаще всего моноклинной сингонии карбонатного арагонита, расположенные перпендикулярно стенкам пор, хорошо просматриваются под микроскопом, например, в шлифах черепков хульбукских изделий.

Именно поэтому термический анализ должен быть дополнен другими способами определения температуры.

Термограммы образцов VI тысячелетия до н. э. из Ярымтепе I позволяют судить, например, как о возможных средних температурах обжига изделий — $750\text{--}800^\circ$ (хотя отмечаются колебания в сторону как более высокой, так и низкой температуры), так и о степени отработанности температурного режима обжига. Согласно термограммам образцов керамики эпохи бронзы южнотуркменистанского памятника Алтындепе, наиболее характерные температуры обжига здесь находятся в интервале $800\text{--}850^\circ$. Но и здесь достаточно часто отмечаются значительные отклонения. Для некоторых образцов изделий этого комплекса в качестве возможной может быть предложена температура до $1000\text{--}1050^\circ$. Для изделий Намазгадепе показательные температуры обжига в интервале $800\text{--}900^\circ$ (и тоже часты отклонения, в частности в сторону более высокой температуры 1000°).

Важные сведения о степени термических преобразований дает и рентгеновский дифракционный анализ. Он основан на изучении спектров рентгеновской дифракции, получаемых при облучении различных кристаллических веществ. Наличие или отсутствие тех или иных кристаллических фаз определяют не только характер минерального состава используемых глин, но и степень ее температурного преобразования. Особенно показательны для определения температуры обжига новые минеральные фазы, фиксируемые на рентгенограмме, такие, как геленит—анортит (температура образования $850\text{--}900^\circ$), анортит—геленит—волластонит ($950\text{--}1000^\circ$). На основании спектров рентгеновской дифракции пытался определить температуру обжига средиземноморской древней керамики Г. Пиренет, разработавший интересную методику определения древних температур. Использование рентгеновского дифракционного анализа при изучении температурных изменений в массе черепка ряда образцов керамики средневекового среднеазиатского памятника Хульбука, например, позволило нам на основании фиксации таких конкретных минеральных фаз, как геленит—анортит ($890\text{--}900^\circ$) в одних случаях, и анортит—геленит—волластонит ($950\text{--}1000^\circ$) — в других, предположить для группы глазурованных изделий с полихромной подглазурной росписью медным и железистым красителем температуру обжига $840\text{--}900^\circ$, для другой группы образцов глазурованной керамики и нескольких кувшинообразных сосудов — $950\text{--}1000^\circ$.

В археологической практике используются и другие методы определения возможной температуры обжига — метод измерения теплового

расширения образцов, массбауэрской спектроскопии. Смысл этого последнего метода заключается в «избирательном» поглощении энергии γ -квантов при прохождении через образец и регистрации этого поглощения в виде спектра. В качестве определяющего степень и характер обжига компонента выступают соединения железа, степень окисленности последнего, устанавливаемая по спектру и измеряемая γ -лучами, поглощенными ядрами железа.

Завоевание температур является, безусловно, одним из важнейших направлений прогресса в технологии обжига.

Как свидетельствуют данные конкретных исследований древнего керамического материала, подъем рабочей температуры был сложным и многопланово обусловленным процессом. И собственно повышение температуры выступает как самостоятельная цель в основном при освоении определенного рода керамической продукции (высококремнеземистых масс, тугоплавких щелочных, полевошпатовых глазурей), т. е. разработка новых технологических приемов. В принципе в качестве рабочей могут вполне успешно использоваться температуры 750—800°, достаточные для образования силикатного материала — черепка. Показательно, что уже для отдельных древнейших образцов керамических изделий отмечается порой довольно высокая температура обжига до 1000°, в то время как для средневековых изделий в период, когда были технически освоены температурный предел порядка 950—1000°, известны образцы, обожженные при температуре 850—900°. Фрагменты красноангобированных изделий первых веков до нашей эры могли иметь температуру обжига 750°. Одновременно другие образцы (например, некоторых амфорных сосудов с блестящим ангобом) обжигались, судя по характеру термических изменений глиняных масс, при температуре не ниже 1000°. Черноангобированные сосуды из Кобадияна первых веков до нашей эры обжигались в восстановительной среде, устанавливаемой в печи в период наибольшего подъема температуры, затем выдерживались при более низкой температуре. Предельная температура восстановительного обжига сохранялась недолго. Температура обжига исследуемых образцов такого рода колебалась в пределах 850—950°. Группа же изделий с серо-черным черепком из Дальверзина (Кашкадарья) имела, судя по характеру изменений глиняной массы черепка, в центре и на поверхности сравнительно равные изменения, вызванные довольно длительным сохранением восстановительной среды при температуре порядка 750—800°.

Определенная высота температуры, хотя это и очень важный показатель, выступала лишь одним из активных факторов прогресса технологии обжига. Усложнялся режим обжига в целом, увеличивались возможности его регулирования, появлялись различные усложненные варианты его и т. д. Таким образом, весь процесс обжига совершенствовался за счет появления специальных приемов, дифференциации их. И дифференциация, и специализация приемов, связанных с обжигом керамических изделий, выступали определяющим направлением прогресса технологии обжига. Именно поэтому изучать изменение температур в качестве показателя степени развитости технологии обжига можно лишь в связи с данными о степени разработанности режима и специальных приемов обжига, управляемости его, что в свою очередь является показателем общего технического уровня организации производства керамики.

¹ Сайко Э. В. Из опыта применения микроскопического метода исследования и изучения средневековой среднеазиатской керамики. — Изв. АН ТаджССР, 1960, 1 (22); Она же. История технологии керамического ремес-

ла Средней Азии VIII—XII вв. Душанбе, 1960; Tobler A. I. Excavation at Tepe Gawra. Philadelphia, 1939, II; Matson F. R. Technological Notes on the Pottery. — In: Toll N. The green Glazed Pottery. The Excavations at

Dura-Europas. — Final report 4, part 1. London, 1943.

² *Perinet G.* Contribution de la diffraction des rayons X raj. L'évaluation de la température de cuisson d'une céramique. — Transactions 7 th. International Ceramic Congress. London, 1960.

³ *Tite N.* Methods of Physical Examination in Archaeology. London; N. Y., 1972.

⁴ *Coisins D., Dharmavardena K.* Use of Mössbauer Spectroscopy in the Study of ancient Pottery. — Nature, 1969, v. 223.

Д. Ф. ВИННИК, Е. Е. КУЗЬМИНА

ВТОРОЙ КАРАКОЛЬСКИЙ КЛАД КИРГИЗИИ

В 1976 г. на юго-восточном берегу оз. Иссык-куль около с. Каракол был обнаружен клад, содержащий пять бронзовых кинжалов (хранятся в Музее истории Киргизской ССР). Место находки было доследовано Д. Ф. Винником, установившим, что вещи найдены на площади небольшого зольника, не содержавшего никаких других культурных остатков. Следует отметить, что в 1884 г. проф. Н. В. Соколовым был приобретен I Каракольский клад, содержащий долото, два тесла и нож, относящиеся к периоду поздней бронзы¹. Неподалеку от с. Каракол тянутся цепочки курганов².

Кинжалы II Каракольского клада имеют длинный вытянуто-листовидный клинок с ребром посредине; уступ-упор отделяет от основания лезвие литую рукоять, завершающуюся фигуркой животного (рис.). По форме рукояти кинжалы делятся на два типа: I — с желобчатой сложнопрофилированной сплошной рукоятью (3 экз.); II — с овальной в сечении полый внутри рукоятью, утолщенной горизонтальными валиками (2 экз.). По деталям оформления рукоятей кинжалы подразделяются на подтипы.

Кинжал 1 (подтип IA): длина клинка 29,5 см, наибольшая ширина — 5 см, сечение вытянуто-ромбовидное. Рукоять тавровидного сечения отделена валиком, переходящим у основания лезвия в выкружки. По краям на рукояти — литейные швы, следовательно, вещь отлита в двусторонней литейной форме. От венчавшей рукоять литой фигуры животного сохранились только обломки двух ног. Изображение было плоским профильным. Лезвие по краям обломано и зазубрено.

Кинжал 2 (тот же подтип): сохранившаяся длина обломанного на конце клинка 26 см, максимальная ширина — более 4,5 см. Рукоять отделена прямым валиком. На рукояти три отверстия неправильной формы — литейный брак. Одна сторона рукояти плоская, на другой — выпуклый литой орнамент в виде вертикального зигзага между валиками. Фигурка животного обломана, сохранились нижние части ног. Изображение было плоским профильным. Лезвие с боков выщерблено и зазубрено.

Кинжал 3 (подтип IB): длина слегка обломанного на конце клинка 27 см, ширина — 4,9 см, сечение ромбовидное. Лезвие отделено прямым валиком от прямоугольной сложнопрофилированной рукояти с четырьмя вертикальными валиками. Отливка производилась в двусоставной литейной форме. В углу рукояти отверстие неправильной формы — литейный брак. Рукоять увенчана плоской цельнолитой фигурой лошади с опущенной большой головой, густой гривой, массивным крупом, широким и длинным хвостом, толстыми ногами (изображены одна передняя и одна задняя).

Кинжал 4 (тип II): длина обломанного на конце клинка 25,1 см, ширина — 5,2 см. Клинок с одной стороны отделен от рукояти прямым валиком, переходящим по основанию лезвия в выкружки. С другой стороны утолщенная рукоять отделяется выкружкой у основания лезвия.

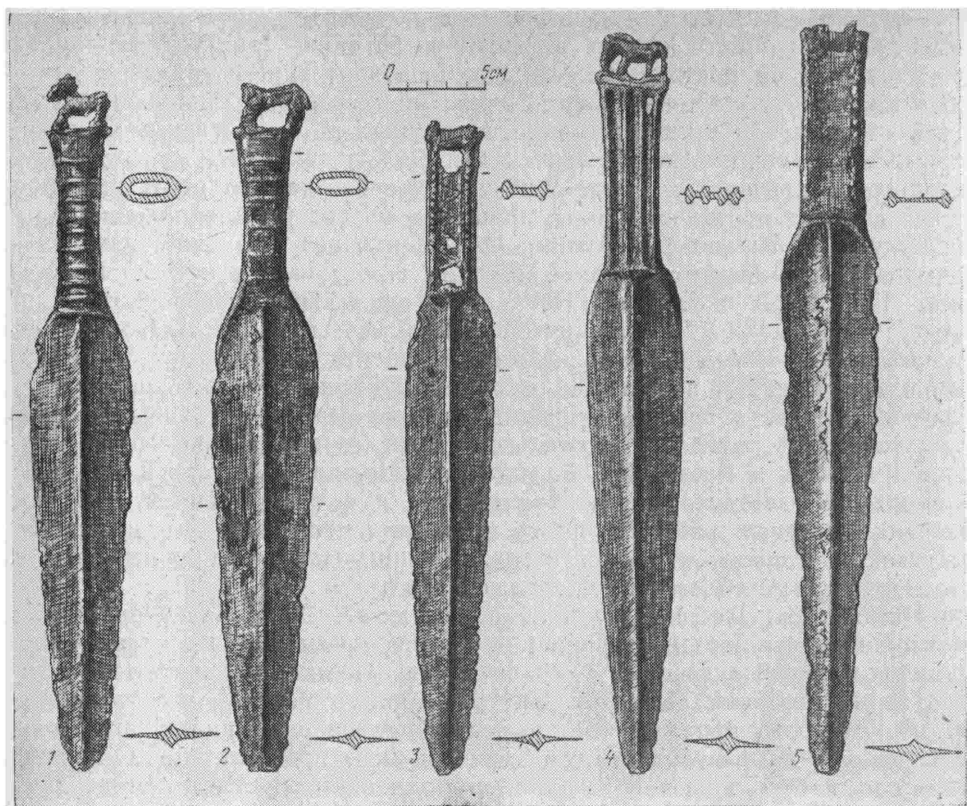

Рис. Бронзовые кинжалы II Каракольского клада

Рукоять овального сечения, полая внутри, с литейными швами по бокам, отлита в двустворчатой матрице. С одной стороны рукоять гладкая, на ней имеется два отверстия неправильной формы — литейный брак; с другой стороны рукоять ребристая, с шестью горизонтальными валиками. Сверху — площадка, увенчанная фигурой животного с обломанной головой и двумя ногами в профиль, круп массивный, хвост пышный, но не длинный. Судя по экстерьеру, это, видимо, лошадь.

Кинжал 5 (тот же тип): длина лезвия 24,2 см, ширина — 5 см, толщина в центре на месте подчеркнутого ребра — 1,2 см (ребро по одной стороне слегка смещено от центра). Лезвие с одной стороны отделено от утолщенной рукояти прямым валиком, с другой — валиком, переходящим в выкружки у основания клинка. Рукоять с двумя отверстиями от литейного брака, с обеих сторон ребристая, с девятью горизонтальными валиками, завершается расширяющейся прямоугольной площадкой, на которой помещена объемная фигурка горного барана с четырьмя отдельными ногами, свисающим животом и закругленными рогами. Лезвие местами выщерблено и зазубрено.

Хотя все пять кинжалов Каракольского клада отлиты в разных литейных матрицах, по размерам, деталям оформления клинков, фигуркам животных, технологическим приемам и даже ошибкам при заливке форм они настолько близки друг другу, что оставляют впечатление продукции одного мастера. Точные аналогии ни одному из каракольских кинжалов нам неизвестны. Однако детали их формы, особенности оформления рукоятей имеют много соответствий в ножах и кинжалах периода поздней бронзы азиатских степей и предгорий.

Что касается литых изображений животных на навершиях каракольских кинжалов, то зооморфные изображения (чаще — головки животных) изредка встречаются на рукоятях ножей и кинжалов карасукской

культуры³. Еще ближе к каракольским фигуры стоящих животных на выгнутообушковых ножах из могильников Турбино (три горных барана с закрученными рогами), Сеймы (две лошади с густой гривой и длинным хвостом) и Ростовки (аналогичная по экстерьеру лошадь и держащий ее за повод лыжник)⁴. Эти ножи принято связывать с карасукскими⁵. Однако по деталям формы они близки не столько карасукским, сколько семиреченским и восточноказахстанским экземплярам, особенно ножу с двумя противостоящими лошадьми на навершии, найденному на р. Джунба в Калбинском хребте. С. С. Черников уже сопоставлял образы лошадей на этих ножах с жезлами с головками коней из Восточного Казахстана и Омска⁶. Очень выразительный экстерьер этих лошадок с большой головой, густой гривой, слегка обвислым животом, толстыми короткими ногами и длинным хвостом не оставляет сомнения, что все они, как и лошадка каракольского кинжала, принадлежат киргизской породе, к которой восходят современные породы лошадей монгольского вида. Ареал ее охватывает сейчас горные и предгорные районы Киргизии и Восточного Казахстана⁷. По-видимому, такой же была территория распространения этой породы и в эпоху бронзы, так как в более западных районах среди огромного остеологического материала киргизская лошадь не представлена. Там господствовали тяжеловозы и высокопородные средне- и тонконогие кони⁸.

Касаясь фигурок баранов турбинского ножа, О. Н. Бадер правильно подчеркнул, что это дикие бараны — аргали, ареал которых также охватывает восточные районы Средней Азии, Казахстана и Алтай⁹. На кельте из Ростовки помещена фигурка горного козла¹⁰, что заставило М. Ф. Косарева признать кельт продукцией южного (алтайского) производства¹¹. Таким образом, тип ножей и виды представленных на них, как и на кельте, животных характерны для областей Алтая, Восточного Казахстана и Семиречья, что побуждает искать вероятный центр их производства именно в этой зоне.

Нашему выводу не противоречит состав одной из групп металла могильников: это высокооловянистые бронзы, сходные по своему составу, — I сейминско-турбинская группа¹², имеющая по Е. Н. Черных, вероятно, восточную рудную базу. Набор микропримесей сейминского ножа (I группа), содержащего примеси свинца, висмута, серебра, мышьяка, железа и никеля, соответствует составу бронз Семиреченского металлургического очага по набору микропримесей, характерному для полиметаллических рудопроявлений Семиречья¹³. В этой области известны и залежи касситерита, которые могли служить источником олова сейминских бронз.

Наконец, в сейминских комплексах найдены вещи из нефрита, который обычно считают байкальским. Однако богатейшие месторождения нефрита находились в Восточном Туркестане, а также на Тянь-Шане и на Памире, и отсюда он в историческую эпоху экспортировался в Китай¹⁴. Залежи нефрита приурочены к месторождениям лазурита, который бесспорно добывался в эпоху бронзы. Таким образом, и нефритовые предметы сейминско-турбинских комплексов могут быть импортом не из Забайкалья, а из Средней Азии. Это тем более вероятно, что по форме нефритовые бусы, как и бирюзовые и белые пастовые из Ростовки, совершенно аналогичны бусам, распространенным в эпоху бронзы в Среднеазиатском междуречье¹⁵, где локализуются и месторождения бирюзы¹⁶.

Этот длинный экскурс понадобился для того, чтобы показать, что ножи с фигурками животных Сеймы, Турбина и Ростовки имеют не просто «восточное» происхождение, а, весьма вероятно, изготовлены в среднеазиатско-восточноказахстанском регионе¹⁷, откуда могут происходить и некоторые другие вещи комплексов.

Приведенные сопоставления с сейминско-турбинскими ножами, очень важные для установления возможного генезиса наверший каракольских кинжалов, не имеют, однако, значения для определения их даты. Для

датировки каракольских кинжалов необходимо проанализировать их форму.

Длинные клинки с ребром каракольских кинжалов не находят прямых аналогий в Семиречье, но очень специфичная деталь — укрепление верхнего края лезвия при переходе к рукояти уступом с выкружками — характерна также для кинжалов Сукулукского, Шамшинского и Турк-сибского кладов¹⁸. Вне территории семиреченского металлургического очага известен один такой кинжал в могильнике Бегазы¹⁹, определяющий дату типа периодом поздней бронзы. Еще ближе по форме вытянутого клинка с ребром и выкружками два узкочерешковых кинжала из бывш. Барнаульского округа и аналогичный им из Тюменской обл. (Варваринские юрты на Тоболе)²⁰.

Цельнолитые желобчатые тавровидного сечения рукояти кинжалов 1 и 2 подтипа IA встречаются многочисленными аналогиями. В Семиречье такой тип рукояти имеют однолезвийные ножи из с. Преображенское на Иссык-куле и из комплекса разрушенного и доследованного А. Абетековым погребения у с. Воронцовка, содержавшего лощеный сосуд с раздутыми боками и ребром, типичный для памятников карасукского и бегазы-дан-дыбаевского типов²¹, что определяет дату комплекса периодом поздней бронзы. Ножи, отлитые в односторонней форме и имеющие валик по одной стороне рукояти, известны в составе кладов в с. Садовое и Турксиб, относящихся к периоду поздней бронзы, и с оз. Иссык-куль²². Такое же тавровидное сечение рукояти у многих ножей из Восточного и Северного Казахстана. Среди них особенно интересны экземпляры из комплексов поселений, содержащих керамику с налепными валиками, типичную для культуры Казахстана финальной бронзы (Степняк)²³. На ножах этого типа Семиречья и Казахстана обычен и литой орнамент на рукояти в виде «елки» (Садовое, Воронцовка).

«Елочным» или зигзаговидным орнаментом, как у каракольского кинжала 2, часто украшены желобчатые сложнопрофилированные рукояти ножей и кинжалов самых разнообразных типов еловско-ирменских и карасукских памятников в Сибири²⁴. Особенно интересны кинжалы из Минусинской котловины. У них — клинок с ребром и валик, отделяющий рукоять, как у каракольских кинжалов, нет типичного для сибирских кинжалов выступающего перекрестия-гарды, но имеется классическое карасукское шляпковидное навершие²⁵. В том же ареале известно и оформление рукояти разнотипных ножей и кинжалов вертикальными валиками²⁶, как у каракольского кинжала 3 (подтип IB).

Наконец, изредка встречаются карасукские ножи и кинжалы с литой, овальной в сечении, полой внутри рукоятью²⁷, как у каракольских кинжалов типа II. Орнамент анализируемых кинжалов типа II — литые горизонтальные валики — обычен для сибирских ножей и кинжалов карасукского времени²⁸. Он представлен на одном экземпляре со втульчатой рукоятью, особенно близком каракольским, но с открытой сверху втульчатой рукоятью. Ю. С. Гришин отмечает, что подобные кинжалы отливались в двусоставной литевой форме с применением сердечника — вставки для образования полости. Для закрепления сердечника использовались выступы-упоры²⁹. Тем же способом, видимо, отлиты два каракольских кинжала типа II. Пары отверстий на оборотной стороне их рукоятей, вероятно, являются следами закрепления упоров сердечника. Этот технологический прием характерен для самого конца эпохи бронзы — позднекарасукского и карасук-тагарского времени, что служит решающим указанием на вероятную дату изготовления каракольских кинжалов типа II, а следовательно, и всегоклада. Другие рассмотренные детали формы каракольских кинжалов, находящие аналогии в комплексах финальной бронзы, не противоречат датировкеклада началом I тысячелетия до н. э.

Каков генезис каракольских кинжалов? Представляется вероятным, что их типы сложились в Киргизии как комбинация клинков специфичных для Семиречья в период поздней бронзы черешковых кинжалов

с выкружками у основания лезвия (турксибского типа) и сложнопрофилированных орнаментированных рукоятей однолезвийных ножей с зооморфным навершием, распространенных как в Киргизии, так и в сопредельных областях азиатских гор и предгорий. Если в Западной Сибири обычно изображали на навершии голову животного, то в Киргизии, судя по каракольским кинжалам, на протяжении всей эпохи бронзы сохранялась традиция украшения ножей фигурами животных, восходящая к сейминско-турбинскому времени.

В раннесакскую эпоху кинжалы этих типов были вытеснены акинаками. Однако в оформлении рукоятей последних отчетливо прослеживается преемственность с каракольскими. Желобчатые тавровидного сечения или с вертикальными валиками рукояти, как у каракольских кинжалов типа I, обычны для сакских акинаков; известны они и на кинжалах как в Сибири, так и в западных областях, вплоть до Украины³⁰. Распространение кинжалов этого типа на Кавказе и на Украине исследователи относят к раннескифской эпохе. А. И. Тереножкин связывает его с влиянием из Центральной Азии и Сибири³¹. Орнаментация рукояти горизонтальными валиками, как на каракольских кинжалах типа II, также сохраняется на акинаках Семиречья — например, на экземпляре, случайно найденном на дне оз. Иссык-куль.

В Западной Сибири в тагарскую эпоху представлен и тип кинжала с полостью внутри овальной в сечении рукоятью, как у каракольских кинжалов типа II. Эти кинжалы, так же как и экземпляры с навершиями в виде фигурки стоящего животного, Н. Л. Членова датирует VI в. до н. э. и связывает по происхождению с карасукскими³². Время распространения раннескифских и раннетагарских типов кинжалов в Евразии служит terminus ante quem даты Каракольскогоклада.

Что касается изображений коня и барана на навершиях каракольских кинжалов, то они, видимо, могут быть связаны с популярностью этих животных в мифологии и фольклоре населения Средней Азии в эпоху бронзы и раннего железа³³, что подтверждается и господством образов коня и барана на петроглифах Киргизии, в том числе в Иссык-кульской котловине³⁴.

¹ Кузьмина Е. Е. Клад эпохи бронзы из Каракола. — КСИА, 1968, 114.

² Иванов П. П. Материалы по археологии котловины Иссыккуля. — ТИИ АН КиргССР, 1957, III, рис. 1; Винник Д. Ф. Археологические памятники Иссыккульской котловины. — Известия Киргизского географического общества, Фрунзе, 1975, 12, с. 44 сл.

³ Артамонов М. И. Сокровища саков. М., 1973, с. 86, рис. 111а, б; Хлобыстина М. Д. Бронзовые ножи Минусинского края и некоторые вопросы развития карасукской культуры. Л., 1962, табл. 2; Членова Н. Л. Карасукские кинжалы. М., 1976, табл. II; Она же. Хронология памятников карасукской эпохи. М., 1972, с. 47, 48, табл. 9; Новгородова Э. А. Центральная Азия и карасукская проблема. М., 1970, рис. 30; 36А, 7—9; Гришин Ю. С. Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы. — САИ, 1971, вып. В3-12, табл. 5, 13.

⁴ Бадер О. Н. Древнейшие металлурги Приуралья. М., 1964, рис. 113; Она же. Бассейн Оки в эпоху бронзы. М., 1970, рис. 52; Она же. Бронзовый нож из Сеймы с лошады на навершии. — КСИА, 1971, 127, с. 98—103, рис. 44; Магюченко В. И., Ложникова Г. В. Раскопки могильника у д. Ростовка

близ Омска в 1966—1969 гг. — В кн.: Из истории Сибири. Томск, 1969, 2, с. 22.

⁵ Артамонов М. И. Сокровища саков, с. 86.

⁶ Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. — МИА, 1960, 88, с. 85, 86, табл. LXIV, 5.

⁷ Предположение, что на ножах изображена дикая лошадь Пржевальского или кулан, опровергается изображением узды на лошадах Сеймы и Ростовки (Бадер О. Н. Бронзовый нож... , с. 101, рис. 45).

⁸ Цалкин В. И. Фауна из раскопок андроновских памятников в Приуралье. — В кн.: Основные проблемы териологии. М., 1972.

⁹ Бадер О. Н. Бронзовый нож... , с. 100.

¹⁰ Магюченко В. И., Ложникова Г. В. Раскопки могильника... , табл. VI, тип II.

¹¹ Косарев М. Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М., 1974, с. 115.

¹² Черных Е. Н. Спектроаналитическое изучение металла Сеймы и Турбина. — В кн.: О. Н. Бадер. Бассейн Оки в эпоху бронзы. М., 1970, с. 155—173, табл. III, 5.

¹³ Кузьмина Е. Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века

- в Средней Азии. — САИ, 1966, вып. В4-9, с. 98, 109.
- ¹⁴ *Ал-Бируни*. Минералогия. Перев. и коммент. А. М. Беленицкого. Л., 1963, с. 184—186, 466.
- ¹⁵ *Кузьмина Е. Е.* Могильник Заман-Баба. — СЭ, 1958, № 2, с. 30, 31.
- ¹⁶ *Виноградов А. В., Лопатин С. В., Мамедов Э. Д.* Кызылкумская бирюза. — СЭ, 1965, № 2.
- ¹⁷ Сама идея и сложная техника отливки скульптур животных в составных формах могли быть восприняты сейминско-турбинскими металлургами только в Средней Азии, где была многовековая традиция фигурного литья (*Кузьмина Е. Е.* Металлические изделия..., с. 80—82; *Сарианиди В. И.* Древние земледельцы Афганистана. М., 1977, рис. 43—47). Самый восточный пункт предметов фигурного и ажурного литья — Хак в соседней с Киргизией Фергане.
- ¹⁸ *Кузьмина Е. Е.* Металлические изделия..., с. 52, табл. VIII, 13, 16; *Кузьмина Е. Е., Кожомбердыев И.* Шамшинский клад эпохи поздней бронзы в Киргизии. — СА, 1980, № 4, с. 146, рис. 1, 20.
- ¹⁹ *Маргулан А. Х.* Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1979, с. 78, рис. 47.
- ²⁰ *Гришин Ю. С.* Металлические изделия..., с. 15, 16, 44, 47, табл. 6; 9; *Матющенко В. И.* Андроновская культура на верхней Оби. — В кн.: Из истории Сибири. Томск, 1973, 11, с. 15, 16, рис. 2, 3, 4.
- ²¹ *Кузьмина Е. Е.* Металлические изделия..., с. 48, табл. X, 20.
- ²² *Кузьмина Е. Е.* Хронология группы кладов Семиречья. — В кн.: Новое в советской археологии. М., 1965; *Она же.* Металлические изделия..., табл. X, 18, 19.
- ²³ *Черников С. С.* Восточный Казахстан..., табл. LXIV, 4, 5; LXXVIIб, 1, 3.
- ²⁴ *Хлобыстина М. Д.* Бронзовые ножи..., рис. 1, 8; 4, 1, 3, 5; *Членова Н. Л.* Хронология..., табл. 1—7; 10, 24; *Она же.* Карасукские кинжалы, табл. II; *Она же.* Датировка ирменской культуры. — В кн.: Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970, табл. I; *Гришин Ю. С.* Металлические изделия..., разные табл. (сечения не указаны), орнамент — табл. 16, 12, 15, 49; *Новгородова Э. А.* Центральная Азия и карасукская проблема, рис. 23; *Киселев С. В.* Монголия в древности. — ИАН СССР, СИФ, 1947, т. IV, № 4, рис. 2; *Магющенко В. И.* Андроновская культура..., рис. 22.
- ²⁵ *Гришин Ю. С.* Металлические изделия..., с. 16, табл. 7, 3.
- ²⁶ *Черников С. С.* Восточный Казахстан..., табл. LXV, 1 (Алтай); *Хлобы-*
- стина М. Д.* Бронзовые ножи..., рис. 3, 1; 4, 4, 7; *Членова Н. Л.* Хронология..., табл. 2, 13; 3, 7; 17, 26; 44, 10, 37; *Она же.* Карасукские кинжалы, табл. 11; *Гришин Ю. С.* Металлические изделия..., табл. 3, 16; 16, 4, 38, 60; *Новгородова Э. А.* Центральная Азия и карасукская проблема, рис. 17, 23; 19, 21; 23, 9; 36, 18, 25.
- ²⁷ *Гришин Ю. С.* Металлические изделия..., с. 12, 15—17, табл. 2, 20; 7, 8—10; *Он же.* Производство в тагарскую эпоху. — МИА, 1960, 90, с. 153, 154.
- ²⁸ *Членова Н. Л.* Хронология..., табл. 1, 11; 4, 17, 18; 5, 12, 13; 6, 17; *Новгородова Э. А.* Центральная Азия и карасукская проблема, рис. 23Б, 23, 24; 37, 27, 29; *Гришин Ю. С.* Металлические изделия..., табл. 7, 8; 16, 1, 36, 67, 70—72.
- ²⁹ *Гришин Ю. С.* Металлические изделия..., с. 17, табл. 7, 8.
- ³⁰ См., например: *История Киргизской ССР*. Фрунзе, 1968, т. I, рис. на с. 72; *Грязнов М. П.* Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников. — КСИА, 1958, 61, рис. 3, 7; *Акишев К. А., Кушаев Г. А.* Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1956, рис. 85; *Членова Н. Л.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967, табл. 3, 20; 4, 1—4; *Збруева А. В.* О датировке акинака из Луговского могильника. — КСИИМК, 1947, XV, рис. 76; *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М., 1964, рис. 8, 3д; *Артамонов М. И.* Сокровища саков, рис. 119, 145.
- ³¹ *Членова Н. Л.* Происхождение..., с. 14, 16, табл. 3, 22, 23; *Тереножкин А. И.* Киммерийские мечи и кинжалы. — В кн.: Скифский мир. Киев, 1975, с. 30, рис. 20, 1—3, 7; 21, 11; *Он же.* Киммерийцы. Киев, 1976, рис. 79.
- ³² *Членова Н. Л.* Происхождение..., с. 16.
- ³³ *Беленицкий А. М.* Хутталевская лошадь в легенде и историческом предании. — СЭ, 1948, № 4; *Бернштам А. Н.* Араванские наскальные изображения и даванская (ферганская) столица Эрши. — СЭ, 1948, № 4; *Литвинский Б. А.* Кангюйско-сарматский фарн. Душанбе, 1968; *Он же.* Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972; *Кузьмина Е. Е.* Распространение коневодства и культя коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света. — В кн.: Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977; *Она же.* Конь в религии и искусстве саков и скифов. — В кн.: Скифы и сарматы. М., 1977.
- ³⁴ *Винник Д. Ф., Помаскина Г. А.* К вопросу датировке наскальных изображений Прииссыккуля. — В кн.: Археологические памятники Прииссыккуля. Фрунзе, 1975, с. 87—101.

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ф. Х. АРСЛАНОВА

СЛУЧАЙНАЯ НАХОДКА БРОНЗОВЫХ ВЕЩЕЙ
В СЕМИПАЛАТИНСКОМ ПРИИРТЫШЬЕ

Данное сообщение посвящено публикации новых археологических материалов V в. до н. э., случайно найденных геологом В. И. Титовым в 12 км к северо-востоку от станции Уш-биик Жарминского р-на Семипалатинской обл. на скальных обнажениях гранита. Комплекс включает предметы конского сбруйного убора и наконечники стрел.

От узды сохранился обломок бронзовых однокольчатых удил с двудырчатыми псалиями (рис., 22). Этот тип удил имел широкое территориальное (от Ирана до Монголии) и хронологическое распространение, что затрудняет точную их датировку. Утвердилось мнение, что смена устройства узды в евразийских степях началась в конце VI в. до н. э.¹ Однако, как показывают археологические исследования последних лет, эта смена в разных районах происходила в разное время. Так, однокольчатые удила, найденные на поселении Дальверзин и датированные концом II — началом I тысячелетия до н. э.², а также литейная форма из древнего Хорезма VIII в. до н. э.³ свидетельствуют о более раннем появлении этой формы удил на юге нашей страны. Материалы кургана Аржан VIII—VII вв. до н. э.⁴, где также были встречены подобные удила, отодвигают вглубь дату их появления в Туве. Ушбиикский образец следует датировать временем не ранее V в. до н. э., так как найденные вместе двудырчатые псалии получают повсеместное распространение лишь с этого времени⁵.

Бронзовые псалии дошли до нас в поврежденном виде (один — в обломках, от другого сохранились лишь концы). На плоском стержне имеются два боковых поперечных отверстия, образующих округлые утолщения. Место между отверстиями сильно потерто петлями удил. Слегка расширяющиеся концы отлиты в виде стилизованных голов птицы. Своеобразно использованы комбинации элементов «запятой» и «листа» — излюбленных декоративных мотивов у соседних племен Алтая⁶. Четырьмя рельефными листовидными выступами обозначены нижняя часть головы, надклювье и гребень. На прииртышских псалиях выпуклой продольной линией (в виде «запятой») разделен изогнутый клюв и отмечен глаз. Несмотря на условную трактовку, совершенно ясно, что в основу изображения положен образ хищной птицы с гребнем, или орлиноподобного грифона, широко распространенный в скифо-сибирском искусстве⁷. Прямые аналогии изображению птицы в подобной трактовке нам неизвестны. Наиболее близка случайная находка в Алма-Ате⁸.

Образцы, исполненные в условной манере «растительного типа», в большом числе встречены в памятниках Алтая⁹, Казахстана¹⁰ и Кавказа¹¹. Н. Л. Членова склонна эту манеру изображения искусства выделить в особый — «алтайский» — стиль¹². Можно предположить, что основой сюжета для ушбиикских псалий послужил распространенный на Алтае образ птицы с гребнем, выполненный в круглой скульптуре. Сюжет орла был излюбленным мотивом в прикладном искусстве местных

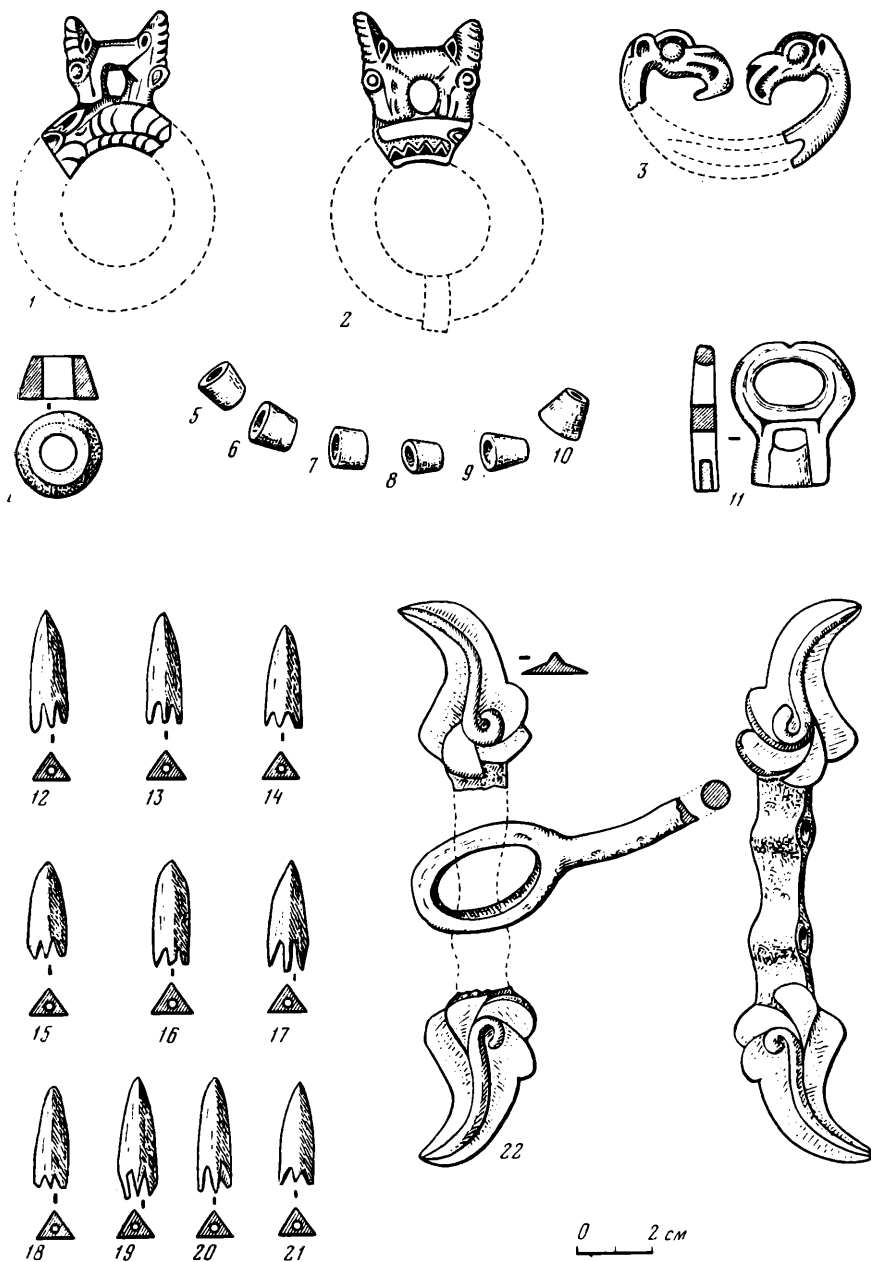

Рис. Бронзовые вещи

1, 2 — торчатые пряжки; 3 — обломки полуовальной бляхи; 4—10 — ворворки; 11 — пряжка; 12—21 — наконечники стрел; 22 — обломок удил с псалями

племен еще в предшествующий период. Оригинальная и реалистическая манера изображения орлов характерна для чиликтинских племен VII—VI вв. до н. э. В дальнейшем развитии искусства прииртышских племен можно наблюдать намечаемый переход от реалистического изображения к орнаментальному, как это было присуще и искусству соседних племен¹³. Культ орла в Прииртышье существовал на протяжении многих

столетий. Смысловая нагрузка этого образа, очевидно, соответствовала представлениям скифо-сибирских племен¹⁴.

К конскому уздечному набору относится также бронзовая пряжка овальной формы с выступающей четырехугольной рамкой (рис., 11). По краю пряжки проходит бортик, образованный неглубоким желобком. Судя по сохранившимся литейным швам внутри овальной петли, пряжка отливалась в двусторчатой литейной форме. Такие миниатюрные пряжки в конской узде горноалтайцев (VI в. до н. э.)¹⁵ и савроматов (VI—V вв. до н. э.)¹⁶ были чумбурными. По мнению С. И. Руденко, чумбур был позднейшим усовершенствованием узды коневодов евразийских степей, но широко использовался у савроматов (вплоть до IV в. до н. э.)¹⁷ и саков (VII—VI вв. до н. э.)¹⁸. В отличие от савроматских и горноалтайских находок, на ушбиикской пряжке нет выступов. Исходя из аналогий, она может быть датирована, как и удила с псалиями, V в. до н. э.

Принадлежностью конской узды являются также семь конических ворворок с цилиндрическим отверстием (рис., 4—10). Одна из них (рис., 4) выделяется относительно большими размерами: высота 11,5 мм, диаметр основания 21 мм, верхний диаметр 16 мм. Остальные шесть в основном одинаковы: высота от 8,5 до 9 мм, диаметр основания 12—12,5 мм, верхний диаметр от 8,5 до 9 мм. Ворворки подобной формы использовались для крепления узла ремня и как украшения. Они имели широкое территориальное распространение и преобладают в комплексах VII—VI вв. до н. э.¹⁹

Вместе с конским убором найдены фрагменты от двух торочных пряжек и обломки бляхи.

Особый интерес представляют две бронзовые объемные головы хищной птицы, обращенные клювами друг к другу, завершавшие, по-видимому, полуовальную бляху с отверстием в центре (рис., 3). В скульптурных изображениях головок птиц подчеркнут характерный, круто загнутый с восковицей клюв, разделенный углублением в виде «запятой» на две части. Глаз показан в виде округлой выпуклости (зрачок), окруженной желобком и валиком. Уши переданы овальными углублениями.

Подобные изображения «ушастых» грифонов, исполненные в круглой скульптуре, были широко распространены на Алтае²⁰ и в Минусинской котловине²¹, где они увенчивали навершия кинжалов, украшали конскую сбрую. Однако, в отличие от ушбиикских, у алтайских грифонов уши переданы в виде завитка или выпуклого круга²². Обращает на себя внимание композиционное и стилистическое единство новокумакской пряжки (VI—V вв. до н. э.) из Приуралья с ушбиикской бляхой. М. Г. Мошкова и К. Ф. Смирнов, изучавшие материалы Ново-Кумакского могильника, особо отмечали, что прямые аналогии пряжке следует искать в Южной Сибири и Казахстане²³. Идентичное изображение головы орлиноподобного «ушастого» грифона найдено в Приуралье, в Котловском могильнике VI—V вв. до н. э.²⁴ О раннем проникновении предметов прикладного искусства из Казахстана в Приуралье в VII—VI вв. до н. э. свидетельствуют материалы Чиликтинских курганов и Зуевского могильника²⁵. Указанные черты сходства в искусстве восточноказахстанских и сибирских племен, с одной стороны, а также ананьинских и савроматских — с другой, безусловно, объясняются существовавшими межплеменными контактами. Традиции скифского звериного стиля прослеживаются в нарочито подчеркнутой изогнутости клюва с восковицей ушбиикского экземпляра.

Близкие по стилю изображения орлиной головы известны в памятниках конца VI—начала V в. до н. э. Украины и Крыма²⁶.

Рассмотренные аналогии позволяют датировать ушбиикскую бляху началом V в. до н. э. Отчетливое сходство в манере изображения чиликтинских орлов (VII—VI вв. до н. э.) и ушбиикских орлиноподобных грифонов позволяет предполагать длительные местные традиции в прикладном искусстве. Однако появление стилизованных изображений птиц, так же как и зверей, очень далеких от реальных образов, в искусстве приир-

тышских племен вызвано, вероятно, изменениями, связанными с дальнейшим развитием религиозных воззрений.

Найденные обломки, по-видимому, торочных пряжек²⁷, к сожалению, недостаточны для полной реконструкции их формы (рис., 1, 2). На одном фрагменте сохранилось изображение головы хищника с утяжеленной верхней челюстью и оскаленной пастью. Зубы показаны в виде ряда треугольников, глаз отмечен овальным валиком. С внешней стороны примыкает рамка из сдвоенных голов рогатого животного, обращенных в противоположные стороны, которые образуют округлое отверстие для продевания ремня. Короткие с поперечными желобками рога напоминают по характерной форме рога казахстанской антилопы — сайги. На втором обломке — аналогичное изображение сдвоенных голов сайгака (?), образующее рамку с внешней стороны дугообразной пластины с изображением головы хищника (фрагмент, сохранились глаз, ухо и шея с поперечными линиями на ней и одной продольной). В отличие от первого фрагмента, сдвоенные головы сайгака на блоке второго обломка расположены примыкающими к шее (около уха), а не к верхней челюсти хищника, обозначенного на кольце (рис., 1).

Сдвоенные головы лося, козла, лошади часто составляют основу бляхи²⁸, петлевидного навершия на ножах²⁹ или дужку на бронзовых медалевидных зеркалах V—III вв. до н. э., происходящих из Минусинских степей³⁰. Пряжки с двумя головами коней найдены в могильнике Тагискен³¹. Сюжет — парные головы коней — использовался и у скифов.

В отличие от приведенных аналогий, ушбиинские пряжки изготовлены небрежно. О плохом качестве бронзы свидетельствует значительная пористость изделий. Все они отлиты в односторонней литейной форме.

В целом стиль, сюжеты, художественные приемы рассмотренных образцов прикладного искусства из Прииртышья очень близки алтайским. Исторически это закономерно: близость территорий, существование тесных связей между алтайскими и прииртышскими племенами — вот причина общности (но не тождественности) материальной культуры этих племен.

Из оружия сохранились десять бронзовых наконечников стрел (рис., 12—21). По форме все они трехгранные, с внутренней втулкой и дуговидным или прямоугольным вырезом, с опущенными шипами. Размеры наконечников варьируют от 27 до 30 мм. У некоторых длина жалец достигает трети длины наконечника. По классификации К. Ф. Смирнова, эта форма относится к типу 14 и появляется у савроматов в VI в. до н. э. Дата подобных стрел в Южном Приуралье (Ново-Кумакский могильник) определена VI—V вв. до н. э.³² Аналогичные наконечники стрел, относящиеся к V в. до н. э., известны из могильников Бес-Шатыр³³ и Тагискен (VI—V вв. до н. э.)³⁴. Приведенные аналогии позволяют датировать ушбиинские наконечники стрел V в. до н. э., что не противоречит хронологической принадлежности всего комплекса из Уш-биика.

Рассмотренный комплекс принадлежал, очевидно, представителю одного из сакских племен, в ареал которых входило и Семипалатинское Прииртышье. Несомненно, что эти племена были посредствующими звеньями в контактах сибирских и сакских, а также савроматских и ананьинских племен. Показательно в этом отношении применение однотипной конской узды, оружия и использование в прикладном искусстве мотива грифона. Образ грифона на ушбиинской пряжке передан экспрессивно, ему (как у ближневосточных и скифо-савроматских племен) придавалось апотропеическое значение. Примечательно, что и в средневековые образы хищных птиц «выполняли» культо-магические функции у кыпчаков, а также ряда других тюркских народов Сибири, Казахстана и Средней Азии³⁵.

- ¹ *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951, с. 295; *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов. — МИА, 1961, 101, с. 84; *Кадырбаев М. К.* Памятники тасмолинской культуры. — В кн.: *Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М.* Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, с. 388.
- ² *Заднепровский Ю. А.* Древнеземледельческая культура Ферганы. — МИА, 1962, 118, с. 65, 67.
- ³ *Сабурова М. А., Ягодин В. Н.* Литейная форма из Хорезма. — СА, 1964, № 1, с. 306, рис. 1.
- ⁴ *Грязнов М. П.* Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. — Краткие тезисы докладов на конференции в г. Ленинграде в 1975 г. Л., 1975, с. 9.
- ⁵ *Грязнов М. П.* Памятники майэмирского этапа ранних кочевников. — КСИИМК, 1947, XVIII, с. 10.
- ⁶ *Руденко С. И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960, с. 250, рис. 129.
- ⁷ *Погребова Н. Н.* Грифон в искусстве Северного Причерноморья в эпоху архаики. — КСИИМК, 1948, XXII, с. 62; *Руденко С. И., Руденко Н. М.* Искусство скифов Алтая. М., 1949, с. 43, табл. X, 1; XI, 1.
- ⁸ *Максимова А. Г.* Предметы эпохи ранних кочевников в Центральном музее Казахстана (г. Алма-Ата). — Труды ИИАЭ АН КазССР, 1956, 7, табл. 1, 8.
- ⁹ *Руденко С. И.* Культура населения Центрального Алтая..., табл. XLIV; LXXVIII; LXXIX; *Сорокин С. С.* Цепочка курганов времени ранних кочевников на правом берегу Кок-су (Южный Алтай). — АСГЭ, 1974, 16, рис. 15, с. 88; *Руденко С. И., Руденко Н. М.* Искусство скифов Алтая, с. 30, табл. IV.
- ¹⁰ *Кадырбаев М. К.* Памятники тасмолинской культуры, рис. 70, 1.
- ¹¹ *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1970, табл. XIV, 9.
- ¹² *Членова Н. Л.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967, с. 137, 138.
- ¹³ *Артамонов М. И.* Скифо-сибирское искусство звериного стиля. — МИА, 1971, 177, с. 29, 32.
- ¹⁴ *Погребова Н. Н.* Грифон в искусстве Северного Причерноморья..., с. 66; *Членова Н. Л.* Происхождение..., с. 120.
- ¹⁵ *Руденко С. И.* Культура населения Центрального Алтая..., табл. XXXIX, 2, 3.
- ¹⁶ *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов, с. 88.
- ¹⁷ Там же, с. 95, 96.
- ¹⁸ *Кадырбаев М. К.* Памятники тасмолинской культуры, рис. 8, 11.
- ¹⁹ *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов, с. 146, рис. 50, 12; *Рабинович Б.* О датировке некоторых курганов скифского Приднепровья. — СА, 1936, I, с. 94, рис. 8а; *Членова Н. Л.* Происхождение..., с. 79, табл. 17; рис. 70, 10а; *Кадырбаев М. К.* Памятники тасмолинской культуры, рис. 24, 5; *Вишневская О. А.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э. М., 1973, табл. XII, 10; *Сорокин С. С.* Цепочка курганов..., рис. 5, 8.
- ²⁰ *Радлов В. В.* Сибирские древности. — МАР, 1891, 5, табл. XI, II; XII, 8—10; *Руденко С. И.* Культура населения Центрального Алтая..., табл. ХСVII, 1—3, с. 287, рис. 146; *Грязнов М. П.* Древнее искусство Алтая. Л., 1958, рис. 32; 33.
- ²¹ *Клеменц Д. А.* Древности Минусинского музея. Томск, 1886, табл. XIV, 2; *Членова Н. Л.* Происхождение..., табл. 4, 9, 10.
- ²² *Членова Н. Л.* Происхождение..., с. 143.
- ²³ *Мошкова М. Г.* Ново-Кумакский курганный могильник близ г. Орска. — МИА, 1962, 115, с. 226, рис. 14, 8; *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М., 1964, с. 220.
- ²⁴ *Збруева А. В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. — МИА, 1952, 30, с. 230.
- ²⁵ *Черников С. С.* Загадка Золотого кургана. М.; Л., 1965, с. 58.
- ²⁶ *Яценко И. В.* Скифия VII—V вв. до н. э. — Труды ГИМ, 1959, 36, с. 63, табл. III, 3; *Ильинская В. А.* Культурные жезлы скифского и предскифского времени. — В кн.: Новое в советской археологии. М., 1965, рис. 3, 4.
- ²⁷ Приносим глубокую признательность С. С. Сорокину за это сообщение.
- ²⁸ *Собрание Л. К. Фролова.* Хранится в ГЭ, колл. № 1122/3.
- ²⁹ *Артамонов М. И.* Сокровища саков. М., 1973, рис. 115; 123; 126.
- ³⁰ *Полторацкая В. Н.* Памятники ранних кочевников в верховьях Бухтармы. — АСГЭ, 1966, 8, с. 89, рис. 7, 4.
- ³¹ *Толстов С. П., Итина М. А.* Саки низовьев Сырдарьи. — СА, 1966, № 2, рис. 7, 9.
- ³² *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов, с. 56, табл. III, 67, 68, 71, 72; *Мошкова М. Г.* Ново-Кумакский курганный могильник..., с. 208, рис. 4.
- ³³ *Акишев К. А.* Саки Семиречья. — Труды ИИАЭ АН КазССР, 1956, 7, табл. I.
- ³⁴ *Толстов С. П., Итина М. А.* Саки низовьев Сырдарьи, рис. 9.
- ³⁵ *Кадырбаев М. К.* Зооморфные костяные пластины из Северного Казахстана. — В кн.: Древности Казахстана. Алма-Ата, 1975, с. 137—139.

МАЛЫЙ ТАШТЫКСКИЙ СКЛЕП НА РЕЧКЕ ДАЛЬНЯЯ ЧЕЯ

Основным источником для изучения материальной и духовной культуры тыштыкских племен Енисея являются погребальные сооружения, раскопки которых произведены более чем в 50 пунктах: это 55 склепов и свыше 300 грунтовых могил.

Склепы представляют собой неглубокие котлованы, внутри которых сооружены погребальные камеры с деревянными покрытиями или крышами и реже без них. Вокруг котлована, вплотную к нему, сложена широкая каменная стена-крепида, имеющая, как правило, вход с западной стороны. Склепы различаются между собой не столько по вещам, положенным погребенным, сколько размерами и конструкциями камер. В небольших камерах хоронили как куклы-манекены в рост человека, так и трупы или мумии. В больших чаще захоронены одни куклы, внутри которых помещен пепел сожженного на стороне человека.

Причина разнообразия таштыкских склепов до сих пор остается неясной. Отражает ли оно хронологические этапы культуры или ее этнические и социальные варианты? Дискуссионность вопроса объясняется сложностью реконструкций этого вида погребальных сооружений и установления первоначального расположения в них погребальных кукол, от которых остаются обычно лишь переворошенные кучки человеческого пепла. Безусловно, недостаточен накопленный материал. Дело в том, что о значительной части раскопанных памятников сохранились общие и скудные сведения, касающиеся в основном содержавшегося в них инвентаря. Кроме того, лишь 14 склепов исследованы полностью (включая работы 1978 г.), т. е. не одни только камеры, но и каменные стены. К сожалению, если в том или ином пункте расположены два и больше склепов, то раскопан, как правило, только один из них. Между тем, для решения вопроса о хронологических, локальных или социальных отличиях склепов необходимо изучение всей группы. Учитывая сказанное, нельзя не отметить особую важность работ Красноярской экспедиции, которая в трех местах на Енисее (Мысок, Барсучиха IV, Тепсей III) раскопала целиком все серии склепов. Тепсейская группа из четырех сооружений недавно опубликована М. П. Грязновым. По его мнению, они все относятся к одному периоду культуры, но в них хоронили разные группы населения. Этнические особенности отражены в размерах и конструкциях склепов, захоронении в них мумий и кукол или одних кукол, в приношении мертвым разных частей от жертвенных животных¹. Полное изучение таштыкских комплексов, расположенных в одном могильнике, является первоочередной задачей для проверки этих наблюдений. Однако сохраняется надобность и в публикации единичных, но целиком раскопанных склепов, ибо на основании их реконструкции представляется возможность восстановить первоначальный вид и некоторых из тех, которые ранее были раскопаны частично. Из 14 полностью изученных склепов пока опубликованы четыре, расположенные под горой Тепсей. Публикация небольшого пятого склепа составляет содержание данной статьи.

В 5 км к северо-востоку от д. Комаркова Минусинского р-на Красноярского края, на правом берегу высохшей речки Дальняя (Мокрая) Чья, правом притоке Енисея, находится обширный могильник из разновременных памятников. Впервые он обнаружен В. П. Левашевой в разведке 1943 г. Она зарегистрировала здесь несколько тагарских курганов, группу каменных и таштыкский склеп диаметром 15 м. Осмотрев могильник в 1975 г., мы нашли еще группу карасукских оградок и второй склеп меньших размеров, расположенный в 70 м от отмеченного В. П. Левашевой. Этот склеп был нами раскопан в том же году.

Склеп имел вид сильно задернованной, почти плоской каменной вымостки четырехугольной формы длиной 11 м и шириной 6,2—7,8 м. В центре — незначительное углубление. В некоторых местах выступали верхние плиты стены, а на западном конце вымостки — края двух плит, образующих наружный вход в камеру. В результате раскопок выяснилось, что для камеры вырыт котлован квадратной формы (4,5×4,5 м), углами по сторонам света, глубиной 60—70 см от древней поверхности и 100 см — от современной. Дно земляное неровное. Стенки обставлены вертикальными плитами песчаника и срубом в один венец. От бревен сохранились незначительные остатки. В юго-западной стороне сделан вход в камеру в виде дромоса, выложенного четырьмя стесанными бревнами и обставленного по бокам вертикальными плитами. Наверху дромоса при спуске в камеру лежала плита 50×60 см, гладкая и сильно процарапанная. С нее, видимо, в камеру спускали носилки с погребенными. Плита соприкасалась с наружным входом, сооруженным на поверхности и состоящим из двух параллельно вкопанных плит размерами 110×60 и 120×70 см. Расстояние между ними 40—65 см. Вход закрыт плитой 110×50 см. На бортах котлована из шести-семи рядов плит сложена каменная стена четырехугольной формы с закругленными углами. Ее ширина 120—150 см, а высота — 50 см. К западной стенке пристроена полуовальная пристройка длиной 6 м и шириной 2,4 м. Она имела ту же высоту и сложена из таких же плит, что и основная крепида. Сооружение пристройки, очевидно, связано с расположенным на ней описанным выше символическим внешним входом в камеру. Вокруг входа много обожженных камней. Здесь, вероятно, при похоронах разводили костер (рис. 1).

Камера заполнена землей и плитами, но в центре плит мало. Пепел человека и обломки сосудов встречались с глубины 40 см, так как склеп ограблен. Выше дна, вдоль стен камеры, лежало по массивному бревну. Береста, сохранившаяся кусками по всей площади ямы, вдоль стенок была под бревнами. Кучки же пепла, остатки скелетов и большая часть сосудов оказались на дне, на 20—30 см глубже. Видимо, погребенные были закрыты берестяным полотнищем, на края которого сверху уложили бревна. Они обуглены полностью, береста частично, а остатки погребенных под ними — без следов огня. Видимо, горела не вся камера, а ее верхняя часть (рис. 2).

На дне камеры находились 21 кучка пепла человека, три почти полных человеческих скелета и остатки еще двух-трех. Кучки, расположенные очень близко друг от друга, очевидно, первоначально составляли одну. Поэтому, вероятно, здесь было похоронено около пяти трупов или мумий и 15 остатков трупосожжений.

Скелеты находились в разных местах могилы. Близ восточного угла, вплотную к северо-восточной стенке, лежал почти полный скелет человека, положенного на левый бок с согнутыми в коленях ногами, головой на юго-восток. Голени отсутствовали (скелет 1). В глазницах черепа находились гипсовые кружки, снаружи ровные, а изнутри выпуклые. Они были вставлены в пустые глазницы, и следовательно, труп был захоронен уже полуразложившимся. За черепом лежали обломки костей ребенка — черепа и трубчатых (скелет 2). Полный скелет помещен в восточной половине на правом боку, черепом на северо-запад (скелет 3). Еще один скелет без черепа и голени лежал в юго-западной части камеры на спине, головой на северо-запад. Отдельные кости скелетов в сочленении расчищены вдоль северо-западной и северо-восточной стен. В первом случае — голень со стопой, во втором — плечевая, локтевая и лучевая кости ребенка. Неясно, принадлежали ли они другим скелетам или упомянутым, но были выброшены грабителями.

Как и в других таштыкских склепах на Дальней Чее, трудно реконструировать размещение погребальных кукол. В Оглактинском могильнике пепел был помещен в груди кукол. Но судя по расположению кучек пепла в других грунтовых могилах, его могли помещать также в живот и голову манекена. Обычай зашивать пепел в голову кукле, видимо, был

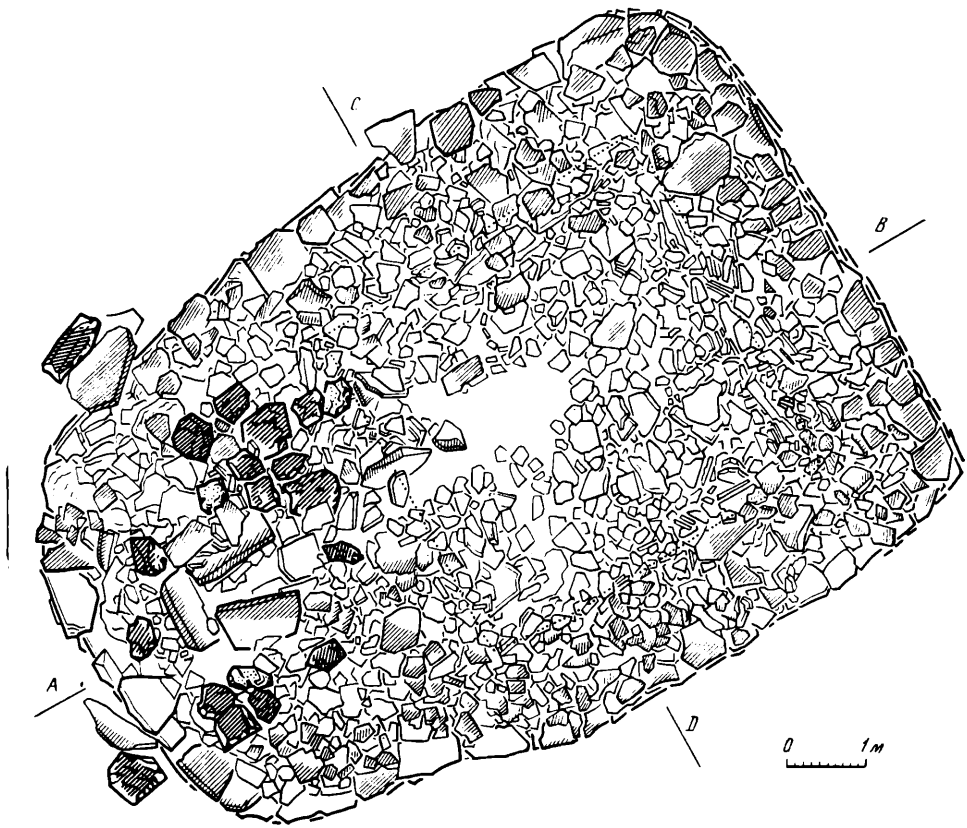

Рис. 1. План склепа после зачистки камней

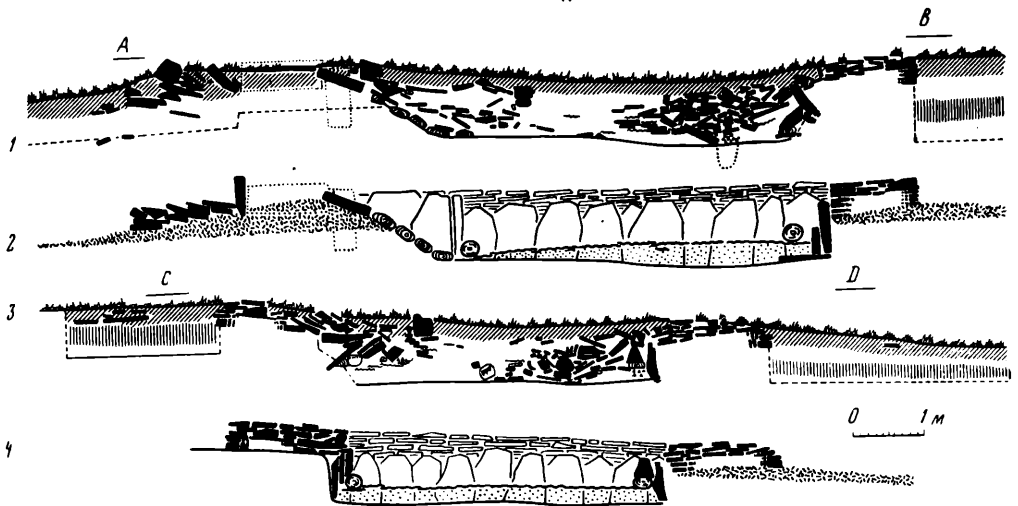

Рис. 2. Продольные и поперечные разрезы и их реконструкция

принят у людей, живших на речке Дальняя Чей. Косвенно об этом свидетельствуют обломок лицевой гипсовой маски, находящийся поверх одной из кучек пепла (могила 3), и сосуды или их фрагменты, расположенные у десяти кучек. Поскольку сосуды стояли в головах двух человеческих скелетов, можно предполагать, что это правило распространялось и на тех погребенных, которых хоронили в куклах. Тогда, очевидно, в юж-

Рис. 3. План камеры

г — горшок; ж — маска; п — пепел человека; ск — скелет человека

ную половину камеры было положено шесть манекенов-кукол, параллельно друг другу и головами на юго-запад, и шесть кукол — головами на северо-запад. Некоторые из них, по-видимому, перекрывали трупы и друг друга. Расположение остальных манекенов не устанавливается.

Вдоль юго-западной стенки, у входа в камеру, остатки погребенных не обнаружены. Здесь стояли раздавленные сосуды, лежали кучками кости животных. В составе кучек преобладают астрагалы и пяточные кости коровы. Помимо них найдены нижняя челюсть, кусок черепа и лопатки овцы, таз козы, ребро коровы, несколько астрагалов, лучевая и пяточная кости лошади². Как видно из набора костей, сюда положены не только куски мясной пищи. При раскопках склепов под горой

Тешсей М. П. Грязнов отметил обычай класть мертвым по копыту или пятке от определенного жертвенного животного³. В нашем склепе есть кучки, состоящие из астрагала и пяточной кости, но большинство — из нескольких астрагалов и пяточной. Видимо, в данном случае положены не пятки или иные части ног животного, а кости от игры. На нижней деревянной ступеньке входа, кроме костей животных, стояли два сосуда — один поверх другого, а рядом лежали миниатюрные железные удила.

Встреченные в склепе шесть обломков лицевых гипсовых масок, кроме лежащих поверх «головы» куклы, связать с конкретными погребениями невозможно. Они находились на разных участках дна ямы, в том числе там, где вообще не было костей человека (могилы 1, 4, 5; рис. 3).

Все исследователи считают, что таштыкские склепы являлись склепами в прямом смысле этого слова, т. е. в них хоронили людей в разные сроки, одного за другим. Однако это не бесспорно. При раскопках склепа у д. Быстрая в 1938 г. В. П. Левашева отметила, что концы обугленных бревен наката, закрывавшего камеру, значительно заходили под кладку стены, сооруженной вокруг котлована с камерой⁴. Значит, стену сложили, когда камера была закрыта и даже сожжена, после чего захоронений не производили. Есть свидетельства о возможности одноактных захоронений в склепах. Речь идет о случаях, когда сосуды сконцентрированы в одном месте камеры и занимают значительную площадь. Они явно поставлены для всех погребенных (Уйбатский чаа-тас, курган 6; Быстрая, курган 3; Лугавское, курган 1)⁵. Видимо, все погребенные, трупы и куклы, были похоронены в склепе на речке Дальняя Чее одновременно. Им всем положили куски мяса и игральные кости у входа на дне ямы, всех закрыли берестяными полотнищами, закрепив его бревнами. Позже поверх бересты камеру засыпали землей и плитами вровень с крепидой.

Камера склепа не имела бревенчатого наката или крыши, как и некоторые другие малые таштыкские склепы (Джесос; Кривинское; Новая Черная IV, могила 21; Мысок, курган 2 и т. д.). По размерам, конструкции стены и камеры склеп на Дальней Чее вообще аналогичен всем небольшим склепам, расположенным как на правом, так и на левом берегах Енисея. Они же относятся к разным хронологическим этапам культуры. Незначительный инвентарь из склепа, найденный в основном в дополнении, также не позволяет датировать сооружение. Это три железные круглые пряжки и три пары железных миниатюрных удил, распространенных на всем протяжении таштыкской эпохи (рис. 4). Единственным

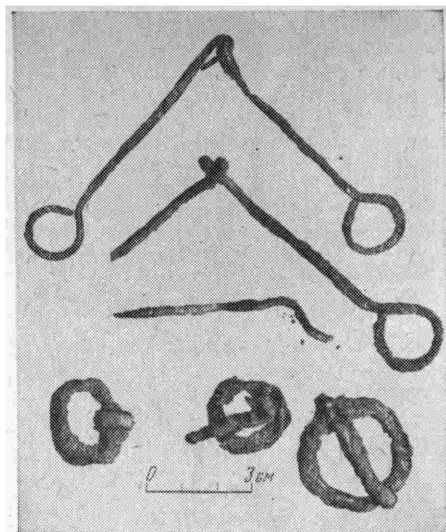

Рис. 4. Железные миниатюрные удила и пряжки

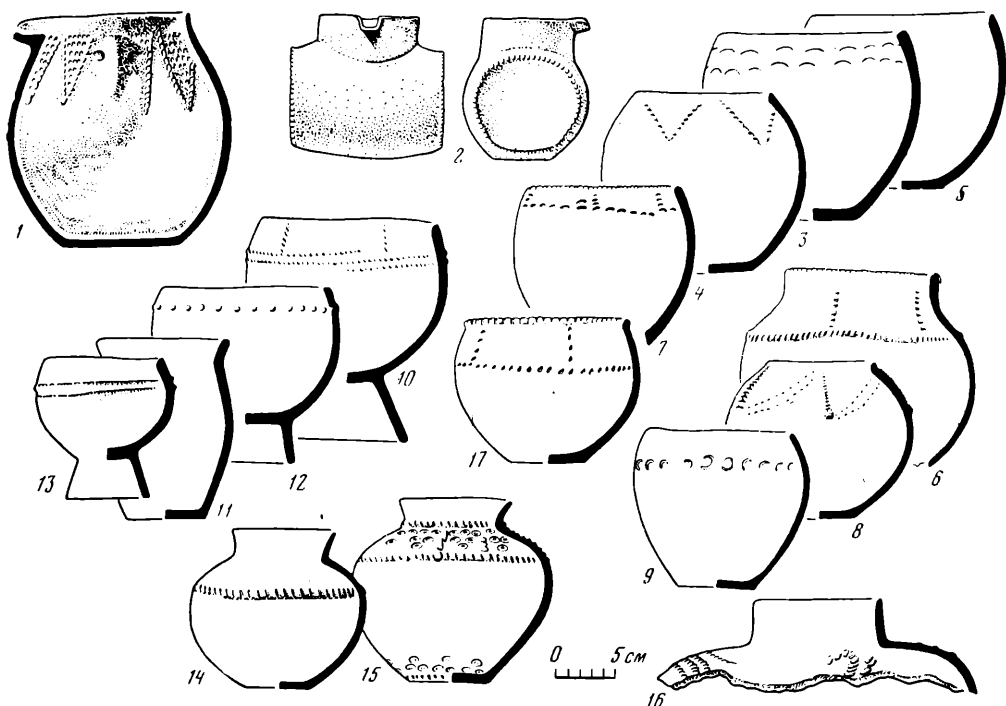

Рис. 5. Типы глиняных сосудов из склепа (1—16)

датирующим материалом остается керамика. При раскопках представлялось, что в склепе было 30 глиняных сосудов. После реставрации оказалось 16 целых сосудов и несколько — в обломках. Сосуды разнообразной формы. Преобладают баночные с выпуклыми боками или бочонковидные без выделенного горлышка. Все, кроме одного, орнаментированы по венчику (рис. 5, 3—5, 7—9). Этот тип сосудов наиболее распространен для всей культуры, но на ранних батеневских сосудах, как правило, нет орнамента, на тепсейских почти всегда есть. Аналогичные сосуды, в частности, встречены в склепах под горой Тепсей⁶.

Кубки на коническом поддоне, наиболее характерные на батеневском этапе, представлены в склепе всего тремя экземплярами (рис. 5, 10, 11, 13).

Три сосуда сферические или бомбовидные с высоким горлом (рис. 5, 6, 14, 15). Они есть в тепсейских склепах и встречаются, по Л. Р. Кызласову, как на изыхском, так и на сырском этапах⁷.

Два сосуда бочонкообразные (рис. 5, 2, 16). Они известны в ранних таштыкских памятниках, но похожий деревянный бочонок найден в склепе под горой Тепсей⁸.

Две формы представлены по одному экземпляру. Это так называемый подвесной сосуд, со сливом и ручками (рис. 5, 1) и в виде высокой банки с нечетким горлышком (рис. 5, 12). «Подвесные» сосуды наиболее характерны для тепсейского этапа⁹. Последний сосуд по форме и тесту похож на кыргызский.

Таким образом, в склепе на речке Дальняя Чая встречены как ранние (бочонкообразные и кубковидные), так и поздние формы посуды. Это свидетельствует о том, что существующие хронологические этапы культуры требуют уточнения. В целом же преобладает керамика, характерная для тепсейского этапа, датированного М. П. Грязновым III—V вв. н. э.¹⁰

- ¹ Грязнов М. П. Таштыкская культура.— В кн.: Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск, 1979, с. 141, 142.
- ² Кости животных определены Н. М. Ермоловой.
- ³ Грязнов М. П. Таштыкская культура, с. 112.
- ⁴ Левашева В. П. Раскопки курганов близ д. Быстрая Минусинского района. Архив Минусинского музея, оп. 3, № 287, л. 133—145; Она же. Варианты таштыкских погребений в Минусинском районе и в Хакасской автономной области.— КСИИМК, 1949, XXV, с. 92—102.
- ⁵ Левашева В. П. Раскопки курганов «Уйбатский Чаатас» летом 1936 г. Архив Минусинского музея, оп. 3, № 285, л. 3—10; Она же. Раскопки курганов близ д. Быстрая...; Она же. Раскопки близ с. Лугавского Минусинского района на правом берегу Енисея. Архив ЛОИА, ф. 35, оп. 1, № 2.
- ⁶ Грязнов М. П. Миниатюры таштыкской культуры (из работ Красноярской экспедиции 1968 г.).— АСГЭ, 1971, 13, с. 91, рис. 1, 1—4; Он же. Таштыкская культура, с. 95, рис. 5б, 5.
- ⁷ Грязнов М. П. Таштыкская культура, рис. 69, 6, 21, 22; Кызыласов Л. Р. Таштыкская эпоха. М., 1960, табл. 4; рис. 44; 187.
- ⁸ Грязнов М. П. Таштыкская культура, с. 97, рис. 57.
- ⁹ Грязнов М. П. Миниатюры таштыкской культуры..., с. 97, рис. 1.
- ¹⁰ Там же, с. 99.

В. А. ЗАВЬЯЛОВ

ПОЗДНЕКУШАНСКАЯ АНТРОПОМОРФНАЯ ТЕРРАКОТА ЗАРТЕПЕ

Антропоморфная терракота представляет обширное поле исследования как источник для изучения широкого круга проблем, связанных с культурой и идеологией населения Кушанской державы. Введение в научный оборот нового материала приобретает весьма важное значение, открывая новые перспективы исследования. Публикуемая коллекция терракот представляет интерес как по составу находок, так и по тому, что получена она при раскопках (1974—1979 гг.) построек двух финальных строительных периодов городища Зартепе (раскопы 5 и 6), т. е. является одним из компонентов, характеризующих позднекушанский археологический комплекс¹. Рассматриваемая группа терракот представлена четырьмя фрагментами оттисков статуэток, одним налепом на сосуде, одним барельефным оттиском и одной матрицей-кальпом (рис.).

Все изображения оттиснуты при помощи различных матриц и изготовлены из тонко отмученной, хорошо промешенной гончарной глины с небольшой примесью песка. Состав теста терракот практически не отличается от состава теста некоторых видов «столовой» посуды, найденной в пределах раскопов 5 и 6. В технологии изготовления изображений отмечается ряд общих приемов, наблюдаемых на некоторых изделиях: обработка оборотной стороны и контуров острым предметом, по-видимому ножом; ангобирование либо целиком, либо только лицевой поверхности. Принимая во внимание предполагаемую технологией изготовления серийность терракот, предметом специального исследования могли бы служить отпечатки пальцев на тыльных сторонах изображений (имеются в виду дактилоскопический анализ и возможность определения мастера).

За исключением фрагмента одной статуэтки, происходящей из сборов на раскопе 5, все остальные находки обнаружены внутри помещений раскопа 6, при этом часть их происходит из помещений первого строительного периода, часть — из второго. Именно в этом порядке и будет дано их описание.

От статуэтки, найденной на раскопе 5, сохранился лишь торс, голова и нижняя часть ее утрачены (рис., 1). На лицевой поверхности отчетливо прослеживается одежда, собранная в складки у ворота и образующая складки в районе живота (вследствие согнутых в локтях обеих рук). Кисть правой руки поднята и обращена ладонью к зрителю (жест убеждения)². В кисти левой руки, прижатой к груди, — предмет, контуры

Рис. Антропоморфная терракота Зартепе (1—7)

которого неразличимы. Тыльная и боковые стороны оттиска обработаны ножом. Вся поверхность статуэтки была покрыта темно-красным ангобом. Фрагмент в изломе светло-красный. Высота его 5,5 см, максимальная ширина в районе согнутых в локтях рук — 4,8 см, максимальная толщина — 2,8 см.

Среди находок из первого строительного периода раскопа 6 в первую очередь обращает на себя внимание аналогичная по деталям одежды и положению рук статуэтка, обнаруженная в помещении 9 в заполнении над первым полом (рис., 2). Ладонь ее правой руки и голова не уцелели, но, в отличие от фрагмента первой статуэтки, значительно лучше сохранилась нижняя часть изображения, на которой хорошо прослеживаются складки одежды, начинающиеся от живота, образующие острый угол и ограниченные по сторонам и внизу крупной подковообразной складкой, идущей от поднятых рук. Под подковообразной складкой видны вертикальные складки подола либо этой же, либо нижней одежды. Контуры статуэтки обработаны ножом. На оборотной стороне видны отпечатки пальцев. Лицевая сторона покрыта темно-коричневым ангобом. Фрагмент в изломе серо-коричневого цвета. Высота его 11,3 см, максимальная ширина — 6 см, толщина — 2,8 см.

Третья статуэтка из коллекции Зартепе найдена в заполнении над вторым полом помещения 11 (рис., 3). Она изготовлена из вылепленного от руки жгутика, верхний конец которого был оттиснут в матрице, о чем красноречиво свидетельствует оттиск, по-видимому, большого пальца на затылочной части изображения. Контуры лица выражены нечетко, что говорит о неоднократном использовании матрицы. Тем не менее, можно различить взлохмаченные волосы, высокий лоб, на котором выделены надбровные дуги, уплощенный нос. Рот как бы растянут в улыбке. Левое ухо намечено, правое не прослеживается. Талия выделена защипом с явно различимыми отпечатками пальцев. Нижняя часть статуэтки не сохранилась. Фрагмент в изломе светло-красный. Высота его 6,8 см, диаметр жгутика 2 см.

Фрагмент нижней части четвертой статуэтки был обнаружен в проходе из помещения 56 на улицу Внутриквартальную в заполнении над первым полом (рис., 4). На лицевой стороне расширяющегося книзу оттиска прослеживаются вертикальные драпировочные складки одежды. Боковые стороны плитки обработаны ножом, на нижней плоскости видны отпечатки пальцев. Фрагмент в изломе светло-красный. Высота его 6 см, ширина в нижней части — 5,8 см, толщина — 2 см.

Выполненное в той же технологии, но иное по функциональному назначению женское изображение найдено в заполнении над первым полом помещения 11 (рис., 5). От низкого лба веерообразно расходятся пряди волос. Глаза миндалевидные, уголки их опущены к ушам. В левом ухе, по-видимому, серьга. Щеки округлые, на шее под подбородком — по всей вероятности, нитка бус, ниже которой — ожерелье или ворот одежды, собранный в складки. Лицевая сторона покрыта ярко-красным ангобом, обратная — плоская неангобированная. Изображение использовалось в качестве налёпа на сосуде. Высота оттиска 5,4 см, максимальная ширина — 4,2 см, толщина — 2 см.

Во втором строительном периоде в помещении 23/24 на уровне третьего пола обнаружен фрагмент барельефного оттиска, верхняя и нижняя части которого не сохранились (рис., 6). На лицевой поверхности отчетливо видны две стоящие рядом фигуры — левая, видимо, в фас, правая — в профиль, обернувшись к левой. Изображение левой фигуры сохранилось от округлого, возможно обнаженного, живота до щиколоток; правой — от чресла до щиколоток. У левой фигуры на чреслах заметен пояс, возможно, в виде скрученной драпировки, концы которой завязаны узлом над левой ногой и спускаются к ее колену. Над поясом — орнамент в виде точечного пояска. Левая нога согнута в колене или слегка выставлена вперед. Ниспадающие книзу складки драпировки отчетливо прослеживаются на правой ее ноге.

У правой фигуры видна кисть левой руки, лежащая на поясе, от которого вниз спускается лента драпировочной ткани. Левая ее нога обнажена или под прозрачной драпировкой. Правая нога согнута в колене и слегка видна из-за левой ноги. На щиколотке правой ноги — по всей вероятности, браслет.

Боковые стороны оттиска обработаны ножом. Лицевая сторона покрыта красным ангобом. На оборотной стороне — отпечатки пальцев. Фрагмент в изломе светло-коричневый. Высота его 5,2 см, ширина — 5,5 см, толщина — 1,4 см.

В 1979 г. в помещении 38 в заполнении над уровнем четвертого пола обнаружена матрица-калып (рис., 7). Матрица прямоугольной формы со слегка скругленными углами напоминает современный кирпич (длина 33 см, ширина 14 см, максимальная толщина 7 см). Обратная ее сторона плоская, сглаженная. На лицевой стороне оттиснуто изображение, углубленное внутрь формы до 3,8 см. Все детали изображения просматриваются довольно ясно и можно предположить, что матрица, по-видимому, использовалась нечасто. Причиной могло служить то обстоятельство, что изготовленное мастером изображение было слишком глубоко оттиснуто в сырой глине матрицы, вследствие чего образовался отрицательный угол, не позволявший вытащить оттиск, не испортив его. Если это предположение верно, то матрицу почти не использовали, чтобы не производить заведомого брака. С трудностями по преодолению отрицательного угла в процессе изготовления оттиска столкнулся скульптор Н. Васильев.

Оттиск являет собой изображение сидящего божества в высоком головном уборе с наушниками. Высокий лоб ограничен снизу двумя слаборазличимыми дугами бровей, почти сходящихся у переносицы и продолжающих линии прямого тонкого носа. Глаза миндалевидные, направлены углами вверх к вискам. Рот непропорционально маленький, подбородок округлый. На шее — по-видимому, гривна в виде валика, разделенного пополам. Плечи прикрыты мантией. Правая рука согнута в локте, держит предмет, расширяющийся вверху и суживающийся внизу под кистью. На запястье — браслет, переданный тем же приемом, что и гривна. Аналогичный браслет — на запястье левой руки, опущенной вниз и придерживающей одежду между колен, образуя складки. Ноги, по-видимому, скрещены, при этом стопа правой ноги чуть оттопыривает подол одежды. Характерной особенностью изображения является диспропорция между размерами головы и туловища.

Коллекция терракот из позднекушанских слоев городища Зартепе прежде всего демонстрирует соблюдение сложившегося ранее на территории Бактрии³ и сопредельных территориях Парфии⁴ и Согда⁵ принципа фронтальности.

Кроме того, позднекушанская терракота Зартепе на новом материале раскрывает мысль о том, что буддизм оказал весьма сильное воздействие на все или почти все сферы искусства Бактрии, включая и коропластику⁶, о чем свидетельствуют фрагменты двух совершенно одинаковых, но оттиснутых в разных формах статуэток (первая и вторая⁷), передающих, вероятнее всего, образ Будды. Основой для этого заключения послужило положение правой руки в «жесте убеждения», хорошо прослеживаемое на первой статуэтке, и детали одежды, лучше сохранившиеся на второй. «Жест убеждения» весьма характерен для изображений сидящего и, что более существенно для нас, стоящего Будды, в гандхарской скульптуре и рельефах, в частности в особенно близкой по деталям одежды статуэткам Зартепе статуе из Шахри Бахлола⁸, отнесенной Х. Ингхольтом к третьей из выделенных им групп, датирующейся 300—400 гг. н. э.⁹

Следует отметить, что терракотовые изображения стоящего Будды на территории Северной Бактрии, в отличие от сидячих его изображений¹⁰, зафиксированы впервые.

По заключению Г. А. Пугаченковой, к кругу буддийских изображе-

ний принадлежит и фрагмент барельефного оттиска из Батырабада¹¹, до мельчайших деталей аналогичный по мотиву изображения фрагменту из помещения 23/24 жилого квартала Зартепе. Фрагмент батырабадского оттиска датируется на основе параллелей с сюжетами на пластинках резной слоновой кости из Беграма концом I—II в. н. э.¹²

По-видимому, мужской образ передает третья статуэтка из коллекции Зартепе, облик которой близок сатирическим образам, также распространенным на территории Бактрии¹³.

Иконографические черты оттиска матрицы, в первую очередь сидячее положение и рог изобилия в правой руке, позволяют идентифицировать изображение с богиней Ордохшо. Иконография богини и развитие образа ее во времени на бактрийской почве довольно подробно рассмотрены Г. А. Пугаченковой в ее последней сводке по кушанской короoplastике¹⁴. Главным аргументом в пользу этого отождествления послужили монеты Канишки¹⁵ и Васудевы II¹⁶, на реверсах которых изображена сидящая в кресле богиня Ордохшо. Совпадение наблюдается не только в иконографии, но и в диспропорции головы по отношению к туловищу¹⁷.

Фрагментарное состояние четвертой статуэтки не позволяет отнести ее к какому-либо распространенному образу. Судя по деталям одежды, это женское божество, связанное с культом богини плодородия.

Не находит пока достаточно близких аналогий женский образ, использовавшийся в качестве налепа на сосуде. В этой связи можно лишь отметить, что антропоморфные украшения на посуде более свойственны поздним периодам существования Кушанского государства.

На основе анализа керамики и монетных находок позднекушанские слои жилого квартала датируются IV — началом V в. н. э.¹⁸ Эта дата подкрепляется датировкой третьей группы гандхарской скульптуры¹⁹. Что касается дат, предложенных для барельефного оттиска и матрицы, оттиск которой изображает богиню Ордохшо, то в данном случае не исключена возможность перемещения их из более древних слоев или более длительного периода существования.

Учитывая результаты исследования буддийского святилища, обнаруженного в верхних слоях разреза городской стены Зартепе, и его датировку²⁰, отметим, что образы коллекции антропоморфной терракоты двух других раскопов также демонстрируют сохранение воздействия буддийской идеологии на развитие искусства в позднекушанский период наряду с развитием местных культов и, кроме того, дают новые ценные материалы по изучению короoplastики Северной Бактрии этого времени.

¹ Массон В. М. Кушанские поселения и кушанская археология. — В кн.: Бактрийские древности. Л., 1976, с. 14—16.

² Мешкерис В. А. Терракоты из Каратепе. — В кн.: Буддийские пещеры Каратепе в Старом Термезе. М., 1969, с. 134.

³ Пугаченкова Г. А. Искусство Бактрии эпохи кушан. М., 1979, с. 162.

⁴ Кошеленко Г. А. О фронтальности в парфянском искусстве. — В кн.: Историко-археологический сборник. М., 1962, с. 137—141.

⁵ Мешкерис В. А. Короoplastика Согда. Душанбе, 1977, с. 37.

⁶ Мешкерис В. А. Короoplastика Согда, с. 39; Пугаченкова Г. А. Искусство Бактрии..., с. 166.

⁷ Изображение на этой статуэтке ошибочно трактовано мной как женское божество. См.: СА, 1979, № 3.

⁸ Ingholt H. Gandharan Art in Pakistan. N. Y., 1957, N 210.

⁹ Ibid., p. 40.

¹⁰ Пугаченкова Г. А. Новые данные о ху-

дожественной культуре Бактрии. — В кн.: Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973, с. 119, примеч. 1.

¹¹ Пугаченкова Г. А. Искусство Бактрии..., с. 176, рис. 219.

¹² Там же, с. 176.

¹³ Там же, с. 216, 218.

¹⁴ Там же, с. 159, 160, 162.

¹⁵ Gardner P. The Coins Greek and Scythic Kings of Bactria and India. London, 1886, pl. XXVI, 18.

¹⁶ Пугаченкова Г. А. Искусство Бактрии..., рис. 177.

¹⁷ Там же, с. 162.

¹⁸ Завьялов В. А. Раскопки квартала позднекушанского времени на городище Зартепе в 1975—1976 гг. — СА, 1979, № 3.

¹⁹ Ingholt H. Gandharan Art in Pakistan, p. 40.

²⁰ Пилупко В. Н. Раскопки святилища позднекушанского времени на городище Зартепе. — В кн.: Бактрийские древности. Л., 1976, с. 67, 68.

УЗДЕЧНЫЙ НАБОР ИЗ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

В январе 1977 г. Н. Н. Ильющенко, учитель из ст. Подгорное, передал в Отрадненский народный музей бронзовые удила, псалии и имитации клыков, найденные при рытье котлована для фундамента дома. Судя по набору предметов, — удила, пара псалий и пара клыков, находка составляет набор конской уздечки и, по-видимому, связана с разрушенным погребением, сопровождавшимся взнузданным конем или уздой. Рассмотрим подробнее найденные предметы.

Бронзовые удила (рис., 1) состоят из двух массивных звеньев длиной по 9 см. Стержни последних — квадратного сечения, одна из четырех поверхностей покрыта литыми насечками, образующими квадратики. Концы удил имеют форму стремечка со слабо выделенными дугами. Пара бронзовых псалий длиной по 12,5 см (рис., 2, 3) имела каждая прямой круглый в сечении стержень с тремя массивными петлями. Один конец псалия расплюсчен в виде лопаточки (стилизованное копыто?), другой завершается головкой барана с круто загнутыми рогами. Пара бронзовых имитаций клыков длиной 4,3 и 4,8 см (рис., 4, 5) имеют по четыре перекрещивающихся отверстия диаметром 0,6 см в верхней части и по маленькому отверстию диаметром 0,3 см внизу на изгибе.

Удила рассматриваемой находки относятся к третьему типу бронзовых удил по классификации А. А. Иессена¹, распространенному на широкой территории евразийских степей с VIII—VII по VI вв. до н. э. Найти достаточно четкие критерии для дробного хронологического членения этого типа удил пока не удалось, но поиски в этом направлении ведутся. А. И. Тереножкин отмечает, что у удил черногоровского типа дужка петли в общем плавно переходит в «подножку», оговаривая при этом, что «удила, сходные с черногоровскими, есть и среди раннескифских находок, но для раннего скифского времени более типичны удила со стремечковидными петлями, подножки у которых выделены по концам более или менее крупными выступами, отсутствующими у доскифских экземпляров»².

Подобную схему развития стремечковидных удил предложила и В. И. Козенкова, но в более жестких рамках. По ее мнению, «не исключено, что выступ посредине основания стремечка является морфологическим признаком для ранней группы стремечковидных удил... до рубежа VII—VI вв. до н. э. С рубежа VII—VI вв. до н. э. на стремечках удил, кроме среднего выступа, появляются свисающие отростки по краям основания. Удила со свисающими по концам основания стремечка отростками, но без выступа или утолщения посредине, продолжали господствовать на протяжении всего VI в. до н. э.»³.

Однако имеющиеся в нашем распоряжении материалы не дают основания полностью согласиться с предложенной схемой. Во-первых, в первой половине VI в. до н. э. продолжают бытовать удила, имеющие ту же форму стремечка, что и удила второй половины—конца VII в. до н. э.: в форме гладкого стремечка без выступов, с выступом посредине «подножки», с выступами посредине и по краям основания стремечка, с гладким основанием и выделенными дужками, выступающими по краям основания. (Ср. удила из курганов 406 у с. Журавка, 346 у с. Орловец, 2 у с. Жаботин, 2 группы II у с. Медвин, 453 и 460 у с. Макеевка, из кургана у с. Емчиха, из курганов 471 у с. Оситняжка, 183 могильника В на р. Тенетинке, 38 у с. Гуляй-Город и 15 у с. Константиновки⁴.)

Во-вторых, «свисающие отростки» по краям гладкого, без выступа основания стремечка появляются не позже середины—второй половины VII в. до н. э. (находка у хут. Алексеевского, курганы у хут. Красное

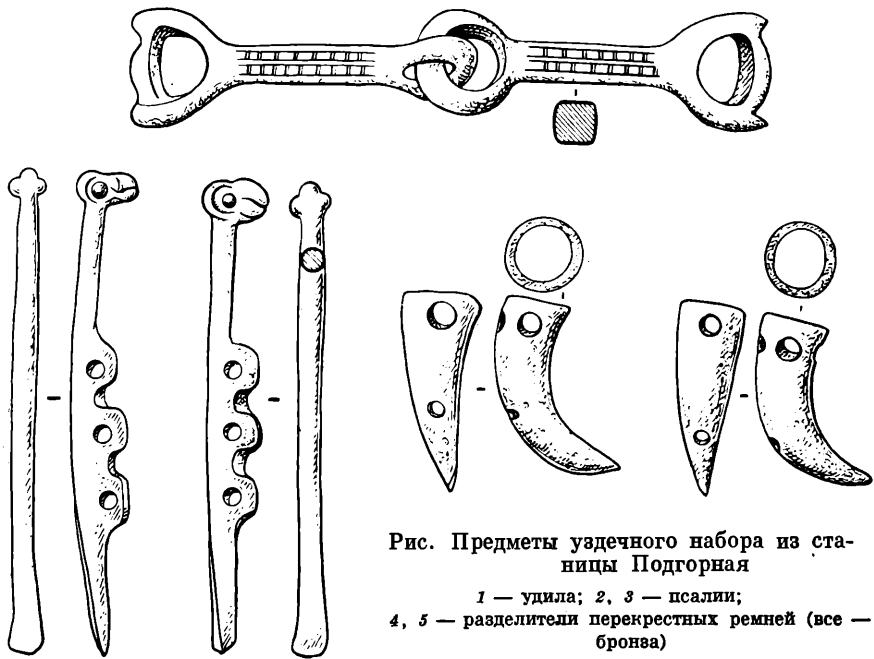

Рис. Предметы уздечного набора из станицы Подгорная

1 — удила; 2, 3 — псалии;

4, 5 — разделители перекрестных ремней (все — бронза)

Знамя, курган 15 у с. Константиновка и др.)⁵. К середине VI в. до н. э., вероятно, после нерациональных попыток изготовления стремечковидных удил из железа, присутствующих в ряде комплексов первой половины VI в. до н. э. из Прикубанья и левобережной лесостепи, побеждает появившаяся еще в начале VI в. до н. э. форма удил, сделанных из железного стержня круглого или квадратного сечения с загнутыми в круглые петли концами. Из сказанного следует, что прав А. И. Тереножкин, когда он замечает, что «черногоровские бронзовые удила со стремечковидными концами мало, а в некоторых случаях и совсем не отличимы от бронзовых удил с такими же концами, получивших массовое распространение в начале скифского периода»⁶. Нам представляется, что одним из временных признаков в данной форме может служить оформление стержня нарезкой в виде квадратиков, в исходной форме, возможно, выполнявших функцию строгости удил. Однако как в нашем случае, так и в большинстве других имеются нечеткие, слабо выступающие нарезки, которые давно утратили функциональную нагрузку и сделались орнаментальным элементом. Наиболее ранним проявлением этого орнамента, по видимому, можно считать полосу из двух рядов рельефных квадратиков на боковой стороне псалий из кургана у с. Камышеваха⁷. Затем он обильно представлен на двуколычатых удилах группы Новочеркасского клада⁸ и на стремечковидных удилах VII в. до н. э. (курган 1953 г. у Ставрополя, курган 524 у с. Жаботин, курганы у хут. Красное Знамя)⁹. На псалиях этого времени он встречен только однажды¹⁰. Среди достоверных памятников VI в. до н. э. орнамент из квадратиков нам неизвестен, если не считать двух удил из хищнических раскопок техника Д. Шульда у ст. Келермес, где они могли относиться и к более ранним или раннему погребению, чем основная группа. Из сказанного следует, что, появившись на предметах VIII—VII вв. до н. э., орнамент в виде рельефных квадратиков наибольшее распространение получает в VII в. до н. э. и к VI в. до н. э. выходит из употребления.

Форма и орнаментация публикуемых удил находят наиболее близкие соответствия среди 14 удил, происходящих из трех курганов VII в. до н. э. у хут. Красное Знамя, отличаясь лишь несколько большей массивностью стержней.

Трехпетельчатые бронзовые псалии нашей находки относятся к типу V по классификации А. А. Иессена¹¹. Морфологически они должны быть

сопоставлены с железными трехпетельчатыми псалиями, появление которых относится к VII в. до н. э., а время бытования ограничивается второй половиной VII—VI в. до н. э.

Выполнение псалия в бронзе едва ли говорит о его большей древности по сравнению с железными. Скорее это диктовалось художественным оформлением концов.

Бронзовых трехпетельчатых псалий, аналогичных подгорненским, известно очень немного. Они происходят с весьма отдаленных друг от друга территорий, на которых были распространены культура или вещи скифского типа, и при этом все они — не из комплексных находок. Один псалий был найден в Балашевском уезде бывш. Саратовской губернии¹², два — в Роменском уезде Полтавской губернии¹³ и два — в могильнике Фаскау близ селения Галиат¹⁴. При общем типологическом сходстве перечисленные псалии отличаются друг от друга в деталях. На псалиях из Роменского уезда изображены головка орла на одном и копыто — на другом конце, на псалиях из Фаскау — головка грифо-барана — на одном и копыто — на другом, на псалии из Балашевского уезда — головка грифо-барана, нижний конец его ровно обрезан. Публикуемые псалии отличаются тем, что имеют прямой стержень, уплощенный и слабо-расширенный в нижней части, как это часто бывает на железных трехпетельчатых псалиях. В верхней части псалии завершаются скульптурными головками баранов с характерными рогами, идущими от затылка вокруг круглого выпуклого глаза, но, в противоположность большинству известных воплощений этого образа на предметах узды VI в. до н. э.¹⁵, рога не выступают над мордой, а нос и губы показаны скупно с помощью двух врезных полос.

Помимо бронзовых экземпляров, известно несколько костяных псалий аналогичной формы, оканчивающихся головками баранов на одном и копытом — на другом конце, из курганов первой половины VI в. до н. э.¹⁶

Отмеченные детали — близость железным экземплярам, достаточная реалистичность образа барана, как нам кажется, могут свидетельствовать в пользу большей древности изучаемых псалий по сравнению с приведенными аналогиями.

И наконец, обратимся к бронзовым имитациям кабаньих клыков, служившим в данном случае в качестве разделителей перекрестных ремней. Бронзовые имитации клыков — разделители перекрестных ремней с территории Причерноморья нам неизвестны, поэтому при датировке их мы можем опираться только на костяные экземпляры.

Клыки кабана в системе скифской и савроматской уздечки употребляются с VII по V в. до н. э.¹⁷ Однако количество их находок невелико. Несколько чаще клыки употреблялись в качестве подвесок. С начала V в. до н. э. появились их бронзовые имитации¹⁸.

Рассмотренная находка, несомненно, представляет собой единый комплекс узды скифского типа и датируется в пределах второй половины VII—начала VI в. до н. э. Нам представляется, что в этих пределах она скорее должна быть помещена в VII в. до н. э.

¹ *Иессен А. А.* К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге европейской части СССР. — СА, 1953, XVIII, с. 52 сл.

² *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев, 1976, с. 150.

³ *Козенкова В. И.* Вопросы хронологии восточного варианта кобанской культуры в свете новых раскопок в Чечено-Ингушетии. — В кн.: Древние памятники северо-восточного Кавказа. Махачкала, 1977, с. 78.

⁴ *Ильинская В. А.* Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. Киев, 1975, табл. II, 37; VI, 2; VIII, 19, 20;

XIV, 5; XXI, 17; XXV, 19; XXIX, 7; *Ковпаненко Г. Т.* Курганы скифского времени у с. Медвин в Поросье. — В кн.: Скифы и сарматы. Киев, 1977, с. 57, рис. 11, 5; *Галанина Л. К.* Скифские древности Поднепровья. — САИ, 1977, вып. Д1-33, табл. 7, 4; 9, 4; 4, 7.

⁵ *Минаева Т. М.* Археологические материалы скифского времени в Ставропольском краевом музее. — В кн.: Материалы по изучению Ставропольского края. Ставрополь, 1956, 8, рис. 2, 8; *Петренко В. Г.* Отчеты о раскопках Ставропольской экспедиции в 1974, 1975 гг. Архив ИА, Р-1, № 5625, 6585;

- Бобринский А. А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. СПб., 1887, т. 1, табл. V, 10.
- ⁶ Тереножкин А. И. Киммерийцы, с. 149.
- ⁷ Там же, с. 49, рис. 19, 2.
- ⁸ Козенкова В. И. Вопросы хронологии..., с. 77.
- ⁹ Минаева Т. М. Археологические материалы..., с. 337, рис. 1, 9; Ильинская В. А. Раннескифские курганы..., табл. VII, 13; Петренко В. Г. Отчеты...
- ¹⁰ Минаева Т. М. Археологические материалы..., с. 338, рис. 2, 7.
- ¹¹ Иессен А. А. К вопросу..., с. 53, 54, рис. 3, 9.
- ¹² Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов. — МИА, 1961, 101, с. 80, рис. 43, 12.
- ¹³ Иессен А. А. К вопросу..., с. 53, рис. 3, 9.
- ¹⁴ Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, с. 125, табл. XIV, 5, 6.
- ¹⁵ Ильинская В. А. Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля. — СА, 1965, № 1, с. 98, 99, рис. 10, 1—7.
- ¹⁶ Ильинская В. А. Скифы днепровского лесостепного левобережья. Киев, 1968, табл. IV, 4, 11; XIII, 21; LIII, 20.
- ¹⁷ Петренко В. Г. Отчеты...; Смирнов: К. Ф. Савроматы. М., 1964, с. 306, рис. 13, 4а; Галанина Л. К. Скифские древности..., табл. 26, 4.
- ¹⁸ ИАК, 1908, 20, с. 6, 7, рис. 1; 1905, 14, с. 37.

А. М. МАНДЕЛЬШТАМ

МОГИЛЬНИК ДЖАНАК I

Могильник Джанак I расположен вблизи средней части восточного побережья залива Карабугаз, на расстоянии около 100 км к северу от ближайших пресных колодцев Чагыл, на краю обрывистого плато, считающегося оконечностью горного хребта Эрсари-баба. Он состоит из 12 каменных погребальных сооружений, образующих вытянутую с юго-востока на северо-запад цепочку (рис. 1). Вблизи от него имеются естественные впадины, в которых скапливаются воды весенних дождей.

Все сооружения этого могильника по внешнему облику сходны с каменными курганами, имеющими четко выраженные западины в средней части. В то же время у большинства курганов прослеживались участки горизонтальной кладки, как сохранившие свое первоначальное местоположение, так и сползшие, обычно перекрытые песчаными наносами. В западинах наблюдалось преобладание наклонно расположенных плит, но по краям также имелись участки кладки.

Исследование, включавшее в себя расчистку, разборку развала, выемку заполнения западин и физические разрезы, показало, что все сооружения конструктивно принадлежат к одному типу. Они наземные, открытой формы, с глухой погребальной камерой (не имеющей входа). Камера всегда расположена в центре и сложена из крупных плит. Кладка здесь регулярная, с перевязкой, выполнена тщательно: отчетливо прослеживался подбор плит по размерам для выравнивания слоев и внутренней поверхности стен. Верхние слои ее повсеместно имели нарастающее выступание концов внутрь, что особенно четко наблюдалось в углах. Имеются все основания полагать, что камеры имели перекрытие типа ложного свода, хотя завершающая часть его остается неясной.

Наружный контур сооружений образует кольцевидная кладка — стенка также выполнена с перевязкой и тщательно. В пределах сохранившихся частей она везде имеет вертикальный профиль, однако высота ее обычно невелика (всегда меньше камеры), что не позволяет высказать какие-либо твердые суждения относительно общего облика сооружений в первоначальном их виде. Размеры развала дают известные основания предполагать, что они были цилиндрическими, однако завершение могло иметь и иную конфигурацию.

Пространство между камерой и внешней стенкой заполнено плитами, которые в нижней части лежат горизонтально, а в верхней расположены главным образом беспорядочно. Поскольку все сооружения в большей или меньшей степени разрушены и притом как раз на периферии, остается

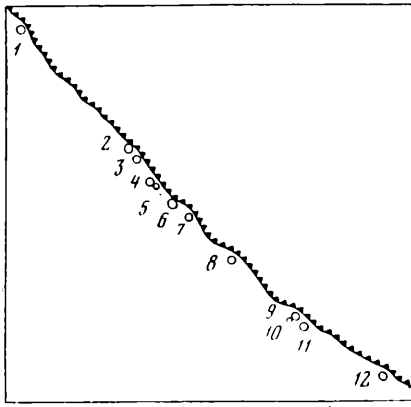

Рис. 1. План могильника Джанак I

ричного его нарушения, в частности локальные затеки. Отчасти это, по-видимому, связано с деятельностью мелких животных, главным образом грызунов. Поэтому достоверных данных относительно количества погребенных и их расположения в камерах не удалось получить. Весьма ограничены также сведения относительно состава сопровождающего инвентаря.

Сооружение 1. Почти полностью разрушено. Установлено наличие камеры из горизонтально уложенных плит, вероятно, вытянутой с юга на север. Размеры ее не определены. Находок, кроме единичных обломков костей, не было.

Сооружение 2 (рис. 2). Округлое, диаметром до 6,5 м. Камера четырехугольная, но неправильных очертаний (2,1×0,9 м), высотой до 1,2 м, вытянутая с юга на север. Нижняя часть ее образована большими плитами, поставленными на ребро, окруженными горизонтальной кладкой из обломков плит. Выше располагалась кладка из горизонтально лежащих плит. Концы верхних ее слоев выступали почти по всему периметру.

В заполнении камеры обнаружены обломки костей не менее трех скелетов, фрагмент венчика лепного сосуда (рис. 3, 5), два небольших обломка бронзового зеркала, обломки бронзовой скобочки (?) и три алебастровые статуэтки (рис. 4).

Сооружение 3 (рис. 5). Округлое, близкое к овальному, диаметром до 6,5 м. Камера овальная (2,6×2,0 м), высотой до 1,35 м, вытянута по линии юг—юго-восток—север—северо-запад. Образована она горизонтально уложенными плитами; наиболее крупные из них лежали в основании. Края кладки выступали внутрь очень четко, начиная с высоты пятого слоя.

В заполнении камеры найдены многочисленные кости не менее чем шести скелетов. Вблизи дна, в северо-восточной части обнаружено скопление обломков шести черепов. На этом же уровне в разных местах встречены пряслице из обломка изготовленного на круге сосуда (рис. 6, 1), раковина и обломки пяти лепных сосудов — горшков (рис. 3, 1; 4) и кружки (рис. 3, 2), а также одного сосуда, изготовленного на круге (рис. 3, 6).

Сооружение 4. Очень сильно разрушено. Сохранилась лишь западная половина овальной камеры, вытянутой с юга — юго-востока на север — северо-запад. Нижняя часть ее образована большими плитами, поставленными на ребро, и горизонтальной кладкой, расположенной вокруг них. На дне камеры найдены единичные обломки костей, фрагмент горловины изготовленного на круге кувшина (рис. 3, 7) и обломки двух лепных горшков.

неясным, чем объясняется указанная разница. Здесь в равной мере можно предположить как сочетание кладки с забутовкой, так и развал верхних слоев регулярного заполнения после обнажения их вследствие разрушения стенки.

Раскопки показали, что все сооружения ограблены, возможно, неоднократно. Повсеместно наблюдалась сходная картина: кости и остатки сопровождающего инвентаря, как правило, найдены лишь в заполнении, а на дне камер обнаружены только наслоения песка, носящие признаки постепенной аккумуляции. При разборке верхних частей заполнения прослеживались признаки вто-

Рис. 2. Могильник Джанак I. Сооружение 2

Сооружение 5. Почти полностью разрушено. Выявлены остатки камеры, образованной горизонтально уложенными плитами. Форма и размеры ее не установлены. Находок не было.

Сооружение 6. Сильно разрушено. Выявлены остатки круглого сооружения диаметром не менее 5 м с камерой из горизонтально уложенных плит в центре. Под развалом ее кладки найдены яйцевидная галька, обломок железного ножа (рис. 6, 3) и небольшой фрагмент лепного сосуда.

Сооружение 7. Округлое, диаметром до 7,5 м. Камера несколько смещена по отношению к центру на северо-восток, овальная (2,6 × 1,5 м), высотой до 1,2 м, вытянутая по линии юг—юго-восток—север—северо-запад. Образована она горизонтально уложенными плитами

Рис. 3. Могильник Джанак I.
Керамика

- 1, 2, 4, 6 — из сооружения 3;
3 — из сооружения 8;
5 — из сооружения 2;
7 — из сооружения 4

больших размеров. Концы этой кладки выступали внутрь, начиная с высоты 0,6 м.

В заполнении камеры найдены отдельные кости не менее четырех скелетов. На дне — лишь единичные обломки костей.

Сооружение 8. Округлое, диаметром до 6,5 м. Камера овальная (2,6×1,9 м), высотой до 1,4 м, вытянутая с юга на север. Образована она горизонтально уложенными плитами преимущественно больших размеров. Выступление концов плит внутрь прослеживалось главным образом в верхней части кладки.

В заполнении камеры обнаружены отдельные кости не менее трех скелетов, лепная кружка с отбитой ручкой (рис. 3, 3) и два пряслица, изготовленных из обломков лепных горшков (рис. 6, 2). На дне — лишь единичные, беспорядочно лежавшие обломки костей.

Сооружение 9. Почти полностью разрушено. В средней части выявлены

незначительные остатки камеры, образованной горизонтально уложенными плитами. Размеры ее не установлены. Находок не было.

Сооружение 10. Сильно разрушено. По-видимому, оно было округлым, диаметром не менее 6 м. Камера овальная (2,5×1,1 м), вытянутая с юго-востока на северо-запад; сохранилась лишь на высоту 0,4 м. Образована она горизонтально уложенными плитами. Прослежено два примыкающих друг к другу ряда этой кладки.

В заполнении камеры обнаружены отдельные кости не менее трех скелетов.

Сооружение 11. Округлое, диаметром до 6,5 м. Камера овальная (2,2×1,6 м), высотой до 1,2 м, вытянутая по линии юг—север. Образована она горизонтально уложенными плитами. В верхних слоях кладки четко выражено нарастающее выступание концов плит внутрь.

В заполнении камеры найдены обломки костей не менее четырех скелетов.

Сооружение 12. Сильно разрушено, причем прослеживались признаки выборки плит в недавнее время. Округлое, диаметром до 6,5 м. Камера овальная (2,6×1,9 м), высотой до 1,1 м, вытянутая с юго-востока на северо-запад. Образована горизонтально уложенными плитами больших размеров. В верхней части кладки четко выражено выступание концов плит по всему периметру.

В заполнении обнаружено значительное количество костей не менее пяти скелетов (в том числе обломки четырех черепов), а также частично поврежденная пронизь из египетского фаянса в виде фигурки льва, лежащего на овальной подставке (рис. 6, 4).

Рассмотренные погребальные сооружения характеризуются не только одновременностью, но и близостью размеров. Показательно практическое совпадение их во всех случаях, когда сохранность позволяет установить общие очертания и диаметр. Реальные различия между ними заключаются в деталях устройства погребальной камеры: в десяти случаях она образована горизонтально уложенными плитами, в двух — нижняя часть представляет собой сочетание установленных на ребро плит и горизонтальной кладки. Причины этих отличий неясны, но вряд ли носят хронологический характер. Вернее здесь предполагать отражение ка-

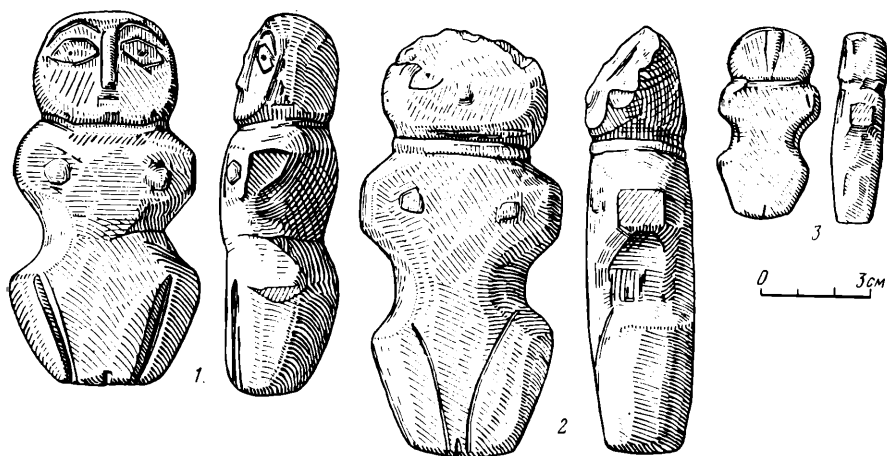

Рис. 4. Могильник Джанак I. Алебастровые статуэтки из сооружения 1 (1—3)

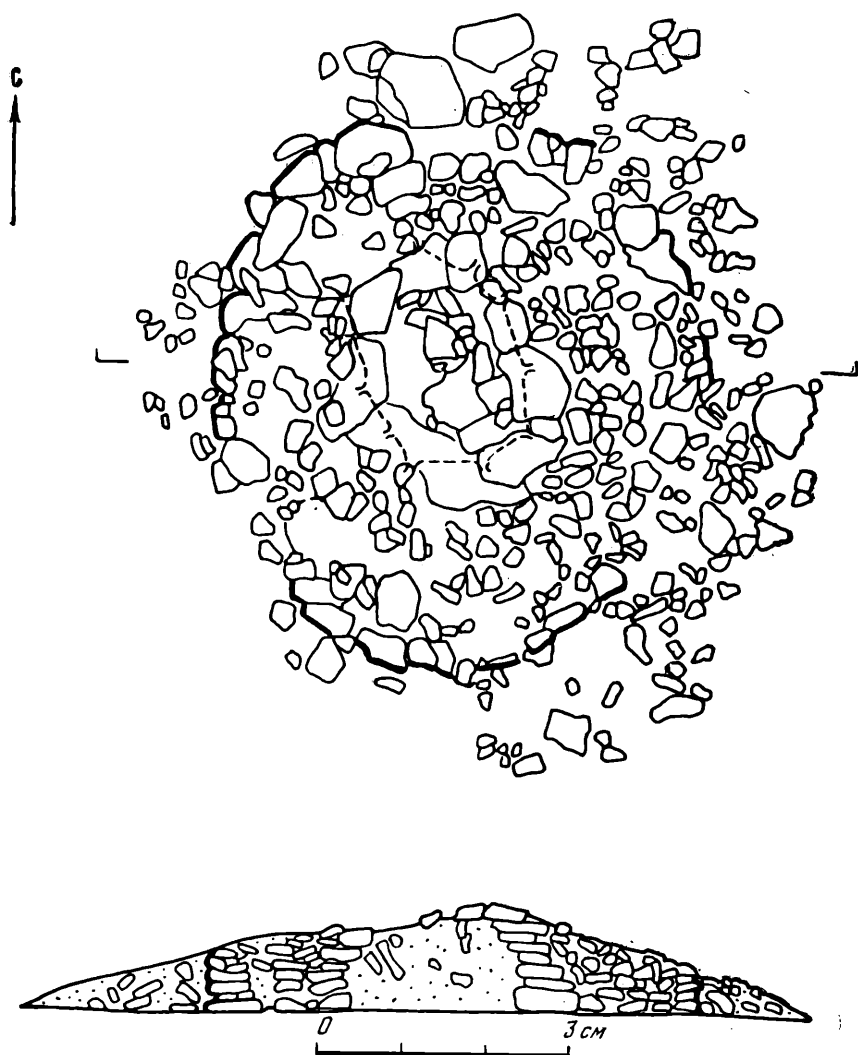

Рис. 5. Могильник Джанак I. Сооружение 3

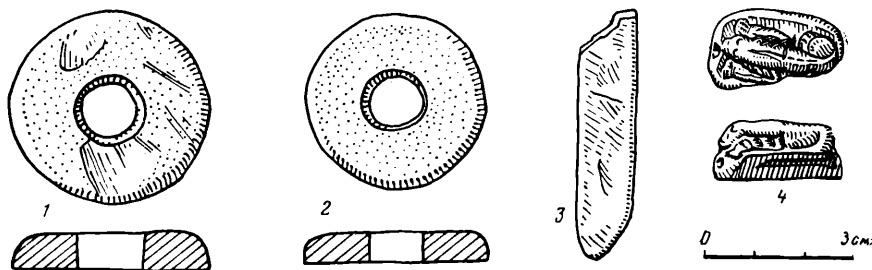

Рис. 6. Могильник Джанак I. Различные предметы

1 — из сооружения 3; 2 — из сооружения 8; 3 — из сооружения 5; 4 — из сооружения 12

ких-то традиций, восходящих к более раннему времени. Заслуживает внимания, что сосуществование сходных вариантов конструкций камеры известно и на других территориях, вплоть до отдаленной Центральной Азии.

Захоронения в исследованных сооружениях, судя по количеству костей, очевидно, носили многократный характер. Это явление в более четкой форме прослеживается и в ряде других сходных памятников Закаспия. Учитывая специфику конструкции, такие сооружения можно рассматривать как склепы, служившие местами погребения членов отдельных семей. Данная традиция здесь отмечается во всяком случае с середины I тысячелетия до н. э.: многократные захоронения обнаружены еще на первом этапе систематических исследований в Закаспии — в могильнике Гёк-даг II. Весьма важен вопрос, существует ли какая-то зависимость между размерами камер и числом погребенных в них, но при современном уровне наших знаний дать на него ответ еще невозможно.

Среди ограниченного числа в основном фрагментированных предметов сопровождающего инвентаря, найденных в могильнике Джанак I, преобладает керамика. Это главным образом обломки лепных сосудов с шаровидным и яйцевидным туловом — горшков различных размеров и небольших кружек с вертикальной налепной ручкой. Тесто их обычно содержит белые частицы минеральных примесей. Обжиг неравномерен, вследствие чего черепок имеет неравномерную окраску. Поверхность преимущественно серая различных оттенков, среди которых преобладает желтоватый. О костровом обжиге свидетельствуют различие окраски на отдельных участках и темные пятна нечетких очертаний. По фактуре и формам сосудов эта керамика аналогична той, которая встречается (во фрагментах) около многих старых колодцев Закаспия, в частности у северных склонов Больших Балхан.

Изготовленная на круге керамика представлена только двумя обломками — по-видимому, небольшого горшка (рис. 3, 6) и узкогорлого кувшина (рис. 3, 7). У кувшина, покрытого белым ангобом, четко отогнутый, овальный в сечении венчик. Близкие аналогии ему могут быть найдены в керамике Хорезма кушанского периода.

Из обломков круговой керамики вырезаны пряслица (рис. 6, 1, 2). Одно из них покрыто красным ангобом и снабжено полосчатым лощением, на другом сохранились участки светло-желтого ангоба со следами лощения. Оба носят признаки длительного использования.

Наиболее интересными и единственными в своем роде находками на этой территории являются уже упоминавшиеся статуэтки из алебаstra (рис. 4). Две из них сравнительно большие (высота 10,5 и 12 см), одна — маленькая (5,2 см). Самая крупная частично повреждена: сколота верхняя половина лица. Все они изображают сидящих (?) женщин, по общей конфигурации почти идентичны. Четко разделены голова, верхняя и нижняя части туловища. Туловище имеет восьмеркообразную форму с глубоким двусторонним вырезом посредине. Голова у всех

овальная, вытянутая в поперечном направлении. Лицевая поверхность уплощена, скошена вперед. Лоб очень низкий и покатый. Брови переданы изогнутыми, симметрично расположенными желобками, которые сходятся у верхнего конца носа, переданного прямым узким вертикальным выступом. Глаза овальные миндалевидные с опущенными вниз концами (только на больших статуэтках), изображены неровно выполненными врезными линиями, зрачки — округлыми углублениями. Рот намечен только на одной статуэтке нечеткой поперечной линией. На ней же прослеживается небольшой узкий подбородок, переданный нечетким утолщением посредине нижней части лица. У обеих больших статуэток на тыльной стороне головы сохранились отдельные участки, покрытые черной краской, которой, очевидно, были изображены волосы.

На малой статуэтке передан только нос, имеющий вид сравнительно широкого вертикального валика, доходящего почти до нижнего края лица. Эта особенность, так же как отсутствие изображений глаз и бровей, создает впечатление незавершенного изделия. У наиболее крупной статуэтки между головой и верхней частью туловища имеется гладкий кольцевидный валик, четко выделенный как на лицевой, так и на тыльной стороне. По-видимому, он изображает замкнутую гривну.

Верхняя часть туловища у всех статуэток близка по форме к вытянутому прямоугольнику со срезанными углами. Боковые, торцовые, стороны их имеют прямоугольный ровный срез; по местоположению он соответствует рукам. На передней части у больших статуэток — две небольшие округлые выпуклости, передающие грудь; у малой их нет. Переход к нижней части туловища у всех фигурок представляет собой резкий и глубокий округлый вырез в боковых частях.

Нижняя часть туловища имеет форму суживающейся книзу трапеции с округлыми контурами; передняя сторона плоская. На обеих больших статуэтках вдоль боковых сторон, на некотором расстоянии от них, расположено в одном случае — по глубокому желобку, в другом — по прочерченной каким-то острым предметом тонкой линии-канавке. Посредине нижнего края у всех трех имеется короткая вертикальная выемка.

Общей особенностью статуэток, привлекающей к себе внимание, является фактическое отсутствие у них ног и рук. Это вряд ли может быть объяснено специфической материала, из которого они изготовлены: он достаточно мягок и, несомненно, позволял вырезать полные фигурки. Причину, вероятно, следует искать в их назначении, так или иначе связанном с погребальным ритуалом. По-видимому, не случайно здесь наряду с большими статуэтками оказалась и малая. Однако какие-либо более конкретные суждения здесь невозможны ввиду отсутствия данных относительно конкретного местонахождения их при погребенных и сколько-нибудь близких аналогий в находках с этой же или близлежащих территорий. Привлечение параллелей из западных и восточных областей степного пояса неизбежно связано с необходимостью затронуть сложные вопросы, выходящие за рамки задач настоящей заметки.

Здесь также следует отметить, что рассмотренные статуэтки представляют собой первые образцы изделий, характеризующих искусство древнего кочевого населения Закаспия. Несмотря на явные черты условности в передаче отдельных частей тела, сопоставление их с произведениями коропластики земледельческих областей Средней Азии вполне правомерно. И тут обращает на себя внимание определенный параллелизм с некоторыми терракотами Согда кушанского времени, также характеризующимися широким лицом, наклонным расположением глаз и очень небольшим подбородком. По-видимому, в обоих случаях мы вправе видеть передачу реальных особенностей облика конкретных групп населения.

Несомненным импортом с юга является пронизь из египетского фаянса. Она заслуживает особого внимания не только как свидетельство существования и этого направления связей, но и как одна из возмож-

ных основ для датировки памятника. Учитывая имеющиеся сейчас данные относительно времени распространения украшений из указанного материала в Средней Азии (а также Северном Причерноморье), появление рассматриваемой пронизи в Закаспии может быть ориентировочно отнесено ко II—III вв. н. э. Это вполне согласуется с теми свидетельствами, которые дают фрагменты изготовленной на круге керамики.

Могильник Джанак I является пока единственным исследованным памятником указанного времени вблизи восточного побережья Карабугаза. Однако в этом районе известны и другие группы погребальных сооружений с глухой камерой, свидетельствующие о сезонном обитании здесь относительно многочисленного населения. Пути и направления его перекочевок сейчас еще невозможно установить, но они, очевидно, лежат в пределах ареала подобных погребальных сооружений, который простирается от Больших Балхан до Мангышлака и, возможно, далее, до Эмбы.

В. А. МОГИЛЬНИКОВ, А. П. УМАНСКИЙ

КУРГАН РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА НА ЧУМЫШЕ

Памятники ранних кочевников в степной части Алтая еще слабо изучены. Раскопанные в ряде пунктов курганы демонстрируют своеобразную культуру местного населения, имевшего тесные связи с сако-усуньскими племенами Казахстана, носителями большепереченской культуры, а также пазырыкской культуры Горного Алтая. Смешанный характер культуры, обусловленный тесными взаимными контактами разных этносов, прослеживается и в материале кургана, раскопанного у с. Точка (ныне пос. Юбилейный) на р. Чумыш в Целинном районе Алтайского края.

В 1978 г. произведены раскопки трех курганов в двух курганных группах, расположенных на верхней террасе левого берега р. Чумыш, напротив с. Точка. Эти курганные могильники эпохи ранних кочевников были открыты А. П. Уманским в 1963 г. и обозначены им как курганный могильник 2 (у основания высокого мыса, ориентированного на пос. Юбилейный) и курганный могильник 3 (на соседнем, отделенном широкой ложиной мысе).

В курганном могильнике 2 всего четыре кургана, два из которых раскопаны в 1978 г. В могильнике 3 курганов больше, но из-за высокого травостоя и малых размеров насыпей число их установить не удалось. Здесь раскопан один курган. Три кургана могильника 2 стоят компактной группой, вытянутой в общем направлении с юго-востока на северо-запад, а один — несколько в стороне. Раскопаны два кургана из северной части группы. Наиболее интересный материал содержал первый курган, описание которого следует ниже.

Курган овальный, диаметры 11 и 12 м, высота 0,2 м от современной поверхности и 0,4 м от погребенной почвы. Насыпь земляная, но в ней, особенно в центральной части, много камней. Сверху она была покрыта высокой травой. На поверхности прослеживался грабительский шурф в виде просадки диаметром около 2,5 м, глубиной 0,15 м. Шурф, врезавшись в северо-восточную часть могильной ямы, повредил захоронение лишь частично, в области нижних конечностей, которые были отброшены к стенке шурфа.

Могильная яма прямоугольно-овальной формы, размерами 2,65 × 2,05 м, глубиной 1,9 м от уровня современной поверхности и 1,3 м от уровня древнего горизонта, ориентирована по линии запад—северо-запад—восток—юго-восток, стенки почти вертикальные, дно плоское.

Заполнение — пестроцвет с камнями. Стенки ямы не окантованы. Могила имела деревянное перекрытие, устроенное, вероятно, около уровня древнего горизонта. Остатки перекрытия обнаружены в виде тлена в засыпке могильной ямы. Опоры у перекрытия не прослежены.

На дне ямы был похоронен мужчина 50 лет (?) с конем. Скелет коня лежал вдоль южной стенки могильной ямы. Голова коня была обращена на запад — северо-запад, шея и морда вытянуты, ноги подогнуты. Передней частью конь, завалившись, несколько закрывал правую половину скелета человека, лежавшего рядом, параллельно коню, почти посредине могильной ямы, несколько смещенно к северу. От покойника конь был отделен поставленным на ребро горбылем или плахой толщиной 4—5 см. Покойник был уложен на спину в вытянутой позе, головой на запад — северо-запад. Руки и ноги вытянуты. Череп повернут лицевой частью к северу. Часть костей смещена; сдвинуты кости таза и крестец, частично кости рук, позвонки и ребра. Длинные кости ног отброшены грабителями, на месте сохранились кости плюсны. Лучевая кость, поясничные позвонки окрашены в зеленый цвет (от бронзовых предметов — ?).

Инвентарь погребения небольшой, но представляет значительный интерес. В изголовье, между черепами коня и человека, стоял глиняный лепной кувшиновидный сосуд светло-коричневого цвета с гладко заглаженной поверхностью. Прослеживается подобие ангоба, в тесте — примесь песка, по шейке — орнамент из ряда «жемчужин» (рис. 1, 1). Высота сосуда 19 см, диаметры горла 10 см, дна — 8 см, шейки — 9 см, тулова (максимальный) — 15 см. Толщина стенок около 6 мм. В области пояса человека найдены остатки поясного набора, представленные бронзовой пряжкой с неподвижным шпеньком с остатками сыромятного ремня (рис. 1, 3; 2, 6), тремя бронзовыми литыми полусферическими бляшками с перемычками для крепления и остатками кожи на оборотной стороне (рис. 2, 3—5). Поверхность одной бляшки украшена орнаментом наподобие завитков. Тут же найдены литая бронзовая бляха в виде припавшего зверя кошачьей породы (рис. 2, 1), на обороте ее сохранились остатки кожи. Под костями человека в районе пояса находилась также массивная литая бронзовая бляха с изображением борьбы двух сопоставленных хищников из породы кошачьих (рис. 2, 2). На обороте этой бляхи — скоба, в которой находились остатки кожи от ремня, протернутого в скобу, и сухожилий, которыми бляха за скобу была припята к ремню. Перечисленные бронзовые бляхи служили, очевидно, украшением пояса.

Конь был взнуздан. В зубах его помещались железные однокольчатые удила очень плохой сохранности с костяными пластинчатыми двудырчатыми псалиями, лежавшими с обеих сторон морды лошади, один псалий разломан на две части (рис. 2, 9). Псалии несут следы стертости. С правой стороны от морды лошади, около удила, лежала костяная пронизка для перекрещивающихся ремней в виде головки грифона с четырьмя отверстиями. Она сделана, вероятно, из отростка рога и по форме имитирует клык кабана (рис. 2, 7). С левой стороны от морды лошади лежала вторая костяная пронизка в виде недоделанной головки грифона, с продольным

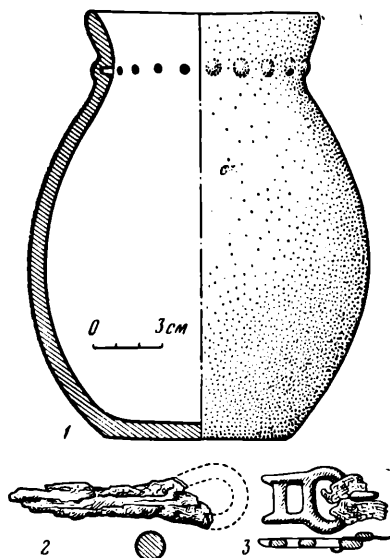

Рис. 1. Юбилейный. Курганный могильник 2. Находки из первого кургана

1 — глина; 2 — железо;
3 — бронза, кожа

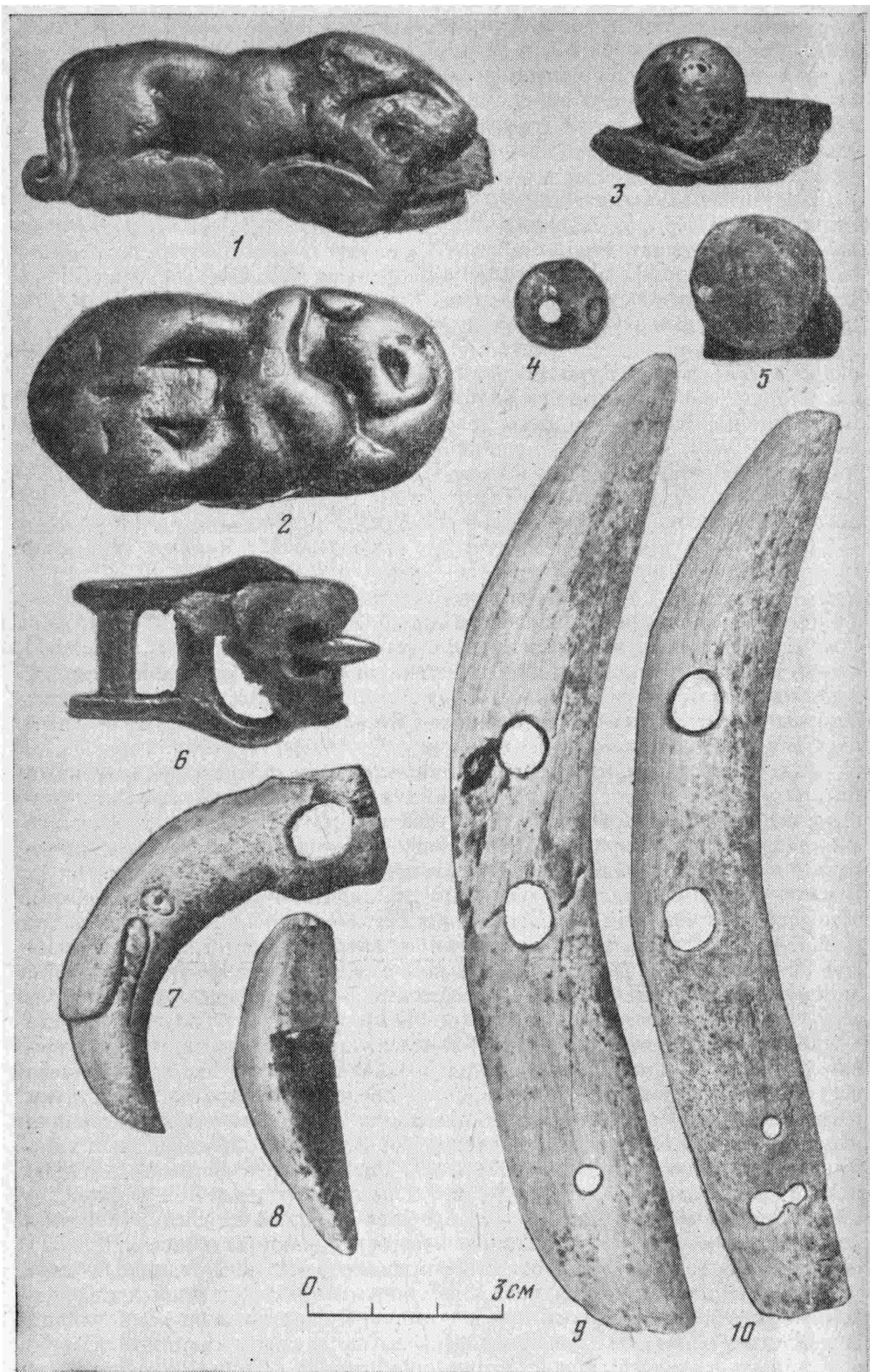

Рис. 2. Юбилейный. Курганный могильник 2. Находки из первого кургана
 1—6 — бронза; 7—10 — кость

отверстием, служившая, очевидно, для крепления подчелюстного ремня и украшения сбруи (рис. 2, 8). От железных удил сохранилось только одно звено.

Аналогичный обряд погребения прослежен во втором кургане, раскопанном в той же группе. Под насыпью, диаметры которой 14 и 12 м, а высота 0,4 м, находилась могильная яма, деформированная грабительским прокопом. Размеры ямы $3 \times 1,1$ м, глубина 1,25 м от уровня древнего горизонта, ориентирована с северо-запада на юго-восток. В яме находилось захоронение человека с конем, полностью разрушенное грабителями. Кости хаотически перемешаны. Инвентарь не обнаружен, но на нижней челюсти лошади и храповине видны следы медных окислов, так что, по-видимому, конская сбруя была украшена бронзовыми изделиями. Ориентировка ямы близка ориентировке погребения первого кургана.

Подобный ритуал захоронения выявлен также в первом кургане группы 3. Под насыпью размерами 9×8 м, высотой 0,1 м (от уровня горизонта погребенной почвы — 0,35 м), сложенной из земли и камней, находилась деформированная грабителями прямоугольная могильная яма размерами $2,3 \times 1,6$ м, глубиной 1,9 м от уровня древнего горизонта, ориентированная по линии северо-запад—юго-восток. Сверху яма была накрыта деревянным перекрытием, обломки которого встречались в заполнении могильной ямы, состоявшем из земли и камней. В яме находилось захоронение человека с конем, полностью разрушенное грабителями. Кости перемешаны. Кроме костей человека, встречены кости овцы, остатки заупокойной пищи. Некоторые из костей окрашены в зеленый цвет окисью меди от предметов погребального инвентаря, похищенных грабителями. Среди костей в инвентаре представлены секировидный фрагмент полностью окислившейся железной бляхи со следами штифта на оборотной стороне для крепления на коже, а также фрагмент чашевидного сосуда с пояском ямок вдоль венчика.

Сходство в форме насыпей, ориентировке погребений, могильных ям, остатки деревянных перекрытий, сама конструкция курганов говорят о принадлежности их к одной культуре и о хронологической близости. Основанием для датировки служит материал первого кургана.

Представленный в этом погребении сосуд по форме, орнаментации и технике изготовления подобен сосуду из могильника Сростки II на Алтае, который датируется переходным временем от бийского (V—III вв. до н. э.) к березовскому этапу (II в. до н. э.) большебереченской культуры¹. В материале этого же памятника находит аналогии костяная сбруйная застежка с кососрезанным основанием (рис. 2, 8)². Подобного типа застежки представлены также в памятниках хунну III—I вв. до н. э.³ Вторая костяная ворворка для перекрещивающихся ремней (рис. 2, 7) находит аналогии в вещах подобного типа, имитирующих по форме клюв хищной птицы или клык кабана, в могильниках Сростки II⁴, Бийском⁵, памятниках этапа II уюкской культуры Тувы⁶ и др. Однако изображение головы грифона среди них отсутствует. Такое изображение сближает рассматриваемую ворворку и савроматские подвески-амулеты с зооморфными фигурами, которые относятся к V в. до н. э.⁷ Стилистически наибольшую близость обнаруживает бляха из позднемайэмйского кургана у с. Туяхта⁸, где также изображена голова хищной птицы с сильно увеличенными восковицей и загнутым клювом. Следует, однако, отметить, что изображения на туяхтинской бляхе исполнены с большей выразительностью, изображенные фигуры более экспрессивны, что говорит в пользу большей древности туяхтинской бляхи.

Бронзовые литые полушаровидные бляшки известны в памятниках VI—IV вв. до н. э.⁹ На бляшках из этих же памятников представлен узор в виде волотообразных завитков¹⁰. Бронзовая пряжка с выступающим язычком по общей форме сближается с пряжками такого облика VI—IV вв. до н. э., еще не имевшими язычка¹¹. Общими для них являются рамочный щиток и остроносая дужка приемника. Выступающий вперед неподвижный шпенец приближает данную пряжку к широко распростра-

ненным в IV—III вв. до н. э. пряжкам с неподвижным шпеньком¹². Наиболее близкую аналогию в ранних комплексах представляет бронзовая пряжка с язычком из второго Туектинского кургана¹³, относящегося к VI—V вв. до н. э., а также костяные пряжки подобного типа с выступающими язычками из Пазырыкских курганов¹⁴.

Бронзовая бляха с изображенными в геральдической позе двумя противопоставленными фигурами хищников кошачьей породы (рис. 2, 2) довольно оригинальна. Подобные композиции хищников представлены в архаическом зверином стиле Причерноморья¹⁵, на перекрестиях кивжалов и бляшках со среднего Енисея, из районов тагарской культуры¹⁶, и далее на восток, вплоть до Ордоса¹⁷. При общности композиции изделия этого рода различаются отдельными деталями, а также породой изображенных животных. В данном случае, вероятно, изображены барсы.

Бляха с изображением припавшего хищника, также, по-видимому, барса (рис. 2, 1), имеет аналогии в материалах памятников VI—IV вв. до н. э., в том числе в савроматском и сакском зверином стиле VI—V вв. до н. э.¹⁸ Изображение барсов на бляхах позволяет предполагать местное, скорее всего горноалтайское, производство этих блях. Барс относится к представителям фауны алтайских высокогорий, а его образ широко представлен в зверином стиле пазырыкской культуры¹⁹.

Найденные в кургане железные двусоставные однокольчатые удила с костяными двудырчатыми псалиями (рис. 2, 9, 10) появились в VI в. до н. э. и бытовали до VI—VII вв. н. э.²⁰

Приведенные параллели вещам, обнаруженным в кургане, учитывая несколько более поздний облик изображения головы птицевидного грифона на костяной ворворке (рис. 2, 7) по сравнению с подобным изображением на туяхтинской бляхе²¹, позволяют датировать курган V—началом III в. до н. э., наиболее вероятно — IV в. до н. э. Эта дата может быть условно распространена и на два других раскопанных здесь кургана.

Открытые в курганах у пос. Юбилейный погребения в сопровождении коня представляют большой интерес. Обряд захоронения человека с конем был присущ племенам майэмирской и пазырыкской культур Алтая и совершенно не свойствен населению более северных степных, равнинных районов Алтайского края. Помимо погребений с конем, исследованных на Чумыше, захоронение с двумя конями известно в кургане 2 могильника Сростки II²². Покойник здесь также был обращен головой на запад, а лошади уложены вдоль южной стенки могильной ямы. Погребение с конем вскрыто также под каменно-земляным курганом в могильнике у горы Тепсей около с. Лебяжье на р. Бия²³. Кости человека и коня в этом погребении перемешаны грабителями, но судя по положению черепа человека в западной части могильной ямы, можно предполагать западную ориентировку погребенного. Погребения с конем (головой на запад—юго-запад и юго-запад) изучены в могильниках Бийск I, II и Быстряном²⁴.

Все пять указанных погребений с конем обнаружены в степных предгорных районах Алтая. Эти районы еще недостаточно изучены, и в дальнейшем количество таких погребений может увеличиться. Встает вопрос об их культурной принадлежности. Знакомство с материальной культурой памятника показывает ее двукомпонентность. Распространение обряда погребения с конем связано, вероятно, с инфильтрацией в степные предгорные районы полукочевого населения Горного Алтая, принесшего с собой этот обряд. В других окружающих районах обряд погребения человека с конем не был распространен, а следовательно, не мог быть оттуда заимствован.

С памятниками Горного Алтая указанные комплексы сближает также кувшиновидная форма большинства сосудов, которая наряду с конскими захоронениями свидетельствует о подвижном образе жизни хотя бы части населения. С другой стороны, в орнаментации керамики широко представлены узоры в виде «жемчужин», ямок и резной «елочки» вдоль вен-

чика, характерные для большеберченской культуры верхней Оби²⁵. Такой синкретичный характер культуры предполагает участие в формировании ее населения горноалтайского и большеберченского этносов при некотором воздействии каменной культуры, локализуемой в основном в степном левобережье Оби²⁶ и обнаруживающей сходство с сако-усуньскими памятниками Казахстана. Участие носителей каменной культуры в этнических процессах степных предгорий констатируется сходством ряда форм кувшиновидных сосудов, западной ориентировкой погребенных и устройством над захоронениями продольных бревенчатых накатов, представленных в той и другой культурах²⁷.

Контакт носителей большеберченской культуры с племенами степных предгорий Алтая и каменной культуры степного левобережья Оби, хозяйство которых базировалось на скотоводстве, не прошел для большеберченцев бесследно. Очевидно, под влиянием скотоводов возрастает роль скотоводства у населения большеберченской культуры. Появление на березовском этапе кувшиновидных сосудов у большеберченцев, отмеченное М. П. Грязновым²⁸, связано с увеличением их подвижности, с возможным развитием отгонного скотоводства. В свою очередь это укрепило экономическую базу, создало большую обеспеченность продуктами основной массы населения, что отражено и в материалах погребальной обрядности²⁹. Вероятно, роль скотоводства к концу I тысячелетия до н. э. постепенно возрастала и приближала тип хозяйства большеберченцев к хозяйству соседних полукочевых племен.

Этническая карта равнинной части Алтайского края во второй половине I тысячелетия до н. э. была довольно сложной. Лесные районы правобережья Верхнего Приобья и частично левобережья занимали племена большеберченской культуры. Степное левобережье было занято племенами каменной культуры, отдельные памятники которой отмечены на правобережье (Раздумье, Соколово, Дресвянка)³⁰. Степные районы алтайских предгорий были заняты носителями синкретичной культуры, сочетавшей элементы культуры населения Горного Алтая, большеберченцев и продвинувшегося с юго-запада каменского этноса. Все эти культуры тесно взаимодействовали, население перемешивалось, и к концу I тысячелетия до н. э. большеберченская культура в большой мере утратила свою оригинальность, наиболее ярко выраженную на первом, собственно большеберченском, и в меньшей мере — на бийском этапах.

¹ *Завитухина М.* Курганный могильник Сростки II на Алтае. — СГЭ, 1966, XXVII, с. 53.

² Там же, рис. 1, 17.

³ *Davudova A. V.* The Ivölga Gogodishche. — Acta Archaeologica Hungaricae, 1968, XX, fig. 14, 41.

⁴ *Завитухина М.* Курганный могильник Сростки II. . . , рис. 1, 15.

⁵ *Завитухина М. П.* Могильник времени ранних кочевников близ г. Бийска. — АСГЭ, 1961, 3, рис. 6, 4, 6.

⁶ *Маннай-Оол М. Х.* Тува в скифское время. М., 1970, рис. 19, 11, 12.

⁷ *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М., 1964, с. 216—219, рис. 78, 8.

⁸ *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951, табл. XXVIII, 11.

⁹ *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов. — МИА, 1961, 101, рис. 51, 9, 10, 16, 17.

¹⁰ *Смирнов К. Ф.* Савроматы, рис. 28, 20, 21; *Руденко С. И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960, рис. 129, л, м.

¹¹ *Руденко С. И.* Культура населения Центрального Алтая. . . , табл. XXXIX; LXIV.

¹² *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры. — САИ, 1963, вып. Д1-10, табл. 25.

¹³ *Руденко С. И.* Культура населения Центрального Алтая. . . , табл. С1Х, 5.

¹⁴ *Руденко С. И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953, табл. XLVI, 6; XLVIII, 7; LX, 13.

¹⁵ *Tchlenova N.* L'art animalier de l'Époque Scythique en Sibérie et en Pontide. — In: VI Congress International des sciences prehistoriques et protohistoriques. Moscou, 1962, Tabl. III, 31.

¹⁶ *Членова Н. Л.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967, табл. IV, 11, 12, 25—26.

¹⁷ Burlington Magazine. London, 1931, LIX, fig. D; *Salmony A.* Sino-Siberian Art in the Collection of C. T. Loo. Paris, 1933, tabl. XXX, 2.

¹⁸ *Завитухина М. П.* Курганы у с. Быстринского в Алтайском крае. — АСГЭ, 1966, 8, рис. 3, 1; *Смирнов К. Ф.* Савроматы, с. 225, рис. 78, 1, 2; *Кожомбердыев И.* Основные этапы истории культуры Кетмень-Тюбе. — В кн.: Кетмень-Тюбе. Фрунзе, 1977, цветная фо-

- тоаблица 2. В подобной же позе дано изображение оленя на бляшке из кургана Иссык. См.: *Акишев К. А. Курган Иссык*. М., 1978, с. 101, рис. 20.
- ¹⁹ *Руденко С. И.* Культура населения Горного Алтая..., рис. 156—159.
- ²⁰ *Гаврилова А. А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965, рис. 16, 2.
- ²¹ *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири, табл. XXVIII, 11.
- ²² *Завитухина М.* Курганный могильник Сростки II..., с. 51.
- ²³ Материал фондов Бийского краеведческого музея. Исследования Б. Х. Кадикова.
- ²⁴ *Грязнов М. П.* История древних племен верхней Оби. — МИА, 1956, 48, с. 98; *Завитухина М. П.* Могильник времени ранних кочевников..., с. 94; *Она же.* Курганы у с. Быстриянского..., с. 69.
- ²⁵ *Грязнов М. П.* История древних племен..., табл. XXV; XXIX.
- ²⁶ *Могильников В. А.* К вопросу о причинах и характере миграций в лесах Западной Сибири в раннем железном веке. — В кн.: Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск, 1979, с. 47; *Уманский А. П.* О культурной и этнической принадлежности курганов раннежелезного века в лесостепном Алтае. — В кн.: Барнаулу 250 лет. Барнаул, 1980, с. 51.
- ²⁷ *Могильников В. А.* К вопросу о причинах..., с. 47; *Завитухина М. П.* Могильник времени ранних кочевников..., рис. 2, 1, 12, с. 94.
- ²⁸ *Грязнов М. П.* История древних племен..., с. 97; *Уманский А. П.* О культурной и этнической принадлежности..., с. 50.
- ²⁹ *Грязнов М. П.* История древних племен..., с. 98.
- ³⁰ *Уманский А. П.* Итоги археологических исследований на территории Алтайского края за 50 лет Советской власти. — Известия Алтайского отдела Географического общества СССР. Барнаул, 1969, 10.

Ю. С. ГРИШИН

ПАМЯТНИКИ БАРХОТУЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ВОСТОЧНОМ ЗАБАЙКАЛЬЕ

Забайкальские погребальные памятники бархотуйской культуры, сравнительно недавно выделенной А. П. Окладниковым и отнесенной им к II—VIII вв. н. э.¹, несмотря на значительное количество раскопанных памятников (около 150 погребений)², пока еще получили довольно слабое освещение в литературе. В первую очередь речь идет о полных публикациях материалов этих исследований, а не о тех или иных работах, в которых в краткой форме излагаются некоторые выводы общего порядка³. За исключением упомянутой работы А. П. Окладникова, здесь можно назвать, пожалуй, только небольшие статьи Е. В. Ковычева и Ю. С. Орлова⁴, но они опубликованы в основном в малоизвестных широкому читателю местных изданиях. Поэтому публикация ряда раскопанных в 1968 г. Восточнозабайкальским отрядом Института археологии АН СССР погребальных памятников этой культуры может представить некоторый интерес, в особенности для специалистов в области раннего средневековья.

Памятники бархотуйской культуры распространены в степных и лесостепных районах восточного Забайкалья и, судя по всему, сменяют здесь памятники культуры плиточных могил, принадлежащей раннекочевническим скотоводческим забайкальским племенам. На основании некоторых важных фактов высказано мнение, что их начальную дату, предложенную А. П. Окладниковым, следует несколько углубить в гуннское время: вначале бархотуйцы, видимо, являлись восточными соседями гуннов, занимавших в основном западное Забайкалье⁵. Бархотуйские могильники располагаются чаще всего в глухих и узких распадках, на склонах и у самого подножия гор, имеющих выход к водным источникам. Сами погребальные сооружения представляют собой невысокие курганы в виде задернованных округло-овальных каменных кладок, под которыми, как правило, имеются могильные ямы, в которых часто в различных позах лежат почти исключительно одиночные погребенные. Из-

редка покойники в погребениях лежат в прямоугольных ящиках типа «цист», образованных стоящими на ребре плитками камня, и над ними иногда фиксируется настил плиточного покрытия. Зарегистрированы также отдельные погребения в деревянных гробах, в берестяных мешках и овчинных шубах. Были отмечены и памятники поминального характера — курганы-кенотафы. Сделано интересное наблюдение об ориентировке погребенных. Замечено, что вытянутым труположениям свойственна в основном западная и северо-западная ориентировка, а скорченным и полускорченным — северная, северо-восточная и восточная⁶.

Обычны в бархотуйских погребениях находки железных ножей и шильев, железных и костяных наконечников стрел, костяных обкладок сложных луков, крючков от колчанов, остатков железных пластин от лат, обломков железных удил с неразъемными кольцами, железных и костяных пряжек от ремней, игольников и разнообразных предметов украшений. Однако самой броской, характерной особенностью погребального инвентаря является подавляющее преобладание в нем довольно однообразной керамики. Это плоскодонные или изредка с округлыми поддонами глиняные сосуды с узким горлом и сильно отогнутым наружу венчиком. На них имеется горизонтальный валиковый орнамент, нередко с насечками на валиках, причем сами валики иногда прерываются и опускаются вниз концами. А. П. Окладников видит определенную связь этой керамики с древней керамикой Приамурья и Приморья⁷. Кроме того, в заполнении погребальных сооружений и могилах часто встречаются древесные угли или иногда целые кострища, а также расколотые и обожженные кости, относящиеся, судя по отдельным определениям, к домашним животным.

В последнее время все больше утверждается мысль о возникновении бархотуйской культуры в восточном Забайкалье при ассимиляции пришлыми племенами дун-ху местного населения культуры плиточных могил. Факт их переселения в этот район фиксируется и письменными источниками⁸.

Таковы вкратце имеющиеся к настоящему времени основные сведения о памятниках бархотуйской культуры восточного Забайкалья.

Рассматриваемые здесь бархотуйские погребения раскапывались в Чернышевском р-не Читинской обл. в двух больших могильниках в пади Могильной и у горы Голый Мыс, близ пос. Шевья, расположенного на р. Куэнга. В каждом из них было раскопано по три могилы.

Обширный могильник в пади Могильной находится в 7 км к востоку от пос. Шевья. Небольшие курганные насыпи в количестве 111 вытянулись по северному склону этой пади на расстояние 0,5 км. Три раскопанные насыпи представляли собой несколько возвышавшиеся над землей, задернованные с поверхности овально-четырёхугольные кладки из камней, смешанные со светло-серой супесью, под которыми находились сравнительно неглубокие могильные ямы, имевшие то же заполнение.

Первая из них имела размеры 2,75×2,60 м и прослеживалась на глубину до 85 см. Обнаруженная под ней могильная яма шла на глубину до 25 см. На дне ее находился в основном сохранившийся скелет покойника, ориентированного головой на запад, лицом обращенного к северу. Погребенный лежал в вытянутой позе на левом боку, правая рука согнута. Анатомическое положение костей (лопаток и зубов) было несколько нарушено, в частности зубы были разбросаны в области черепа и ног. У локтя левой руки обнаружен темно-серый плоскодонный сосуд с оттянутым наружу, несколько обломанным венчиком и шаровидно-выпуклыми стенками, украшенными по плечикам горизонтальным валиком со спускающимися с него отдельными короткими отростками (рис., 7). У левой ноги найдена цилиндрическая бирюзовая бусина. Других находок в этой могиле, за исключением обнаруженного в насыпи фрагмента кости какого-то животного, не зафиксировано.

Несколько более вытянутая с запада на восток вторая раскопанная кладка имела размеры 3,10×2,60 м и прослеживалась до глубины 40 см.

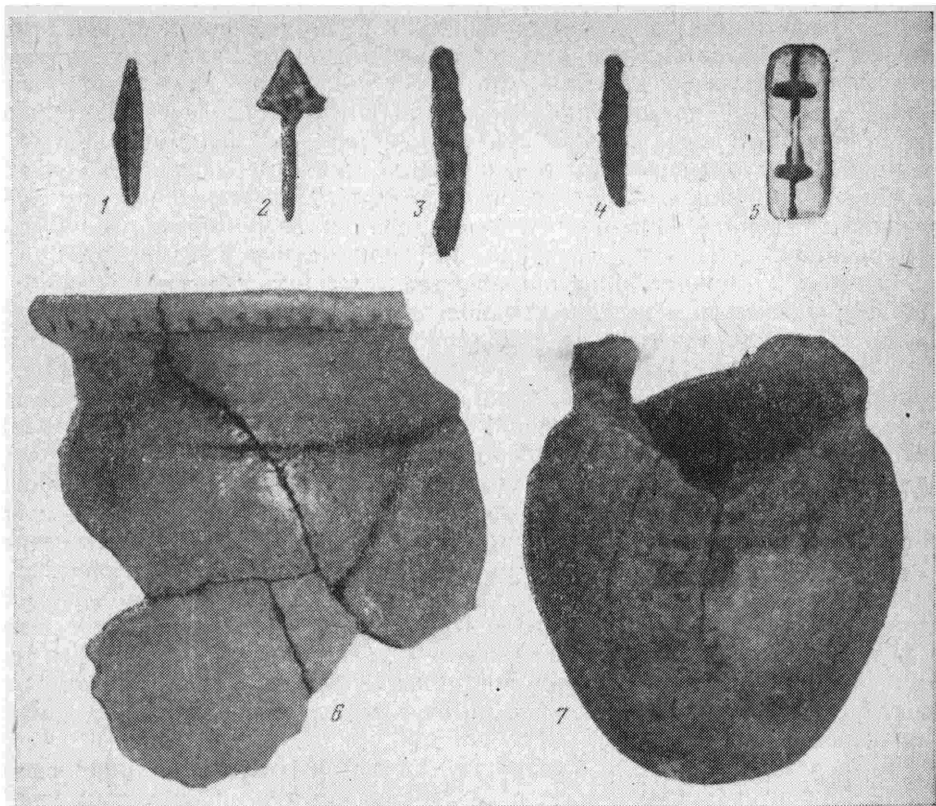

Рис. Материалы из могильников

1, 6, 7 — в пади Могильной; 2—5 — в местности Голый Мыс

Сразу же под дерном, близ центра кладки, обнаружены кусочки обгорелой бересты, а около ее северо-западного края — большое скопление керамики. Здесь находились фрагменты стенок, венчиков и донышек, по-видимому, двух больших плоскодонных темно-коричневых сосудов. Их венчики резко отогнуты наружу и имеют насечки по внешнему краю, а стенки выпуклые с валиком по плечикам (рис., 6). На некоторых фрагментах отмечены насечки и на валиках. Эти остатки керамических сосудов, видимо, были выброшены грабителями из могильной ямы, имевшей глубину до 25 см, поскольку в ней обнаружены совершенно такие же фрагменты. От погребенного в ней сохранились лишь отдельные, в большинстве разбросанные фрагментарные кости, причем сильно разрушенный череп лежал в западной части могилы, а поверх него находились отдельные кости ног. Кроме ряда фрагментов отмеченной керамики, располагавшихся в северо-восточном углу могилы, и отдельных мелких угольков, встреченных в ее насыпи, никаких других находок не обнаружено.

Размеры каменной кладки третьей исследованной могилы с севера на юг составляли 2,20 м, а с запада на восток — 2,70 м. Она прослеживалась на глубину до 50 см. При разборке встречались мелкие обломки жженных трубчатых костей, по всей видимости животных. Несколько за пределами северо-западной оконечности кладки, на глубине около 30 см от поверхности обнаружен мелкий фрагмент какой-то костяной поделки с просверленным отверстием, скорее всего обломок псаля. На дне могильной ямы, имевшей глубину до 60 см, в основном сохранился косяк погребенного, лежавшего на спине в вытянутом положении, черепом на запад. Около его левого плеча найдена придонная часть плоскодонного сосуда с оббитыми краями. В ней вместе с землей находились мел-

кие угольки, которые обнаружены и по всей могильной яме. Под сосудом найден костяной трехгранный наконечник стрелы, тулово которого плавным сужением переходило в черешок (рис., 1). Несколько хуже сохранились близкие по форме узкие костяные трехгранные и четырехгранные наконечники стрел, встреченные у правого плеча и у кисти левой руки покойника. У кисти левой руки найден почти полностью разложившийся железный предмет, скорее всего также наконечник стрелы, а под кистью правой руки — фрагмент какой-то железной стерженьковой вещи — возможно, обычной овально-прямоугольной бархотуйской пряжки с язычком. Кроме того, в северо-восточном углу могилы, у левой ноги, обнаружены фрагменты костяных обкладок лука.

Все сохранившиеся изделия из этих могил, типичные и для многих других погребальных памятников бархотуйского типа, к сожалению, не дают оснований для более точной их датировки внутри довольно широкого хронологического диапазона существования бархотуйской культуры, охватывающей почти все I тысячелетие н. э. Можно лишь с некоторым основанием предположить, что первая из рассмотренных могил относилась к числу наиболее ранних погребений бархотуйской культуры, поскольку в ней обнаружена цилиндрическая бирюзовая бусина, аналогичная нередко находимым в плиточных могилах Забайкалья⁹.

Другой бархотуйский могильник, насчитывающий 61 могилу, располагается в 1,5—2 км от пос. Шевья, на южном склоне горы Голый Мыс. Могилы здесь находятся в нижней, более пологой части каменистого склона, образующего с противоположным несколько более низким всхолмлением небольшую падь. Наибольшая концентрация погребений наблюдалась в восточной половине могильника. В этой половине и исследованы три могилы. Конструкция их погребальных сооружений в целом аналогична конструкции погребений, исследованных в пади Могильной, за исключением последней из рассматриваемых ниже, где не обнаружено могильной ямы.

Каменная кладка первой из раскопанных могил имела размеры 2,50×2,30 м и шла на глубину до 40 см. Уже под ее камнями около северо-восточного края в одном месте было обнаружено скопление фрагментов темно-коричневого сосуда с выпуклыми стенками, с валиком и слегка отогнутым венчиком с насечками по краю. В скоплении встречены мелкие жженые кости и угольки. В могильной яме, имевшей глубину до 25 см, в основном сохранился в анатомическом порядке скелет погребенного, ориентированного головой на север с небольшим отклонением на запад, лежавшего на спине в вытянутом положении, с правой рукой, полусогнутой и опущенной в область таза, а левой — находящейся под ребрами. Около его левого плеча найдена придонная часть темно-коричневого плоскдонного сосуда. Рядом с сосудом, слева от черепа, лежали железный плоский треугольный черешковый наконечник стрелы с остатками древка (рис., 2) и фрагмент костяного насада с отверстием, предназначенного для свистящего наконечника стрелы. В области шеи, ближе к правому плечу, обнаружена расколотая продольно костяная пряжка прямоугольной формы с двумя поперечными отверстиями и подвижным язычком (рис., 5). Под левой тазовой костью найден сильно перержавевший железный ножичек (рис., 3).

Каменная кладка второй исследованной могилы имела размеры 2,15×2,15 м и продолжалась на глубину до 45 см. При раскопках в кладке и под ней встречались отдельные небольшие фрагменты темно-коричневой керамики, а также мелкие жженые косточки и угольки. В могильной яме, имевшей глубину до 25 см, обнаружен плохо сохранившийся череп человека и отдельные фрагментарные кости рук и ног. Расположение могильной ямы и сохранившихся в ней костей, по всей видимости, свидетельствует об ориентировке покойника головой на северо-запад. У лица найден миниатюрный железный ножичек с выделенным черешком для насада на рукоять (рис., 4), а около костей ног — фрагмент железного наконечника стрелы — черешок.

Кладка последней из раскопанных могил этого могильника шла на глубину до 55 см и имела размеры с севера на юг 1,90 м и с запада на восток — 1,60 м. Как уже говорилось, какие-либо следы могильной ямы под ней обнаружить не удалось. В слое светло-серой супеси, постепенно переходившей под кладкой в более светлый материковый слой, были встречены явно нарушенные отдельные фрагментарные кости черепа и ног покойника. Около черепа погребенного, обращенного лицом к юго-востоку, но ориентированного на северо-запад, и под ним были найдены разнообразно украшенные: две части бронзовой спиральной пронизки из тонкой проволоки, маленькая золотая пластинчатая подвеска с отверстиями с двух противоположных концов, фрагменты мелких железных трубчатых бусинок и продолговато-овальная, округлая в сечении костяная бусина, а также сравнительно массивная неправильно шаровидной формы бронзовая подвеска с петелькой, в которой сохранились остатки кожаного ремешка.

С большой долей уверенности можно определить дату первого из исследованных погребений этого могильника. Если простейшие формы железных плоских ножей и плоских треугольных черешковых наконечников стрел появляются в хорошо датированных забайкальских памятниках еще с конца I тысячелетия до н. э. и бытуют позднее¹⁰, то хорошо датированные аналогии костяной пряжке с двумя поперечными отверстиями и подвижным язычком известны пока только среди материалов из некоторых более западных сибирских памятников, которые относятся к VI—VIII вв. н. э.¹¹ Очевидно, этим конечным для бархотуйской культуры периодом и следует определить время захоронения в данной могиле.

Определить более точную дату двух других могил на основании довольно ограниченного погребального инвентаря не представляется возможным. Однако, в отличие от погребений предыдущего могильника, здесь намечается тенденция ко все более северной ориентировке умерших. Это позволяет предполагать, что данные могилы относятся не к ранним погребениям бархотуйской культуры. Е. В. Ковычев, изучивший немалое количество могил бархотуйского типа, считает, что для более ранних из них характерна западная ориентировка погребенных, а для более поздних — северная и даже восточная¹². Это мнение в какой-то мере подтверждается данными приводимых здесь исследований, в особенности материалами погребального инвентаря первой могилы могильника Гольый Мыс.

Для более четкого и уверенного хронологического подразделения погребальных памятников бархотуйской культуры требуются еще немалые археологические исследования, а также публикация материалов, накопленных в результате уже проведенных раскопок.

¹ *Окладников А. П.* Бархотуйская культура железного века в юго-западном Забайкалье. — Труды Бурятского комплексного научно-исследовательского института Сибирского отделения АН СССР. Улан-Удэ, 1960, 3.

² *Ковычев Е. В.* Восточное Забайкалье в эпоху раннего средневековья. — В кн.: Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск, 1975, с. 287.

³ *Кириллов И. И., Рижский М. И.* Очерки древней истории Забайкалья. Чита, 1973, с. 112—115; *Окладников А. П.* Древнее Забайкалье. — В кн.: Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1975, с. 18, 19; *Ковычев Е. В.* Восточное Забайкалье в эпоху раннего средневековья, с. 287—295; *Гришин Ю. С.*

Бронзовый и ранний железный века восточного Забайкалья. М., 1975, с. 105, 106.

⁴ *Ковычев Е. В.* Новые памятники бархотуйской культуры в долине р. Онона. — В кн.: Вопросы краеведения Забайкалья. Чита, 1973, 2, с. 90—98; *Орлов Ю. С.* Поздние кочевники верхнего Амура. — В кн.: Вопросы краеведения Забайкалья. Чита, 1973, 1, с. 225—229.

⁵ *Гришин Ю. С.* Бронзовый и ранний железный века..., с. 105, 106.

⁶ *Ковычев Е. В.* Восточное Забайкалье в эпоху раннего средневековья, с. 289, 290.

⁷ *Окладников А. П.* Бархотуйская культура..., с. 28.

⁸ *Ковычев Е. В.* Восточное Забайкалье в эпоху раннего средневековья, с. 292;

- Гришин Ю. С.* Бронзовый и ранний железный века..., с. 105, 106.
- ⁹ *Гришин Ю. С.* Бронзовый и ранний железный века..., с. 56, 57, 60, 61.
- ¹⁰ *Davudova A. V.* The Ivolga Goro-dishche a monument of the Niung-nu culture in the Trans-Baikal region.— *Acta Archaeologica Hungaricae*, 1968, XX, fig. 16, 23—35; *Гришин Ю. С.* Древние памятники среднего течения р. Онона.— В кн.: Монгольский археологический сборник. М., 1962, с. 105, 106, 109, рис. 38, 6.
- ¹¹ *Гаврилова А. А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965, табл. XV, 13; XIX, 20; XX, 37; XXI, 8; XXXI, 18, 19, 50.
- ¹² *Ковычев Е. В.* Восточное Забайкалье в I тысячелетии н. э. Автореф. канд. дис. Новосибирск, 1977, с. 7.

К. И. ТАШБАЕВА

РАННЕКОЧЕВНИЧЕСКИЙ МОГИЛЬНИК ДЖАРГАТА

Курпсайский археологический отряд Института истории АН Киргизской ССР под руководством И. Кожомбердыева летом 1978 г. проводил исследования в долине Кетмень-Тюбе, в зоне подтопления Токтогульского водохранилища. Здесь на узкой северной береговой террасе зафиксировано могильное поле протяженностью около 3 км, насчитывающее более тысячи разновременных курганов (каменных оградок эпохи бронзы, курганов сако-усуньского времени, катакомбной культуры и т. д.). Тут выделены три могильника: Джаргата, Ара-Булак, Боз-Добо.

Основные работы отряд под руководством автора вел в расположенном в восточной части могильного поля могильнике Джаргата. Площадь его около 50 га, но часть этой площади занята под огородами, которые создают видимость расчленения его на четыре части — южную, распадающуюся в свою очередь на две половины, а также северную и восточную (рис. 1).

Курганы расположены беспорядочно, и только в восточной части можно выделить две цепочки, вытянутые с юга на север. Одна из них состоит из девяти тесно слившихся курганов. В настоящее время в могильнике насчитывается 92 кургана, но, возможно, их было больше.

Курганы разных размеров. Среди них есть сравнительно крупные, диаметром более 10 м, высотой до 1 м, но большая часть насыпей имеет диаметр от 6 до 8 м, а высоту — 50—70 см. Насыпи полусферической формы, слегка оплывшие; вершины некоторых уплощены или имеют небольшое углубление (вероятно, следы ограбления).

По внешним признакам можно выделить три типа насыпей: 1) из земли с плотной панцирной каменной обкладкой на поверхности; 2) из земли и беспорядочно набросанных камней; 3) из камней. Первые два типа характерны для курганов крупных размеров, третий — для мелких.

За сезон было раскопано 43 кургана преимущественно из числа крупных, в которых выявлены захоронения двух видов.

Первый вид — захоронения в катакомбных камерах. Выявлены в четырех курганах. Три из них располагались в западной части могильника, один — в северной. Могильные сооружения в них состоят из погребальной камеры — катакомбы и подводящего коридора — дромоса, расположенного перпендикулярно к длинной оси катакомбы. Ориентировка как дромосов, так и самих камер разная. Одиночные погребенные лежат на земляном полу, в вытянутом положении на спине. В одном случае наблюдалась четко выраженная деформация черепа (курган 1). Все четыре погребения содержали инвентарь: каменные пряслица и сурьматаши, бронзовые зеркало и серьги, железные ножи и глиняные сосуды.

По устройству погребального сооружения, обряду погребения и инвентарю эти курганы могильника Джаргата находят близкие аналогии

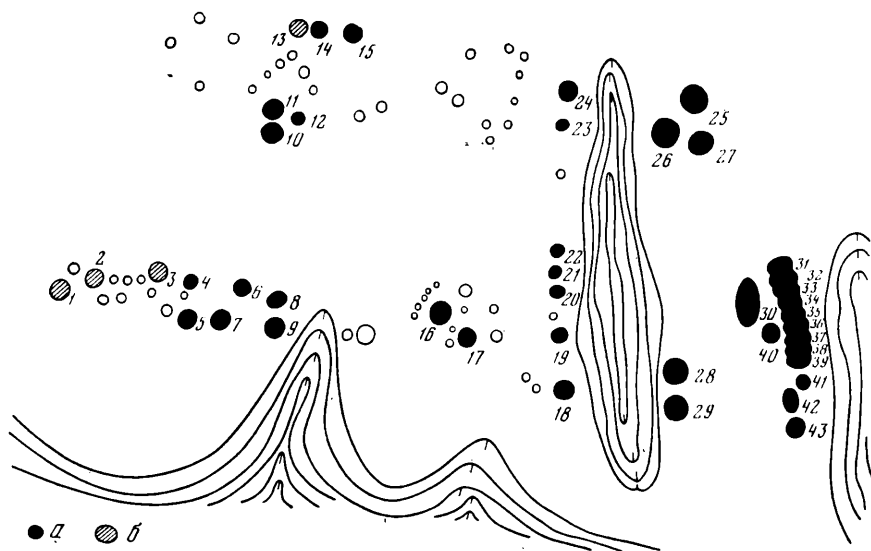

Рис. 1. План могильника Джаргата

a — курганы с захоронением в грунтовой яме; *b* — курганы с захоронением в катакомбе

в многочисленных памятниках с катакомбными захоронениями Таласской долины¹, Ферганы² и Кетмень-Тюбе³, которые обычно датируются I—V вв. н. э.

Второй вид — захоронения в грунтовой яме. Обнаружены в 39 курганах. Насыпи этих курганов каменно-земляные, часто с панцирной обкладкой на поверхности или с дугообразной плотной каменной выкладкой на полах, расположенной на 15—20 см ниже поверхности кургана. Иногда наблюдались кольцевые выкладки из более крупных камней по основанию кургана.

Для исследуемого могильника характерна каменность грунта, что очень затрудняло раскопки. Очертания могильной ямы часто выявлялись по глинистому пятну заполнения. В тех редких случаях, когда был мягкий лёссовый грунт (что характерно для восточной части могильника, где курганы расположены в цепочку), над могильной ямой прослеживалась каменная наброска, повторявшая ее контуры.

Могильные ямы имеют форму овала или прямоугольника с закругленными углами. Стенки вертикальные, и только в кургане 35 имеется подбой. Все могильные ямы длинной осью ориентированы по линии восток—запад или юго-восток — северо-запад. Размеры могил варьируют: длина — от 2 до 3 м, ширина — от 0,6 до 1,2 м, глубина — от 0,6 до 1,5 м.

Все погребенные лежали в вытянутом положении на спине, головой на запад или северо-запад; руки вытянуты вдоль туловища. Исключением являются два кургана из цепочки. В кургане 34 могила ориентирована с севера на юг, и погребенный в ней лежал головой на север. Вдоль его левого плеча стояло пять лепных сосудов.

В кургане 37 обнаружены два погребения, перекрывавшие друг друга. Верхнее захоронение совершено в грунтовой яме, вытянутой с востока на запад. Скелет в вытянутом положении на спине, черепом на запад. Кости плохой сохранности. Слева от черепа стояла глиняная лепная миска с плоским дном. Нижнее захоронение расположено на 10—15 см ниже верхнего и совершено в грунтовой яме, вытянутой с севера на юг. Вдоль западной стенки ее был выложен ряд крупных камней, что напоминает упрощенное подобие каменного ящика. На полу лежал скелет хорошей сохранности в вытянутом положении на спине, черепом на север. Инвентаря нет.

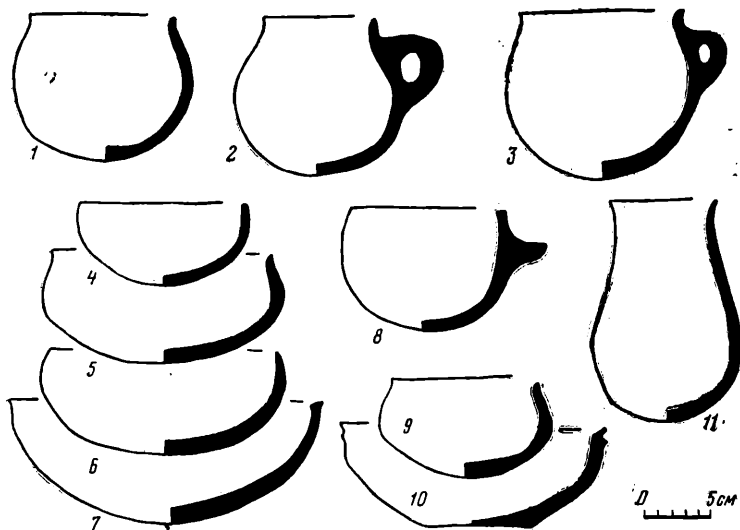

Рис. 2. Керамика могильника Джаргата

Интересен курган 30. Он находился рядом с цепочкой слившихся курганов. Насыпь земляная овальной, несколько вытянутой с севера на юг формы. Под насыпью были три могильные ямы, расположенные параллельно, на расстоянии 1,5 м друг от друга. Длинными осями они вытянуты с востока на запад. В первой яме — потревоженный скелет, среди костей — две маленькие бронзовые напивные бляшки. В западной части ямы, вдоль северной стены, стояло три лепных сосуда. Во второй яме скелет сильно потревожен, среди костей — несколько мелких обломков железного предмета. В третьей яме скелет также плохой сохранности, у северной стены — обломок глиняного сосуда. Возможно, что все три погребения совершены одновременно.

Сопровождающий инвентарь погребений очень скуден, представлен главным образом глиняными сосудами нескольких типов. Для исследуемого могильника глиняная посуда, видимо, являлась обязательной принадлежностью погребального инвентаря, так как в тех разграбленных могилах, где имелись какие-либо следы захоронения, всегда встречалась керамика (за исключением нижнего погребения кургана 37).

Число сосудов в могилах разное — от одного до семи. Всего насчитывается 44 целых сосуда и семь представленных фрагментарно.

Все целые сосуды найдены непо потревоженными в западной или северо-западной части могилы, в изголовье или стоящими вдоль левого плеча погребенного. И только в двух случаях (курганы 41 и 42) они стояли с правой стороны. По технике изготовления керамика распадается на две группы: станковую и лепную.

Станковая посуда представлена только двумя плоскодонными мисками. Одна — из кургана 28 — с бортиком в верхней части и прямой закраиной с небольшим выступом внутрь и желобком по верху края. Другая — из кургана 29 — с небольшим перегибом бортика, скошенной внутрь закраиной и небольшим выступом наружу (рис. 2, 10). Обе миски имеют широкие аналогии в материалах сакских курганов Ферганы⁴.

Вся остальная посуда — ручной лепки, изготовлена, видимо, с помощью матерчатого шаблона, о чем свидетельствуют отпечатки ткани на внутренних стенках многих сосудов. Это полусферические чаши (18 экз.; рис. 2, 4, 5, 9), широкие миски (10 экз.; рис. 2, 6, 7), круглодонные кружки (6 экз.; рис. 2, 8), небольшие горшочки (5 экз.; рис. 2, 1—3) и кувшинчики (3 экз.; рис. 2, 11), которые находят широкие аналогии среди значительного керамического материала времени ранних кочевников северных областей Средней Азии.

В характере покрытия поверхности лепных сосудов наблюдается некоторое разнообразие. Так, девять сосудов, преимущественно чаш, имеют яркое черное лощение. Ряд исследователей считает лощение одним из признаков относительно ранней датировки⁵. Два сосуда — чаша (курган 25) и миска (курган 19) — имеют двустороннюю карминно-фиолетовую окраску.

Помимо керамических сосудов, в первой яме кургана 30 найдены две маленькие бронзовые нашивные бляшки. В других курганах встречены обломки четырех железных ножей и две железные булавки (?). В кургане 42 нож находился внутри большой миски.

Из перечня находок видно, что материалы, в какой-то мере твердо датированные исследуемые погребения, не обнаружены. Несмотря на это, мы можем отнести могильник Джаргата к широко известному кругу памятников ранних кочевников. Он имеет много общих черт с подобными памятниками Тянь-Шаня, Таласской долины, Ферганы и ранее исследованными памятниками Кетмень-Тюбе, которые датируются второй половиной I тысячелетия до н. э.

Рассмотрение комплекса в целом — планировки всего могильника, в частности содержавших основной материал курганов в цепочках, конструкции наземных частей погребальных сооружений и могильных ям, обряда захоронений и инвентаря — позволяет датировать могильник сакским временем. Этому не противоречит небольшое количество сосудов с черным лощением, а также погребение в кургане 37, имевшее каменную обкладку. Хотя погребения в каменных ящиках и их подобиях характерны для разных культур эпохи бронзы, но сосуществование каменных ящиков и грунтовых ям известно и в период раннего железа. Ряд исследователей считает такой тип погребений пережиточным явлением эпохи бронзы, характерным для раннесакского времени⁶.

Конечно, северная ориентировка и отсутствие инвентаря в нижнем погребении кургана 37 не позволяют нам говорить об этом с полной уверенностью. Но северная ориентировка отмечалась и в кургане 34 из этой же цепочки, а там найдено пять сосудов явно раннекочевнической формы. Две чаши из этого комплекса — с черным лощением. Вероятно, могильник в какой-то его части можно датировать VI—V вв. до н. э.

¹ Бернштам А. Н. Кенкольский могильник. Л., 1940; Кожомбердыев И. Катакомбные памятники Таласской долины. — В кн.: Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963.

² Баруздин Ю. Д. Кара-Булакский могильник. — Изв. АН КиргССР, СОН, 1961, III, 3 (история).

³ Кожомбердыев И. Могильник Акчий-Карасу в долине Кетмень-Тюбе. — Изв. АН КиргССР, СОН, 1960, II, 3 (история).

⁴ Гамбург Б. З., Горбунова Н. Г. Ак-Тамский могильник. — КСИИМК, 1957, 69, с. 85; Горбунова Н. Г. К истории

Ферганы в эпоху раннего железа. — СА, 1962, № 4, с. 37—48.

⁵ Грязнов М. П. О чернолощеной керамике Кавказа, Казахстана и Сибири в эпоху поздней бронзы. — КСИА, 1966, 108, с. 31—34; Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964, с. 108.

⁶ Бернштам А. Н. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941, с. 24, 25; Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата, 1963, с. 88, 89; Мокрынин В. П., Гаврюшенко П. П. Курганы сакского времени долины р. Тон. — В кн.: Археологические памятники Прииссыккуля. Фрунзе, 1975, с. 70—73.

К УТОЧНЕНИЮ ХРОНОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ АРХАИЧЕСКОГО ДАХИСТАНА

Культура архаического Дахистана, открытая в юго-западной Туркмении еще в предвоенные годы¹, после нескольких полевых сезонов, проделанных Х отрядом ЮТАКЭ в 1947—1953 гг.², была введена в научный оборот в 1956 г.³ Объем работ был достаточным для того, чтобы наметить основные характеристики этой культуры: была составлена археологическая карта (скорректированная в 1969 г.)⁴, которая очертила ареал этой культуры; шурфы на ряде поселений показали, что максимальная толщина культурного слоя не превышает 7 м, а количество строительных горизонтов — четырех; во всех шурфах отмечается слабая дифференциация керамики по всей толще культурных напластований; сопоставления с аналогичными памятниками северного Ирана и южной Туркмении определили дату этой культуры: последние века II—первые века I тысячелетия до н. э.; верхний слой Мадаутепе был синхронизирован с периодом Язтепе II по находкам фрагментов соответствующей керамики; было предложено связывать эту культуру с древними иранцами, а точнее — с древними гирканцами. С такими характеристиками эта культура продолжала существовать вплоть до середины 70-х годов⁵.

Открытие и исследование могильников в долине Сумбара, в районе поселка Каракала⁶, можно считать новой ступенью в изучении периодов поздней бронзы и раннего железа в юго-западной Туркмении. Одной из задач было определение хронологии открытых могильников, их места в системе памятников южной Туркмении и северного Ирана, их соотношение с ранее известной культурой архаического Дахистана, с которой отменялись общие черты с начала исследования этих памятников⁷.

Хронология Сумбарских могильников благодаря большому объему материала определяется довольно просто. В могильниках, относящихся к одному времени, обнаружены вещи, которые указывают на синхронность этих памятников определенному периоду культуры северной подгорной равнины Копетдага, а именно — периоду Намазга VI.

Это привозные сосуды, которые выпадают из местного керамического комплекса по всем показателям, однако столь же неоспоримо входят в комплекс керамики эпохи бронзы подгорной полосы Копетдага: хумчи, кувшины, кубки, чаша и ваза. Связи керамических комплексов были не односторонними, поскольку и на поселениях северной подгорной равнины найдены единичные экземпляры привозных сосудов из юго-западной Туркмении: горшочек с открытым носиком, конический сосуд со сливом, чайник со сложным носиком.

Это изделия из металла: пластинчатые бронзовые диадемы, наконечники стрел и, главное, булавки с крестовидным навершием, которые происходят из могил в долине Сумбара, из Янгикалинского могильника и из строительного горизонта IV поселения Вышка Намазгатепе.

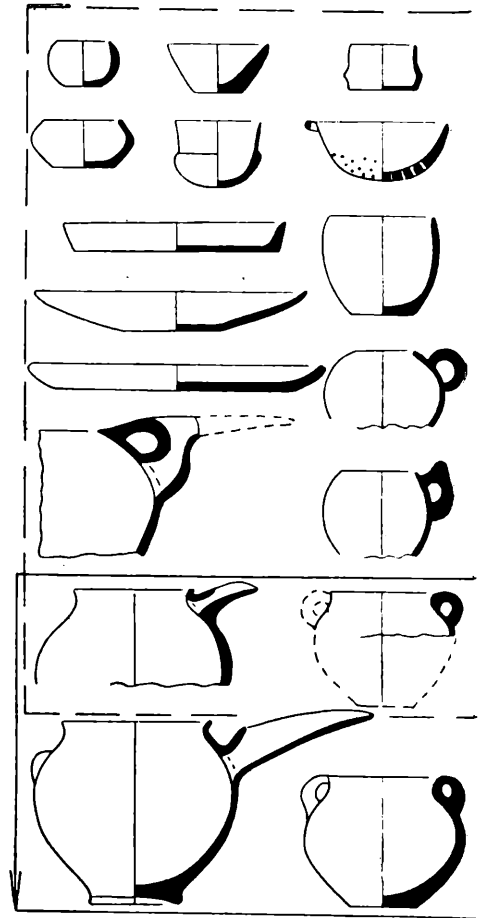
Это сферические каменные навершия, найденные не только на памятниках сумбарской культуры, но и в синхронных слоях Теккемтепе. Для более раннего времени такие предметы неизвестны, но встречены в более поздних памятниках (Язтепе I).

По новейшим исследованиям, период Намазга VI относится к XIV—X вв. до н. э.⁸, но Сумбарские могильники входят в особую культурную провинцию, по всем показателям отличную от памятников северной подгорной равнины Копетдага.

С такой же очевидностью можно сказать, что Сумбарские могильники находят существенные соответствия в культуре с серой керамикой, распространенной в северном Иране, которую исследователи относят к первому периоду железного века Ирана (далее — ЖВИ). Среди этих соответствий — опять-таки керамика: чайники со сложным носиком, конические

Рис. Соотношение керамических комплексов культуры архаического Дахистана (обведено пунктиром) с керамическими комплексами сумбарской культуры (обведено сплошной линией)

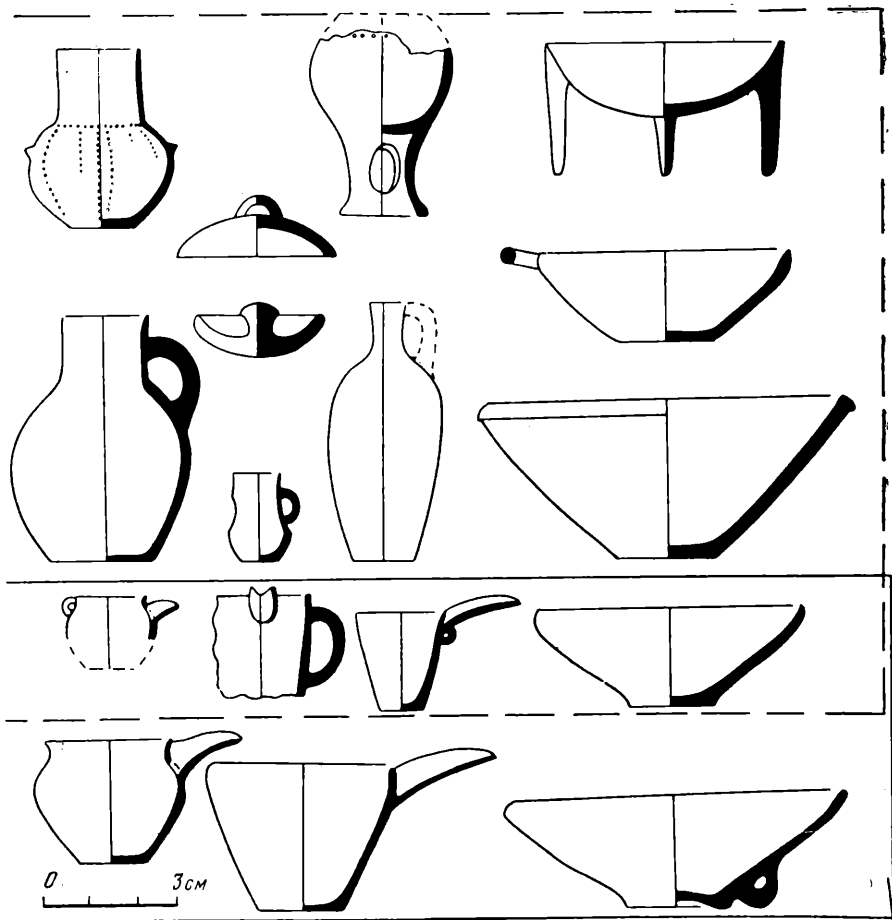

сосуды со сливом, сосуды с трубчатым носиком, различные горшочки, вазы на полой ножке, кувшины, чаши. Как видим, набор форм достаточно велик. Это также металлические и каменные изделия: ковровый нож, бронзовые флаконы и их глиняные воспроизведения, булавки с навершием в виде пальметты, пластинчатая диадема, спиральные кольца для волос, биконические пряслица и каменные навершия. Правда, керамика находит себе соответствия в Кайтарие⁹, Хурвине¹⁰, Сиалке У¹¹, Гиссаре IIIВ—С¹² и Шахтепе IIa1¹³, а другие изделия — преимущественно в двух последних памятниках.

В данной статье мы не аргументируем поздней даты, предлагаемой нами для слоев Гиссар IIIВ—С и Шахтепе IIa1, поскольку это и не соответствует теме, и сделано в других работах¹⁴, но подчеркиваем хронологическое и культурное соответствие Сумбарских могильников комплексу ЖVI Ирана. Этот период все исследователи древней истории Ирана и Переднего Востока аргументированно и с большим единодушием относят к XIV—X вв. до н. э.¹⁵ Поэтому нам остается присоединиться к этим датам и включить сумбарскую культуру в этот отрезок времени. Таким образом, с одной стороны, временные границы Сумбарских памятников определяются совпадением с периодом Намазга VI, с другой — вхождением в культурную провинцию серой керамики ЖVI. Поскольку датировки того и другого периода были сделаны независимо друг от друга, остается признать достаточно фундаментальной предлагаемую дату сумбарской культуры.

Для окончательного установления культурной принадлежности сумбарские памятники требуют тщательного сравнения с ближайшим культурным очагом — с культурой архаического Дахистана, которая по принятым датировкам должна быть синхронна этим памятникам, поскольку по традиции и по новейшим исследованиям та и другая культуры существовали в последних веках II тысячелетия до н. э. Это сравнение приводится главным образом по керамике, так как именно она служит надежным показателем культурной принадлежности (рис.).

Комплекс керамики периода поздней бронзы среднего течения Сумбара насчитывает 12 основных типов, объединяющих 41 разновидность. Из этого количества типов лишь немногие имеют соответствие в культуре архаического Дахистана. К ним относятся: 1) конический сосуд со сливом без поддона, но этот сосуд в культуре архаического Дахистана отличается более вытянутыми пропорциями и наличием петельчатых ручек под сливом или сбоку; 2) горшочек с открытым носиком, который совпадает в принципиальном решении формы, но имеет укороченный носик и ручку у венчика напротив носика; 3) одна из разновидностей чаш, очень

напоминающая сумбарские чаши без ручек, но в отличие от последних имеющая плоское дно без поддона; 4) одна из восьми разновидностей чайника со сложным носиком, имеющая соответствие в культуре архаического Дахистана, — тулово горшковидной формы, с чуть отогнутым венчиком и на поддоне; 5) горшочек из кухонного теста с двумя ручками.

Отличий в керамическом комплексе значительно больше, и они существеннее. Так, определяющими формами в культуре архаического Дахистана являются триподы и чаши с горизонтальной петельчатой ручкой у венчика, абсолютно неизвестные в Сумбарских могильниках. Встречаются чайники со сложным носиком, у которых носик соединен с венчиком перемычкой, что не отмечено в материале могильников. Неизвестны там и кувшины, у которых ручка прикреплена к середине горла, тарелки и блюда, керамические цеделки и специальные крышки. Кроме того, есть отличия и в технологии изготовления посуды — в частности, подмешивание к глиняному тесту охристой пыли для придания изделию светлой окраски. В сумбарской культуре этого нет.

Можно возразить, что нельзя сравнивать открытый керамический комплекс поселения с закрытым комплексом могильника, поскольку некоторые формы сосудов могли не ставить в могилы. В частности, было мнение, что триподы служили стационарной посудой и употреблялись только в быту, в то время как чаши с ручкой у дна были походной, путевой посудой, и именно поэтому только их ставили в могилы. Однако этот аргумент может быть опровергнут тем, что именно в могилах Сиалка V и Кайтарие были найдены триподы. Также можно сказать о том, что население долины Сумбара не изготовляло еще специальных крышек, поскольку найденные в могилах кувшины и горшочки закрыты черепками

или каменными плитками, так что проведенное сравнение не нарушает логики исследования.

Сказанное дает возможность утверждать, что между сумбарской культурой периода поздней бронзы и культурой архаического Дахистана периодов поздней бронзы и раннего железа существовали некоторые черты сходства, но черт различия больше и они значительно существеннее. Это не позволяет включать оба района синхронно в одну культурную зону, и напрашивается вопрос о причинах такого несоответствия признаков культуры в двух соседних районах. А причины могли быть такие: или две близко расположенные археологические культуры были синхронны, но принадлежали к разным культурным провинциям, как, например, сумбарская культура и памятники северных предгорий Копетдага; или они являлись последовательными этапами одной культуры, которая была распространена во II—I тысячелетиях до н. э. в юго-западной Туркмении.

Значительные совпадения между памятниками среднего течения Сумбара и гораздо более удаленными от них, чем культура архаического Дахистана, памятниками северной подгорной равнины Эльбурса (Шахтепе IIa1), северного и северо-западного Ирана (Гиссар IIIВ—С, Кайтарие, Спалк V) дают все основания считать, что если памятники двух соседних областей в рамках одной культурно-исторической провинции не совпадают в культурном отношении, то причина этого кроется в их хронологическом различии. Следовательно, остается проверить правильность оснований датировок, предложенных более четверти века назад для культуры архаического Дахистана.

Есть несколько объективных показателей того, что памятники Мешед-Мисрианской равнины имеют слои первой половины I тысячелетия до н. э. К ним относятся: 1) изделия из железа, которое на территории южной Туркмении пока неизвестно ранее начала I тысячелетия до н. э.; 2) крупные поселения с цитаделями, появление которых в стадийно одинаковых памятниках северной подгорной равнины Копетдага относится ко времени Язтепе I и которые в более раннее время неизвестны; 3) наличие в керамическом комплексе культуры архаического Дахистана чайников со сложным носиком и с перемычкой между носиком и венчиком — этот признак является надежным показателем принадлежности памятника к ЖВII (X—VIII вв. до н. э.)¹⁶. Максимальное количество строительных горизонтов не превышает четырех, а при удвоении этого числа за счет большой площади поселений — восьми. Традиционно время существования одного строительного горизонта определяется в 40—50 лет, значит, время существования поселений культуры архаического Дахистана не превышало 400 лет. Если верхние слои Мадаутепе содержат черепки посуды типа Язтепе II, это позволяет их отнести к середине I тысячелетия до н. э. Но по той же причине нельзя относить нижние слои поселений этой культуры к более раннему времени, чем рубеж II и I тысячелетий до н. э. Совокупность всех перечисленных признаков, которые позволяют относить культуру архаического Дахистана к первым векам I тысячелетия до н. э., т. е. к железному веку, в то же время не позволяет считать эту культуру существенно заходящей во II тысячелетие до н. э. прежде всего из-за малого количества строительных горизонтов ее поселений.

Датировка Сумбарских могильников представляется, таким образом, вполне аргументированной, а время существования культуры архаического Дахистана значительно сокращается в сторону ее омоложения. Учитывая также близость этих культур в территориальном и культурном отношениях, не остается ничего иного как считать эти культуры генетически родственными и последовательными. Сумбарская культура соответствует периоду поздней бронзы в юго-западной Туркмении, периоду ЖВI северного Ирана, который в абсолютных датах относится к XIV—X вв. до н. э. Культура архаического Дахистана с той же территории соответствует теперь только периоду раннего железа или периоду ЖВII северного Ирана,

который в абсолютных датах относится к X—VIII вв. до н. э. Таким образом, раскопки могильников периода поздней бронзы в долине Сумбара позволили уточнить датировку ранее известных памятников на этой же и близкой территории. Их синхронизация друг с другом, а также с памятниками северной подгорной равнины Копетдага и северного Ирана может быть представлена в виде таблицы.

Т а б л и ц а
Синхронизация памятников

Дата (гг. до н. э.)	Северный Иран		Юго-западная Туркмения	Северная подгорная равнина Копетдага
600	Ахемениды			Язтепе II
700 800	Мидия		Культура архаического Дахистана	Язтепе I
900 1000	ЖVII	Сиалк VI		
1100 1200 1300 1400	ЖVI	Хурвин Кайтарие Сиалк V	Сумбарская культура	Намазга VI
1500				Намазга V

¹ Марущенко А. А. Археологические открытия последних лет в Туркмении. — Изв. ТГНИИ, 1935, 1; *Он же*. Анау. Историческая справка. — В кн.: Архитектурные памятники Туркменистана. М.; Ашхабад, 1939, 1.

² Массон М. Е. Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ за 1948—1952 гг. — ТЮТАКЭ, 1955, V; Массон В. М. Изучение культуры древнего Дахистана в 1951 г. — Изв. АН ТуркССР, 1953, 1; *Он же*. Мисрианская равнина в эпоху поздней бронзы и раннего железа. — Изв. АН ТуркССР, 1954, 2.

³ Массон В. М. Памятники культуры архаического Дахистана в юго-западной Туркмении. — ТЮТАКЭ, 1956, VII.

⁴ Агагаррыев Е. А., Лисицына Г. Н. Работы над составлением археологической карты Мешхед-Мисрианской равнины — Чатского массива. — В кн.: Каракумские древности, Ашхабад, 1970, III.

⁵ Массон В. М. На пороге раннеклассового общества. Оазисы юга Средней Азии в первой четверти I тысячелетия до н. э. — В кн.: Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.; Л., 1966.

⁶ Информацию о раскопках Сумбарских могильников см.: АО 1973—1977 гг. М., 1974—1978; Хлопин И. Н., Хлопина Л. И. Могильник Сумбар I (предварительное сообщение). — Изв. АН ТуркССР, 1976, 2; *Они же*. Раскопки могильника Сумбар I в 1972—1973 гг. — КСИА, 1976, 147.

⁷ Хлопин И. Н. Сумбарские могиль-

ники — ключ для синхронизации памятников эпохи бронзы юга Средней Азии и Ирана. — In: Colloque International de C. N. R. S. no 567 «Le plateau iranien en L'Asie Centrale des origines à la conquête islamique». Paris, 1977.

⁸ Хлопина Л. И. Намазга-тепе и эпоха бронзы Южной Туркмении. Автореф. канд. дис. Л., 1978.

⁹ Медведская И. Н. Могильник Кайтарие — новый памятник раннежелезного века Ирана. — СА, 1977, № 1, с. 169—175.

¹⁰ Vanden-Berghe L. La Nécropole du Khürvin. Istanbul, 1964.

¹¹ Ghirshman R. Fouilles de Sialk près de Kashan. Paris, 1939, v. II.

¹² Schmidt E. F. Excavations at Tepe-Hissar, Damghan. Philadelphia, 1937.

¹³ Arne T. J. Excavations at Shah-Tepe, Iran. Stockholm, 1945.

¹⁴ Хлопин И. Н. Сумбарские могильники — ключ... с. 153.

¹⁵ Dyson R. H. Problems in the Relative Chronology of Iran, 6000—2000 B. C. — In: Chronologies in the Old World Archaeology. Chicago, 1965, p. 78—81; Tosi M. Ceramica Iranica dell'età del Ferro. Roma, 1970; Vanden-Berghe L. La Nécropole de Khürvin, p. 45; Schipptmann K. Forschungs- und Ausgrabungsergebnisse in Iran seit 1965. — MDOG, 1972, 104.

¹⁶ Медведская И. Н. Могильник Кайтарие... с. 173.

ИРМЕНСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ С БОГАТЫМ ИНВЕНТАРЕМ

Среди многочисленных погребений могильника Камышенка (Усть-Пристанский р-н Алтайского края, правый берег Оби, 80 км к югу от Барнаула) в 1973 г.¹ было обнаружено погребение в кургане 67, выделяющееся богатством инвентаря.

Курган 67 расположен в юго-восточной части могильника, на дюне. Это крайний южный курган могильника. Диаметр его 10 м, высота — 50 см. В северной части кургана, на глубине 53 см от поверхности (58 см от 0), на площади 0,4×0,45 м прослежен древесный тлен; волокна дерева имели направление примерно с запада на восток: это остатки покрытия могилы 1. Северо-восточнее этих волокон обнаружен сохранившийся несколько лучше кусок бревна диаметром около 10 см, длиной 45 см — также от покрытия могилы или обкладки ее стенки, имевшей направление с запада — юго-запада на восток — северо-восток, что соответствует, видимо, ориентировке могилы.

Скелет почти не сохранился, за исключением нижней половины черепа с частью верхней и нижней челюстей, обломка кости левого предплечья (лучевой?) и одной фаланги пальца левой руки. Скелет, судя по стертости зубов, принадлежал женщине не моложе 40 лет². По положению сохранившихся костей и вещей можно заключить, что покойница была похоронена на правом боку, головой на запад—юго-запад. Это обычная поза и ориентировка в могильнике Камышенка, как и в других ирменских могильниках. По положению черепа, бревна обкладки и вещей можно предполагать, что ширина могилы была не менее 96—98 см, длина по положению бревна обкладки и древесному тлену покрытия — не менее 1,4 м. Глубина могилы в ногах — 70 см от поверхности (75 см от 0), в головах — на 10 см меньше.

Очевидно, к поясу покойницы было подвешено зеркало (н. 1) с длинной ручкой с орнаментом: на лицевой стороне — двойные заштрихованные треугольники (рис. 1; 2, 1), на обороте — продольные полосы и насечки. На конце ручки предполагалось отлить отверстие для подвешивания, но при отливке получился брак, и отверстие недоотлилось. Поэтому зеркало носили на ремешке, обвязанном вокруг конца ручки, — отчетливо сохранился след этого ремешка. Близ зеркала был найден бронзовый нож с ручкой и округлым навершием (н. 27). На клинке его с двух сторон сохранились следы органического вещества (кожаного футляра?), на ручке — следы деревянной рукоятки (рис. 1; 2, 2). Возле навершия найдено бронзовое кольцо (н. 28; рис. 1; 2, 3), а два кольца — под ручкой ножа (н. 30, 31; рис. 1; 2, 4, 5). По положению ножа и колец можно заключить, что покойница держала нож в правой руке, острием вперед и вниз; кольца н. 30 и 31 были надеты на безымянном и среднем пальцах, а кольцо н. 28 — на большом пальце. Под верхней частью ручки ножа был найден зуб коровы или лошади.

Левая рука, судя по положению кости предплечья и фаланги пальца, была согнута в локте, предплечье и кисть подняты вверх. У запястья найдены разломанный на четыре части (сломан в древности) массивный литой бронзовый браслет (н. 2, 3; рис. 1; 2, 6) и низка мелких бронзовых бус (н. 4; рис. 1; 2, 7), образующих также браслет или обшивку рукава. На месте кисти в кольце н. 5 сохранилась фаланга пальца (рис. 1; 2, 8). Кольцо н. 6 (рис. 2, 9) лежало на двух крупных конических бронзовых пронизках (н. 8; рис. 1; 2, 10, 11). Рядом с пронизками лежали еще одна низка бронзовых бус (н. 9; рис. 2, 12) и коническая пронизка (н. 10; рис. 1; 2, 13). Близ крупных пронизок лежало гвоздевидное украшение шляпкой вниз (н. 7; рис. 1; 2, 14). Вся эта группа предметов (кониче-

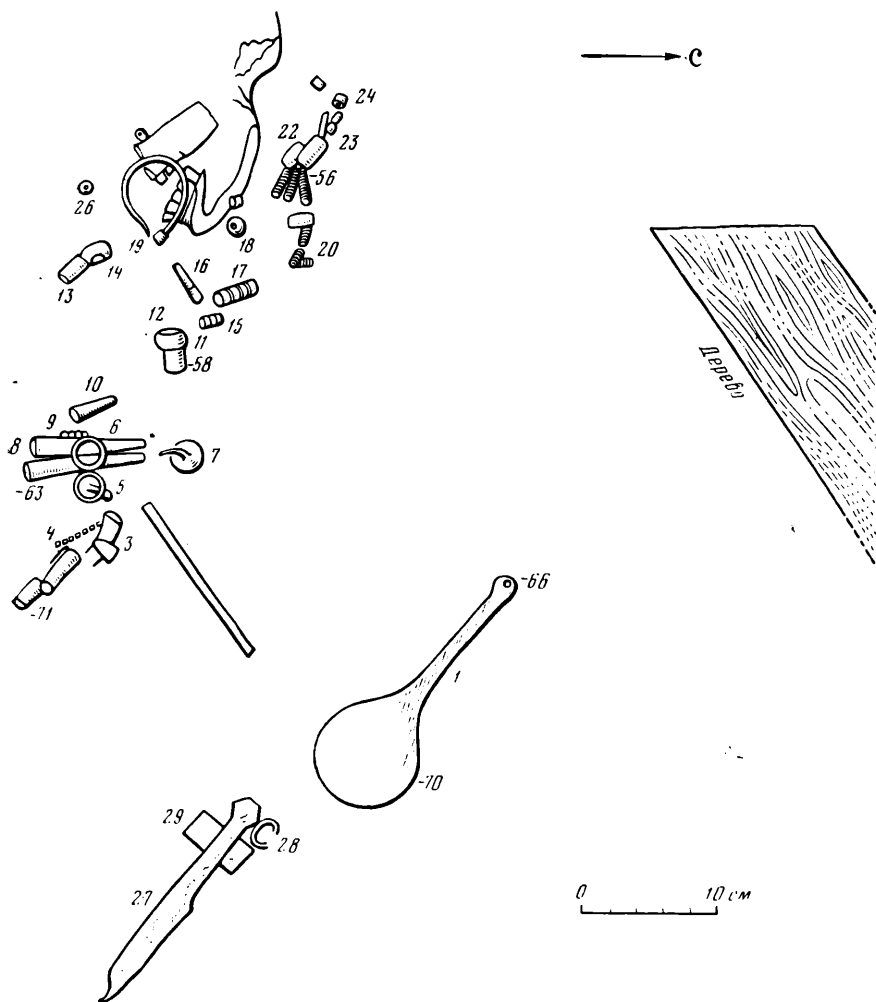

Рис. 1. План погребения в кургане 67 могильника Камышенка

ские пронизки, низка бус и гвоздевидное украшение), судя по месту их находки, относится, видимо, к нагрудному украшению.

Еще выше, на уровне шеи и верхней части груди, находились два комплекта украшений. Каждый комплект состоит из массивной бронзовой бочонковидной бусины и цилиндрической бронзовой пронизки (н. 11, 12 и 13, 14; рис. 1; 2, 15—18) — украшения кос (?). Выше найдены небольшая цилиндрическая бронзовая пронизка (н. 16; рис. 1; 2, 19) и две рубчатые пластинки-нашивки: бронзовая (н. 15; рис. 2, 20) и серебряная (н. 17; рис. 2, 21).

У затылка и шеи найдено много украшений: белые пастовые цилиндрические бусины (н. 24; рис. 2, 23); две бочонковидные бусины из лазурита (н. 22, 23; рис. 3, 23, 29); 17 спиралей из серебряной проволоки (н. 21; рис. 1; 3, 2—18); одна золотая спираль (рис. 3, 1); серебряная пронизка (рис. 3, 19); синяя стеклянная бусина (н. 18; рис. 1; 3, 21). Здесь же у черепа найдены и другие бусины: мелкие бронзовые, сердоликовая, синяя стеклянная (?). Вероятнее всего, все эти бусы и спирали входили в состав ожерелья. У нижней части носа и зубов найдена серебряная серьга с заушником, на конец которой надета цилиндрическая синяя стеклянная бусина (н. 19; рис. 1; 2, 22). Вероятно, в процессе разрушения черепа она сползла сюда с левого уха. Под черепом, на правой нижней челюсти, — такая же серебряная серьга с голубой сте-

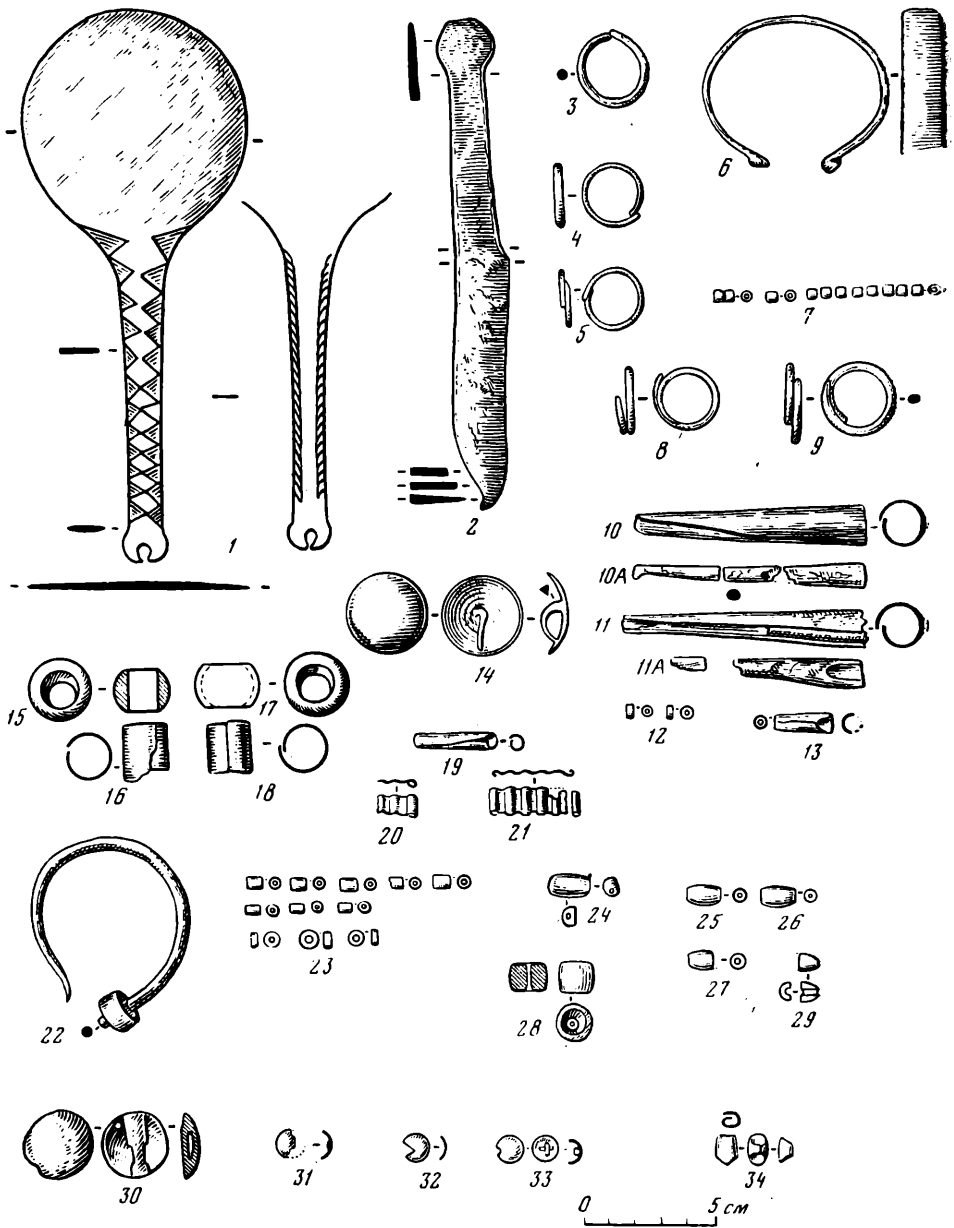

Рис. 2. Инвентарь погребения в кургане 67

1 — зеркало; 2 — нож; 3—5 — кольца; 6 — браслет; 7, 12, 23—29, 34 — бусы; 8, 9 — кольца; 10, 11, 13, 16, 18, 19 — пронизки; 10А, 11А — кожаные вкладыши из пронизок 10 и 11; 14 — звездное украшение; 15, 17 — бочонковидные бусы; 20, 21 — рубчатые нашивки; 22 — серьга с левым ухом; 30—33 — бляшки
10А, 11А — кожа; 21 — серебро; 23 — аргиллит; 24 — лазурит; 25, 28 — синее стекло; 26, 27, 29 — стекло; остальное — бронза

клянной бусиной (рис. 1; 3, 30). Здесь же найдены звездчатая серебряная подвеска (рис. 3, 31), бронзовая спираль (рис. 1; 3, 33), золотая цилиндрическая пронизка (рис. 1; 3, 35) и сердцевидная бочонковидная бусина (рис. 1; 3, 32). На месте правого уха под черепом найдена бронзовая пронизка (н. 32; рис. 1; 3, 28). На месте носа — белая пастовая цилиндрическая бусина, а против нижней части носа — бронзовая бляшка-пуговица (н. 26; рис. 1). Вероятнее всего, они попали сюда с головного

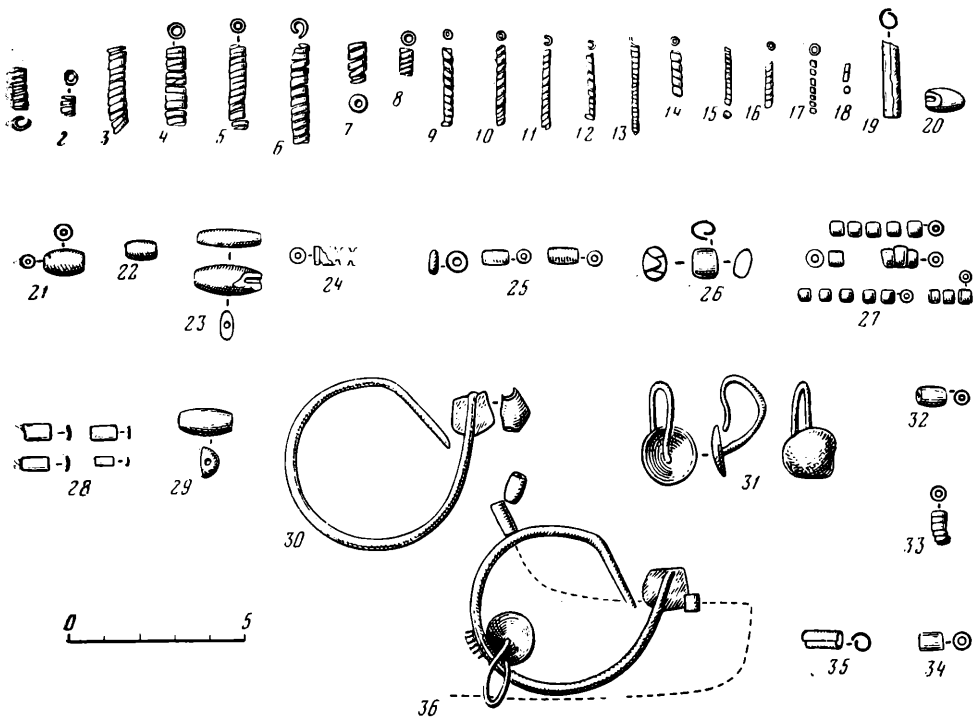

Рис. 3. Инвентарь погребения в кургане 67 (продолжение)

1—18, 33 — пронизки-спирали; 19, 35 — пронизки; 20—27, 29, 32, 34 — бусы; 28 — обломки пронизки; 30 — серьга с правого уха; 31 — гвоздевидная привеска
1, 35 — золото; 2—19, 31 — серебро; 20, 32 — сердолик; 21, 22 — синее стекло; 23, 29 — лазурит; 25, 34 — аргиллит; 24 — сероватый камень; 26—28, 33 — бронза; 30 — серебро и синее стекло
30—35 — украшения, найденные под правой челюстью покойницы; 36 — расположение этих украшений (пунктиром показана правая половина нижней челюсти)

убора. Три бронзовые бляшки-пуговицы найдены также около черепа (рис. 1). Верхняя часть черепа не сохранилась. В могиле нет сосуда — обычной принадлежности всех других погребений могильника.

Погребение содержит датированные вещи, прежде всего нож. Чрезвычайно близкий ему нож найден в могиле 3 кургана 2 могильника Калачевка II на Иртыше, в 102 км к северу от Омска³. Сходство проявляется и в форме навершия, и в слегка выдающейся нижней части спинки, и в «хвостатом» конце клинка. Различие заключается в том, что калачевский нож имеет желобок вдоль ручки — вероятно, для деревянных накладок. Ручка камышенского ножа плоская, но следы деревянных накладок на ней имелись. В другой могиле этого кургана был найден бронзовый двулопастный втульчатый наконечник стрелы с ромбической формой пера и шипом — типичный архаический скифский наконечник VII в. до н. э. Еще два подобных ножа происходят из случайных находок окрестностей Алма-Аты⁴ и из бывш. Тобольской губернии (видимо, Тюкалинский уезд)⁵. Нож с точно такой же формой клинка и «хвостатым» концом, но без навершия найден в ирменском кургане 6 у с. Ордынское на Оби, выше Новосибирска⁶. Несколько более далекие аналогии — нож из кургана 18 ирменского могильника Еловка II в Томской обл.⁷ и из большепереченского могильника Ближние Елбаны III (VII—VI вв. до н. э.)⁸, также с выделенной ручкой и плоским округлым навершием, но отличающиеся формой спинки и клинка, меньшими размерами и меньшей массивностью. Видимо, ножи этой формы были распространены в бассейнах Оби и Иртыша.

Зеркало камышенского погребения не имеет аналогий в Сибири. Орнамент из двойных заштрихованных треугольников на его ручке повторяет типичнейший орнамент камышенских сосудов; в других ирменских

могильниках этот орнамент на керамике тоже достаточно част. Вообще зеркала с длинной ручкой (без орнамента) распространены очень широко — от III тысячелетия до н. э. (Ур) до VI—VII вв. н. э.⁹ В эпоху, синхронную ирменской культуре, зеркала с боковыми ручками были известны в Средней Азии (в Чустском и Дальверзинском поселениях¹⁰, в кладях у с. Садовое и Сукулук¹¹), в Иране (в могильниках Сиалк В и Хурвин)¹². Могильник Сиалк В, согласно новой датировке Р. Бемера, относится к концу IX—началу VII в. до н. э.¹³, и к этому же времени относится Чуст и Дальверзин¹⁴. Могильник Хурвин содержит материалы от IX до VI в. до н. э.¹⁵ Клады из с. Садовое и Сукулук Е. Е. Кузьмина датировала лишь в широких пределах — XII—VIII вв. до н. э.¹⁶ Подробнее хронология этих кладов пока не разработана. Из датированных зеркал с боковыми орнаментированными ручками назовем еще зеркало, найденное в культурном слое городища Саркел¹⁷. М. И. Артамонов датировал его «скифской эпохой», однако эту дату можно уточнить, поскольку ручка зеркала украшена прорезными кольцами, точно такими же, как на многочисленных «кабардино-пятигорских» или киммерийских кинжалах VIII—VII и VII в. до н. э.¹⁸

В рассматриваемом погребении найдено довольно много вещей, типичных для ирменских могильников. Это гладкий браслет с утолщениями-пишечками на концах (рис. 2, 6). Таких браслетов известно в настоящее время 22 из девяти ирменских памятников: Камышенка и Ближние Елбаны IV на северном Алтае, Ивано-Родионово и Титово в Кемеровской обл., Еловка II, Ордынское I, Плотинная на средней Оби и в поселениях Ирмень I и Быстровка IV в Новосибирской обл. Во всех случаях, где можно было установить, они найдены в женских погребениях (Камышенка, курганы 17, 23, 65; Ближние Елбаны IV, могила 1; Титово, курган 1, погребение 1), за единственным исключением — Титово, курган 4, погребение 1¹⁹, где браслет найден у мужчины. Может быть, здесь неправильно определен пол погребенного (череп его не сохранился), так как в самых различных древних и современных культурах браслеты служат женским украшением.

Типичным ирменским женским украшением являются и гвоздевидные серьги. Они обычно бывают бронзовые. Таких серег известно сейчас 25 из десяти ирменских могильников (Суртайка, Змеевка, Камышенка, Ближние Елбаны IV, Пьяново, Титово, Ильинка, Плотинная, Милованово, Бурмистрово)²⁰. В рассматриваемом камышенском погребении эта серга сделана из серебра (рис. 3, 31). Она найдена близ правого уха покойницы вместе с другой серьгой, по форме близкой обычным гвоздевидным, но также с серебряным стержнем, который оканчивается не гвоздевидной шляпкой, а голубой стеклянной бусиной. Такая же серга с голубой бусиной найдена и на левом ухе погребенной (н. 19; рис. 1; 3, 30). Эти серебряные серьги со стеклянными бусинами и без них найдены только в описываемом погребении, они уникальны. Случаи, когда в одном ухе носили не одну, а две или несколько серег, известны из этнографии²¹. Бронзовое гвоздевидное украшение в рассматриваемом погребении также найдено (н. 7; рис. 1; 2, 14). Способ его ношения неясен, так как оно лежало то ли близ запястья, то ли на груди. По форме оно очень напоминает белуджское украшение «пулдук», вставлявшееся в правое крыло носа²².

Остальные украшения, найденные в данном погребении, либо характерны как для ирменской, так и для карасукской культур (круглые бляшки с петелькой — рис. 2, 30—33; бронзовые пронизки — рис. 2, 10, 11, 13, 19), аргиллитовые цилиндрические бусы (рис. 2, 23, 3, 25, 34), бронзовые кольца — рис. 2, 3—5, 8, 9), либо уникальны в ирменской культуре: два набора, состоящие каждый из массивной бронзовой бусины и пронизки, — украшения кос? (рис. 2, 15—18), мелкие бронзовые бусы, составлявшие браслеты или обшивки рукавов (н. 4 и 9; рис. 1; 2, 7; 3, 27), серебряные рубчатые нашивки (рис. 2, 20, 21), золотые и серебряные гладкие и спиральные пронизки (рис. 3, 1—19, 35), сер-

доликовые, лазуритовые и синие стеклянные бусы, входившие в состав ожерелья или затылочного украшения (н. 15, 17, 18, 20, 22—24; рис. 1; 2, 24—29; 3, 20—25, 29).

Из перечисленных украшений особенно интересны бочонковидные бусины из лазурита (рис. 2, 24; 3, 23, 29), несомненно привозные, так как месторождения лазурита очень редки (Бадахшан в Афганистане, Слюдянка в Прибайкалье)²³. По примеси кристаллов пирита установлено, что бусы из камышенского погребения изготовлены из бадахшанского лазурита²⁴. Лазуритовые бусы широко распространены в Средней Азии с IV—III тысячелетий до н. э.²⁵ Они встречаются в могильниках Заманбаба и Гуджайли андроновско-алакульского типа²⁶. Наконец, они хорошо известны в памятниках VII—V вв. до н. э. от Тянь-Шаня до Приаралья²⁷. Типичный комплекс этих среднеазиатских бус VII—V вв. до н. э. состоит из лазуритовых, сердоликовых, стеклянных, белых цилиндрических (аргиллит? каолин?) и бирюзовых бусин. Это тот же комплекс, что и в камышенском погребении (за исключением бирюзы, которой в Камышенке нет). Вероятнее всего, и сердоликовые бусы из Камышенки среднеазиатского или еще более южного (иранского, индийского) происхождения²⁸. Что касается стеклянных бус, то в Средней Азии они были известны еще в эпоху бронзы, по-видимому, во II тысячелетии до н. э., и широко распространены в еще более позднее время²⁹. В европейской части СССР стеклянные бусы найдены в памятниках предкифского времени — в Широчанском могильнике, Лукьяновском кургане, Суворовском могильнике. Однако А. И. Тереножкин, исследователь киммерийских погребений Северного Причерноморья, специально отмечает, что каменные и стеклянные бусы в этих погребениях редки³⁰.

Мелкие спиралевидные пронизки из Камышенки (рис. 3, 1—18, 33) находят очень близкие аналоги в Средней Азии (Тамды на Памире, могильник Тарымкая I в дельте Амударьи)³¹, часты на Северном Кавказе (каменноостские и кобанские памятники)³², есть в киммерийских памятниках Северного Причерноморья³³. В основном все эти пронизки бронзовые, но встречаются и золотые (Тарымкая I, Суворово).

Приведенные аналогии бусам и пронизкам датируются VIII—VII и VII—VI вв. до н. э. Итак, по аналогиям ножу, зеркалу и украшениям рассматриваемое погребение относится к VIII—VII, может быть, к VII в. до н. э.

Всего в камышенском погребении найдено 115 украшений. Таким огромным их количеством оно выделяется не только из числа других погребений этого могильника, но и из всех известных погребений карасукского времени и периода раннего железа (VII—V вв. до н. э.) в Сибири. Особенно не характерно для сибирских погребений наличие столь большого числа бус: бус в Сибири, как и в Причерноморье того времени, очень мало. По количеству и набору бус это погребение явно тяготеет к Средней Азии, чему имеются и прямые доказательства (лазуритовые, стеклянные и, вероятно, сердоликовые бусы). Зеркало из этого погребения, уникальное в Сибири, также имеет среднеазиатские параллели. Оно изготовлено на северном Алтае (судя по типичному ирменскому орнаменту), но, вероятнее всего, по среднеазиатскому образцу. Характерно и отсутствие в этом погребении керамического сосуда, в то время как они есть во всех без исключения остальных могилах Камышенки. Вообще, в культурах карасукского круга в Сибири керамика многочисленна. Ис керамики мало в упомянутых выше сакских могильниках Средней Азии, таких как памирские могильники, Уйгарак, Тумеккичиджик. Вполне возможно, что похороненная здесь женщина происходила из Средней Азии.

Столь большое число украшений позволяет сделать некоторые предположения и о возрастном, и о семейном, и о социальном положении этой женщины. Из этнографии самых различных народов известно, что наиболее нарядные одежды и наибольшее количество украшений носила невеста в день свадьбы или молодая женщина в первые годы после заму-

жества, т. е. в возрасте и положении, когда она наиболее способна к деторождению, в чем видели основное жизненное предназначение женщины³⁴. Начиная с 25—26 и особенно после 40 лет женщина должна была одеваться гораздо скромнее и носить гораздо меньше украшений³⁵. Исходя из этого, можно предположить, что в рассматриваемой могиле погребена молодая женщина в уборе свадебном или том, который она носила первое время после замужества. Обычай хоронить всех вообще женщин в свадебных уборах известен некоторым народам — например, нганасанам, мордве³⁶, но населению, оставившему могильник Камышенка, этот обычай не был свойствен: другие женские погребения этого могильника сопровождаются небольшим числом украшений. В пользу того что перед нами погребение женщины в свадебном уборе, говорит и зеркало у ее пояса. Известно, что зеркало — необходимая принадлежность невесты у многих народов и играет роль в свадебном ритуале (особенно у индоиранцев³⁷, хотя и не только у них³⁸). Не исключено, что свадебным атрибутом был и нож, который у покойницы из рассматриваемого погребения был в правой руке. Б. А. Рыбаков приводит данные, что у хорватов жених при обручении дарит невесте нож как символ хозяйственности³⁹. Вообще же ножи — постоянная принадлежность женщины у многих народов, часто их носят при себе и с ними хоронят⁴⁰. Ножи в женских погребениях известны в ирменской культуре (Камышенка, курганы 10 и 60; Титово, курган 4, могила 2 и курган 5, могила 4).

Неясной остается такая деталь, как преднамеренно разломанный браслет на руке покойницы. Мне не удалось найти объяснения этому в этнографической литературе.

Предположению, что в данной могиле погребена молодая женщина в свадебном уборе, подкрепленному этнографическими аргументами, противоречит определение антрополога, что это женщина лет 40 или старше. Думаю, что в данном случае можно сомневаться в антропологическом определении, поскольку оно сделано только на основании стертости зубов (верхняя часть черепа не сохранилась).

Итак, инвентарь дает возможность предполагать, что в кургане 67 могильника Камышенка была погребена молодая женщина среднеазиатского происхождения, в свадебном уборе, вышедшая замуж за представителя ирменской культуры, похороненная в основном по ирменскому обряду, но сохранившая среди своих вещей и украшений и среднеазиатские. О ее богатстве и, вероятно, высоком социальном положении говорят драгоценные вещи: золотые и серебряные пронызки, серебряные серьги, лазуритовые и стеклянные бусы, в то время, несомненно, высоко ценившиеся.

¹ Раскопки Алтайской экспедиции ИА. Кроме автора статьи, в работах 1973 г. участвовали студент Томского университета В. А. Рябцев, директор Детской туристической станции в г. Барнаул А. Д. Сергеев с группой школьников, служащие и студенты различных ВУЗов из Москвы.

² Определение антрополога М. С. Великановой.

³ Могильников В. А. Исследование курганной группы эпохи раннего железа Калачевка II. — КСИА, 1968, 114, с. 94—97, рис. 43, 1, 2, 4.

⁴ Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960, реестр, табл. VIII, 73, с. 314, № 4351.

⁵ Собрание Усова, ГИМ, 39096, хр. 85/346.

⁶ Троицкая Т. Н. Курганный могильник Ордынское I. — Научные труды НГПИ, 1973, 85, с. 88, рис. 2, е.

⁷ Матющенко В. И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. Ч. 4. Еловско-ирменская культура. — В кн.: Из истории Сибири. Томск, 1974, 12, рис. 88, 5.

⁸ Грязнов М. П. История древних племен верхней Оби. — МИА, 1956, 48, табл. XVIII, 28.

⁹ Сводку см.: Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967, с. 89, 90, табл. 21. См. также сарматские и кушнареновские зеркала (Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры. — САИ, 1963, вып. Д1-10, табл. 27, 16—18; Генинг В. Ф. Памятники у с. Кушнареново на р. Белой (VI—VII вв. н. э.). — В кн.: Исследования по археологии Южного Урала. Уфа, 1977, с. 101, рис. 8, 16).

¹⁰ Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы. — МИА, 1962, 118, с. 68, 69, табл. XX, 4, 5.

- Кузьмина Е. Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. — САИ, 1966, вып. В4-9, с. 68, табл. XIII, 4, 5, 8.
- ¹¹ Кибиров А. К., Кожемяко П. Н. Новые памятники эпохи бронзы. — ТИИ АН КиргССР, 1956, 2, с. 37—46; *Бернштам А. Н.* Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941, табл. I, нижний ряд; Кузьмина Е. Е. Металлические изделия..., табл. XIII, 1, 6, 9.
- ¹² Ghirshman R. Fouilles de Sialk près de Khashan. Paris, 1939, v. II, pl. XXIX, 8; *Vanden-Berghe L.* La Nécropole de Khürvîn. Istanbul, 1964.
- ¹³ Boehmer R. M. Zur Datierung der Necropole B von Tepe Sialk. — Archäologischer Anzeiger, 1965, H. 4.
- ¹⁴ Тереножкин А. И. Основы хронологии предскифского периода. — СА, 1965, № 1, с. 80.
- ¹⁵ Dyson R. Problems of Prehistoric Iran as seen from Hasanlu. — JNES, 1965, XXIV, 3, p. 202, 211.
- ¹⁶ Кузьмина Е. Е. Хронология некоторых кладов Семиречья. — МИА, 1965, 130, с. 107, 108.
- ¹⁷ Артамонов М. И. Саркел—Белая Вежа. — МИА, 1958, 62, рис. 16, 1.
- ¹⁸ Сводки этих кинжалов многочисленны. Из последних сводок см.: *Kosack G.* Pferdegesshirr aus Gräber der ältesten Hallstattzeit Bayern. — JRGZM, 1954, 1; *Podborsky V.* Stramberska dyka s krizovym jilcem a otazka rozšírení, původu a datování techto dyk v Evrope. — AR, 1968, XIX; Тереножкин А. И. Киммерийские мечи и кинжалы. — В кн.: Скифский мир. Киев, 1975, рис. 9, 10; *Козенкова В. И.* Связи Северного Кавказа с Карпато-Дунайским миром. — Там же, с. 69, рис. 10.
- ¹⁹ Саинов Д. Г., Бобров В. В. Титовский могильник. — В кн.: Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978, с. 53. Определение пола и возраста погребенных произведены Г. А. Кошкиным.
- ²⁰ В двух случаях (Титово, курган 3, могила 2 и Пьяново, курган 7, могила 2) гвоздевидные серьги найдены у мужчин. Антропологические определения Г. А. Кошкина и Н. С. Розова.
- ²¹ Гаффенберг Э. Г. Одежда белуджей Туркменской ССР. — Сборник МАЭ, Л., 1970, XXVI, с. 93.
- ²² Там же, с. 92, рис. 15, 2 и с. 93.
- ²³ Ферсман А. Е. Очерки по истории камня. М., 1954, т. I, с. 270.
- ²⁴ Определение сотрудников Минералогического музея АН СССР В. А. Корнетовой и О. Л. Свешниковой.
- ²⁵ Сариганди В. И. О великом лазуритовом пути на Древнем Востоке. — КСИА, 1968, 114, с. 3, 4.
- ²⁶ Гулямов Я. Г., Исламов У., Аскарлов А. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана. Ташкент, 1966, с. 153, 154, 202, 203, табл. VIII, 3; XX, XXIII, 4.
- ²⁷ Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. — МИА, 1952, 26, с. 34, рис. 14, 50, табл.-вклейка между с. 300 и 301, рис. 11, с. 302; *Литвинский Б. А.* Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972, с. 71; *Вишневская О. А.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э. М., 1973, с. 83; *Вайнберг Б. И.* Куюсайская культура раннего железного века в Присарыкамышской дельте Амударьи. — УСА, 1975, 3, с. 45.
- ²⁸ Месторождение сердолика имеется в Средней Азии, в горах Султан-Уиздаг (*Ферсман А. Е.* Драгоценные и цветные камни России. Пг., 1922, т. I, с. 144). Однако считается, что он был невысокого качества, и в Среднюю Азию сердолик поступал из Ирана, Индии и Аравии (там же, с. 216—267).
- ²⁹ Литвинский Б. А. Древние кочевники..., с. 72—76. Автор считает, что стеклянные среднеазиатские бусы сакского времени происходят из Месопотамии.
- ³⁰ Лесков А. М. Предскифский период в степях Северного Причерноморья. — МИА, 1971, 177, с. 86; Тереножкин А. И. Киммерийцы. Киев, 1976, с. 62, рис. 31, 5, с. 166.
- ³¹ Соответственно: *Бернштам А. Н.* Историко-археологические очерки..., табл.-вклейка между с. 300 и 301, рис. 15; раскопки Б. И. Вайнберг, 1974 г.
- ³² Например, Каменноостровский могильник (*Гриневич К. Э.* Новые материалы по археологии Кабарды. — МИА, 1951, 23, рис. 7—9), погребение под Нальчиком, Верхняя Рутха (*Крутных Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, табл. V, 9; XXXVIII, 1, 2), могильники Серженъ-Юрт и Завдакский (*Козенкова В. И.* Кобанская культура. Восточный вариант. — САИ, 1977, вып. В2-5, табл. XIX, 2e; XXI, 16).
- ³³ Аккермень, Золотая Балка, Волопское, Суворово (*Тереножкин А. И.* Киммерийцы, рис. 2, 6, 7; 12, 9; 34, 4, с. 166).
- ³⁴ См., например: *Мервайт Л. А.* Обрядовые уборы кашмирских брахманов. — Сборник МАЭ, Л., 1927, VI, с. 181—203; *Сазонова М. В.* Украшения узбеков Хорезма. — Там же, 1970, XXVI, с. 116—130; *Морозова А. С.* Туркменская одежда второй половины XIX—начала XX в. — ТИЭ, н. с., 1971, XCVII, с. 175, 196, 210, 213; *Потапов Л. П.* Одежда алтайцев. — Сборник МАЭ, Л., 1951, XIII, с. 35, 44; *Дьяконова В. П.* Материалы по одежде тувинцев. — ТТКАЭЭ, 1960, 1, с. 252, 255, 263; *Потапов Л. П.* Материалы по этнографии тувинцев района Монгун-тайги и Кара-Холя. — Там же, с. 203—206; *Белицер В. Н.* Народная одежда удмуртов. М., 1951, с. 84; *Она же.* Народная одежда мордвы. М., 1973, с. 51, 85, 93, 111, 119, 123, 130, 139—169; *Рыбаков Б. А.* Древности Чернигова. — МИА, 1949, 11, с. 20, 21.
- ³⁵ *Мервайт Л. А.* Обрядовые уборы..., с. 172, 202, 204—206; *Морозова А. С.*

- Туркменская одежда... с. 196, 210, 213; *Сафонова М. В.* Украшения узбеков... с. 118; *Белицер В. Н.* Народная одежда мордвы, с. 69, 156, 168 и др.
- ³⁶ *Попов А. А.* Нганасаны. М.; Л., 1948, с. 116, рис. 63, табл. 33—35; *Белицер В. Н.* Народная одежда мордвы, с. 51, 156.
- ³⁷ Сводки по этому вопросу см.: *Литвинский Б. А.* Зеркало в верованиях древних ферганцев. — СЭ, 1964, № 3, с. 102, 103; *Раевский Д. С.* Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977, с. 95—98; см. также: *Мервайт Л. А.* Обрядовые уборы... с. 189, 190, табл. III, II.
- ³⁸ Например, у хорезмских узбеков (*Кисляков Н. А.* Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1969, с. 145).
- ³⁹ *Рыбаков Б. А.* Древности Чернигова, с. 20.
- ⁴⁰ См., например: *Дьяконова В. П.* Материалы по одежде тувинцев, с. 252; *Она же.* Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л., 1975, с. 38, 130.

ХРОНИКА

В. А. АЛЕКСИН

РАБОТА СЕКТОРА СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАВКАЗА в 1977—1978 гг.

В 1977—1978 гг. сотрудники сектора занимались разработкой семи основных тем: теоретические и методические проблемы археологии; неолит европейской части СССР и сопредельных территорий; эпоха бронзы евразийских степей; культура и общественный строй оседлоземледельческих племен Средней Азии и Кавказа; культура древних кочевников евразийских степей; культура античных городов на территории СССР; раннефеодальный город Средней Азии и Кавказа.

Полевые работы, в которых участвовали сотрудники сектора, связаны с разработкой перечисленных выше тем. В 1977 и 1978 гг. сектором проведены следующие экспедиции: Пенджикентская (А. М. Беленицкий), Сумбарская (И. Н. Хлопин), Ферганская (Ю. А. Заднепровский), Каахкинская (А. Я. Щетенко), Бактрийская (В. М. Массон, В. А. Завьялов), Каракумская (В. М. Массон), Прикубанская (В. С. Бочкарев), Волго-Донская (В. П. Шилов), Саяно-Тувинская (С. Н. Астахов), в составе которой работали отряды I (А. Я. Щетенко) и II (А. М. Мандельштам), Средне-Енисейская (М. П. Грязнов, М. Н. Пшеницына), Сибирская (Г. А. Максименков, Э. Б. Вадецкая).

В. М. Массон, Ю. А. Заднепровский, И. Н. Хлопин, А. Я. Щетенко, К. Х. Кушнарева, В. С. Бочкарев, Э. С. Шарафутдинова, М. П. Грязнов, Г. А. Максименков, Э. Б. Вадецкая готовили соответствующие разделы многотомной «Археологии СССР».

Р. М. Джанполадян закончила работу «Свод сфероконических сосудов с территории Армении (Ани и Двин)». В исследовании прослеживается возникновение и развитие сосудов своеобразной формы, происходящих из раскопок средневековых городов Армении.

В. И. Распопова завершила работу «Жилища Пенджикента». В этой монографии впервые для среднеазиатской археологии эпохи средневековья рассмотрены комплексы жилищ как полновесный археологический источник. В работе дана типология жилищ, прослежена эволюция их во времени. Особое внимание уделено культурному влиянию предшествующей античной эпохи на домостроительство средневекового времени.

А. М. Мандельштам завершил монографию «Могильник Аймырлыг — памятник племен скифского периода в Центральной Туве». В работе дается подробная характеристика вещевого материала могильника, который сейчас, бесспорно, является эталонным памятником не только для Тувы, но и для всех азиатских степей скифского времени. Здесь же анализируется погребальный обряд, решаются вопросы хронологии и периодизации погребальных комплексов. Работа, безусловно, представляет значительным шагом вперед в области раннекочевнической археологии.

И. Н. Хлопин закончил монографию «Древняя Гиркания (история населения юго-западной Туркмении в эпоху бронзы)». Работа построена на материалах многолетних раскопок автора в долине Сумбара на юго-западе Туркмении. В исследовании по-новому освещаются многие спорные

моменты археологии Средней Азии эпохи бронзы. Раскопки Сумбарских могильников ликвидируют лакуну в наших знаниях относительно населения юго-запада Туркмении в эпоху поздней бронзы.

Э. С. Шарафутдинова представила работу «Погребения срубной культуры на нижнем Дону». В основу исследования положены многочисленные погребальные комплексы срубной культуры. Автором проделана колоссальная работа по систематизации и классификации погребений срубной культуры, установлены основные характеристики погребального обряда, прослежена их эволюция во времени.

В 1977 г. проведено 27 заседаний сектора Средней Азии и Кавказа, а в 1978 г. — 26, на которых были заслушаны доклады по текущим плановым темам, а также по результатам полевых исследований. Обсуждались и доклады сотрудников из других научных учреждений, а также работы, представленные в качестве докторских и кандидатских диссертаций.

В 1977 г. рекомендована к защите докторская диссертация Б. Я. Ставиского (Москва) «Бактрия — Тохаристан в кушанский период»; кандидатские диссертации: А. Анарбаева «Благоустройство среднеазиатских городов в средние века (V—начало XIII в.)» (защита в 1978 г. в ЛОИА); Г. А. Агафоновой «Наскальные изображения Тянь-Шаня эпохи бронзы и раннего железного века как исторический источник»; Л. И. Хлопиной «Намаздапе и эпоха поздней бронзы южной Туркмении» (защита в ЛОИА в 1978 г.).

В 1978 г. рекомендованы к защите докторская диссертация Ю. А. Заднепровского «Чустская культура Ферганы и памятники раннего железного века Средней Азии» (защита в 1978 г.) и кандидатские диссертации М. Х. Исамитдинова «Керамика южного Согда в эпоху древности и раннем средневековье», В. А. Дергачева «Памятники позднего Триполья (вопросы систематизации)» (защита в 1978 г. в ЛОИА) и А. С. Сагдуллаева «Культура северной Бактрии в эпоху поздней бронзы и раннего железа».

В конце 1978 г. закончил аспирантуру при секторе с представлением текста кандидатской диссертации Д. Абдуллаев «Пенджикент периода арабского завоевания (вопрос о согдийском культурном наследстве)». Научным руководителем аспиранта является А. М. Беленицкий.

В 1977 г. защитил кандидатскую диссертацию «Социальный строй раннеземледельческих обществ по погребальным памятникам культур Ближнего Востока и Средней Азии» младший научный сотрудник сектора В. А. Алекшин.

В 1978 г. защитили кандидатские диссертации аспиранты сектора А. Анарбаев (Самарканд), Г. А. Агафонова (Ленинград), В. А. Дергачев (Кишинев).

20 апреля 1977 г. на расширенном заседании сектора с участием сотрудников других научных учреждений обсуждалась дискуссионная киммерийская проблема. Рассматривались наиболее спорные аспекты перехода от поздней бронзы к раннему железу в евразийских степях, дебатировались вопросы формирования культур ранних кочевников.

В ноябре 1978 г. американский археолог Ф. Кол (Бостон) сделал на секторе доклад на тему «Дальние торговые связи Западной Азии с середины III тысячелетия до н. э.».

В 1978 г. вышла из печати книга одного из сотрудников сектора Г. А. Максименкова «Андроновская культура на Енисее».

Сотрудники сектора (В. М. Массон, А. М. Беленицкий, В. И. Распопова, Р. М. Джанполадян) в августе 1977 г. участвовали в работе Всесоюзного совещания «Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана», приуроченного к 30-летию начала раскопок в Пенджикенте.

И. Н. Хлопин участвовал в работе I Всесоюзной конференции «Проблемы взаимодействия общества и природы», состоявшейся в 1978 г. в Москве. В том же году Э. Б. Вадецкая участвовала в археологической конференции в Томске и в научной сессии Омского университета. В 1978 г.

А. М. Беленицкий принимал участие в заседаниях московской юбилейной сессии, посвященной 40-летию образования Хорезмийской археолого-этнографической экспедиции. В 1978 г. Р. М. Джанполадян и В. И. Распопова участвовали в очередных Бартольдских чтениях в Москве.

В 1978 г. присвоены звания младшего научного сотрудника следующим сотрудникам сектора: В. А. Алекшину, Н. А. Боковенко, В. С. Бочкареву, М. Н. Пшеницкой, В. И. Распоповой, М. Д. Хлобыстиной, Э. С. Шарфудиновой.

В марте 1978 г. в сектор в качестве младшего научного сотрудника принят В. А. Завьялов. Тема его исследования «Культура античного среднеазиатского города кушанского времени».

Очную аспирантуру при секторе проходят Л. Б. Кирчо (руководитель В. М. Массон), которая работает над темой «Культура ранней бронзы южной Туркмении (вопросы происхождения)», а также М. П. Чернопицкий (руководитель М. П. Грязнов). Тема диссертации М. П. Чернопицкого «Курганные сооружения как исторический источник (функции курганов по материалам степных культур бронзы и раннего железа)».

Заочную аспирантуру при секторе проходит С. С. Миняев (ЛЮИА). Тема его исследования: «Бронзы хуннского времени (II—I вв. до н. э.). Типология, производство, распространение». Научным руководителем темы является М. П. Грязнов, научным консультантом темы — химик В. А. Галибин.

Сектор подготавливает научные кадры для других учреждений. Под руководством А. М. Беленицкого проходят подготовку аспиранты М. Х. Исамитдинов (Институт археологии АН УзССР), Д. Абдуллаев (Институт истории им. А. Дониша АН ТаджССР), Б. Э. Аманбаева (Институт истории АН КиргССР); под руководством В. П. Шилова — И. П. Лисицын (Волгоградский педагогический институт) и заочно В. А. Дергачев (Институт истории АН МолдССР), Ю. Ю. Пиотровский (Эрмитаж); под руководством А. М. Мандельштама — К. Ташбаева (Институт истории АН КиргССР).

Кроме того, при секторе проходят стажировку сотрудники республиканских археологических учреждений Т. Аннаев (Институт археологии АН УзССР), Е. А. Смагулов (Институт истории АН КазССР), К. Д. Курбансахатов (Институт истории АН ТуркССР). Все они проходили стажировку под руководством В. М. Массона. Под руководством А. М. Мандельштама проходит стажировку Т. Кулик (Институт истории АН КазССР).

Зимой 1978 г. А. Я. Щетенко находился в научной командировке в Непале. Он обследовал ряд поселений эпохи бронзы. Впервые был открыт палеолит в Непале, что имеет огромное научное значение. А. Я. Щетенко также знакомился с коллекциями музеев Непала, выступал с лекциями перед общественностью страны.

В 1977 г. сектор понес тяжелую утрату — 7 сентября скончалась одна из старейших сотрудниц сектора младший научный сотрудник И. Б. Бентович.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО — Археологические открытия. М.
 АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.
 ВДИ — Вестник древней истории
 ВМГУ — Вестник Московского государственного университета
 ГИМ — Государственный исторический музей
 ГЭ — Государственный Эрмитаж
 ГЭОИПК — Государственный Эрмитаж, Отдел истории первобытной культуры
 ИА — Институт археологии Академии наук СССР
 ИАК — Известия Археологической комиссии
 ИАН ТССР, СОН — Известия АН Туркменской ССР, серия общественных наук
 ИАН СССР, СИФ — Известия Академии наук СССР, серия истории и философии
 ИИАЭ — Институт истории, археологии и этнографии
 ИМКУ — История материальной культуры Узбекистана. Ташкент
 КД — Каракумские древности. Ашхабад
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
 КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР
 ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР
 МАК — Материалы по археологии Кавказа
 МАР — Материалы по археологии России
 МАЭ — Музей антропологии и этнографии
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
 МХЭ — Материалы Хорезмской экспедиции. М.
 НГПИ — Новосибирский государственный педагогический институт
 ООИ — Отделение общественных наук Академии наук СССР
 ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
 ПТ — Памятники Туркменистана. Ашхабад
 СА — Советская археология
 САИ — Свод археологических источников
 СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
 СОН — Серия общественных наук
 СЭ — Советская этнография
 ТГНИИ — Туркменский государственный научно-исследовательский институт, Ашхабад
 ТИИ АН КиргССР — Труды Института истории Академии наук Киргизской ССР. Фрунзе
 ТИИ — Труды Института истории
 ТИЭ — Труды Института этнографии Академии наук СССР
 ТКЭАН — Тувинская комплексная археолого-этнографическая экспедиция Академии наук СССР
 Тр. ИЯЛИ Кирг. ФАН — Труды Института истории, языка и литературы Киргизского филиала Академии наук СССР
 ТТКАЭЭ — Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. М.; Л.
 ТХЭ — Труды Хорезмской экспедиции. М.
 ТЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад
 УСА — Успехи среднеазиатской археологии. Л.
 ЭВ — Эпиграфика Востока
 ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция
 AFSB — Arbeits- und Forschungsberichte zur sächsischen Bodendenkmalpflege Am. An. — American Anthropologist
 AR — Archéologie Rozhledy. Praha
 BV — Bayerische Vorgeschichtsblätter
 EAF — Ethnographisch-Archäologische Forschungen
 EAZ — Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift
 JNES — Journal of the Near Eastern Studies
 JRGZM — Jahrbuch d. Römisch-Germanischen Zentralmuseum am Mainz
 MDOG — Mitteilungen d. Deutsche Orientalgesellschaft. Berlin
 MSAA — Memoirs of the Society for American Archaeology
 PA — Památky Archeologicke
 PZ — Praehistorische Zeitschrift
 WA — World Archaeology

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>В. А. Алекшин.</i> Погребальный обряд как археологический источник . . .	3
<i>А. М. Беленицкий, В. И. Распопова.</i> К вопросу об уточнении датировок согдийских монет	9
<i>Ю. Е. Березкин.</i> Женские терракотовые статуэтки с Алтындепе . . .	16
<i>Ю. А. Заднепровский.</i> К истории оазисного расселения в первобытной Средней Азии	23
<i>Л. Б. Кирчо.</i> Погребальный обряд и культурные традиции (по материалам южнотуркменистанских погребений периода ранней бронзы)	28
<i>Г. Ф. Коробкова.</i> К проблеме общественного строя кельтеминарских племен	35
<i>С. С. Миняев.</i> Бронзовые изделия Ноин-Улы (по результатам спектрального анализа)	39
<i>Э. В. Сайко.</i> Режим обжига в практике древних и средневековых гончаров Востока	43
<i>Д. Ф. Винник, Е. Е. Кузьмина.</i> Второй Каракольский клад Киргизии	48

Полевые исследования

<i>Ф. Х. Арсланова.</i> Случайная находка бронзовых вещей в Семипалатинском Прииртышье	54
<i>Э. Б. Вадецкая.</i> Малый таштыкский склеп на речке Дальняя Чая . . .	59
<i>В. А. Завьялов.</i> Позднекупанская антропоморфная терракота Зартепе	65
<i>М. Н. Ложкин, В. Г. Петренко.</i> Уздечный набор из Краснодарского края	70
<i>А. М. Мандельштам.</i> Могильник Джанак I	73
<i>В. А. Могильников, А. П. Уманский.</i> Курган раннего железного века на Чумыше	80
<i>Ю. С. Гришин.</i> Памятники бархотуйской культуры в восточном Забайкалье	86
<i>К. И. Ташбаева.</i> Раннеочевнический могильник Джаргата	91
<i>И. Н. Хлопин.</i> К уточнению хронологии культуры архаического Дахистана	95
<i>Н. Л. Членова.</i> Ирменское погребение с богатым инвентарем	100

Хроника

<i>В. А. Алекшин.</i> Работа сектора Средней Азии и Кавказа в 1977—1978 гг.	109
Список сокращений	112

Археология Сибири, Средней Азии и Кавказа

КСИА, вып. 167

Утверждено к печати Ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии Академии наук СССР

Редактор издательства Н. И. Сергиевская. Художественный редактор Н. Н. Власик
Технические редакторы Н. Н. Плохова, Т. А. Калинина
Корректоры Д. Ф. Арапова, В. А. Березина

ИБ № 22126

Сдано в набор 7.08.81. Подписано к печати 04.11.81. Т-27537 л. Формат 70×108¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 9,8. Усл. кр. отг. 10,15.
Уч.-изд. л. 10,9. Тираж 2450 экз. Тип. зак. 642
Цена 1 р. 20 к.

Издательство «Наука» 117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12